

10.335
1957

28

5

ЛИТЕРАТУРНАЯ

ГРУЗИЯ

1957

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГРУЗИЯ

Литературно-художественный
и общественно-политический
журнал

ОРГАН
СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ ГРУЗИИ

40 лет

ВЕЛИКОГО ОКТЯБРЯ

57.218

СО Д Е Р Ж А Н И Е

М. Д. ЧУБИНИДЗЕ. Под солнцем Октября . . .	3
ИОСИФ НОНЕШВИЛИ. Октябрьское знамя. Стихи	5
Народ воспевает Великий Октябрь. Из грузинско- го, абхазского и осетинского фольклора.	6

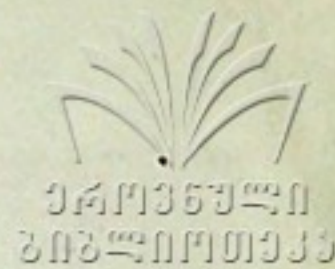
НЕЗАБЫВАЕМЫЕ ГОДЫ

М. ЦЕРЕТЕЛИ. Нестор Каландаришвили — «дед» сибирских партизан	9
Завод-ветеран. Рассказ старого рабочего Георгия Антадзе.	13

ЕГИШЕ ЧАРЕНЦ. Борис Дзnelадзе. Стихи.	17
ГЕОРГИЙ ЛЕОНИДЗЕ. Привет тебе, моя От- чизна! Стихи.	20
СИМОН ЧИКОВАНИ. В Кракове. Стихи	22
ХУТА БЕРУЛАВА. На Великой китайской стене. Стихи	24
ШАЛВА ДАДИАНИ. Семья Гвиргвилиани. Роман. Продолжение	26
ЕВГЕНИЙ ЕВТУШЕНКО. Воспоминание. Стихи.	45

(См. на обороте)

НОЯБРЬ
1957

ДАВИД ДЖИОЕВ. Тебе, партия. Стихи	47
НИНО АБАШИДЗЕ. Шелковый платок. Рассказ.	48
БАГРАТ ШИНКУБА. В дороге. Стихи.	59
МИХАИЛ МРЕВЛИШВИЛИ. Старый тарантас. Рассказ.	61
ФРИДОН ХАЛВАШИ. Приглашаю. Стихи	70
ИЛЬЯ МУХАДЗЕ. Товарищ Ной. Повесть о бесстрашном революционере	71
Н. НОВИЦКИЙ. ...Плюс электрификация.	109

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

ГЕОРГИЙ МАРГВЕЛАШВИЛИ. Подлинное богатство поэзии. Статья третья.	118
--	-----

ЗА РУБЕЖОМ

СЕРГО ЧИЛАЯ. Семнадцать дней в Болгарии.	131
КЕТЕВАНА ЛОМТАТИДЗЕ. По дорогам Сирии.	139

НАШИ ИНТЕРВЬЮ

Зарубежные гости о Советской Грузии.	142
--	-----

Редактор К. ЛОРДКИПАНИДЗЕ

Редакционная коллегия:

**Ө. АНАНИАШВИЛИ, М. ЗЛАТКИН, А. КУЗЬМИЧЕВ (заместитель редактора),
А. КУТЕЛИЯ, В. МАЧАВАРИАНИ, Э. ФЕЙГИН, Д. ШЕНГЕЛАЯ**

Адрес редакции: Тбилиси, ул. Махарадзе, 14, тел. 3-87-88.

В. И. ЛЕНИН
в своем рабочем кабинете в Кремле.
Фото П. Оцуа.

საქართველოს
საბჭოთაო სსრ

М. Д. ЧУБИНИДЗЕ,

Председатель Президиума
Верховного Совета Грузинской ССР.

ПОД СОЛНЦЕМ ОКТЯБРЯ

В полном расцвете творческих сил, в обстановке могучего подъема всех отраслей народного хозяйства и культуры своей страны; как самый большой, самый радостный, поистине всенародный праздник, отмечают народы Советского Союза, в том числе трудящиеся нашей республики, 40-ю годовщину Великой Октябрьской социалистической революции.

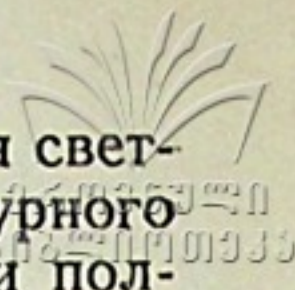
Сорок лет назад легендарный выстрел «Авроры» возвестил миру о наступлении новой эры в истории человечества. Коммунистическая партия и ее мудрый вождь Владимир Ильич Ленин привели трудящихся нашей многонациональной страны к всемирно-исторической победе над властью помещиков и капиталистов. Хозяином своей судьбы и своего будущего стал трудовой народ. Родившись в огне классовых битв, Великий Октябрь принес рабочим и крестьянам мир и счастье, свободу и хлеб, радость созидательного труда и незыблемую веру в победу социализма.

В борьбе за торжество социалистических идей, за их претворение в действительность во всей полноте раскрылась неистощимая жизненная сила созданного Октябрьской революцией советского общественного и государственного строя, великая созидательная мощь свободного творческого труда рабочих, крестьян и интеллигенции нашей страны. Об этом красноречиво говорят успехи нашей промышленности, сельского хозяйства, науки и культуры, такие выдающиеся успехи как создание первой в мире атомной электростанции, крупнейшей на земном шаре Куйбышевской гидроэлектростанции, мощной межконтинентальной баллистической ракеты и, наконец, создание и запуск первых в мире искусственных спутников Земли, открывших новую эру в истории мировой науки.

Октябрьская революция установила невиданные прежде отношения дружбы и братства между народами нашей страны.

В братской семье народов великого Советского Союза замечательного расцвета народного хозяйства и культуры, небывалого подъема богатейших производительных сил добилась Советская Грузия — равная среди равных республик могучего социалистического государства.

Победа Великой Октябрьской социалистической революции, свержение меньшевистского буржуазно-националистического правительства и изгнание интервентов из пределов страны положили начало новой эпохе в

истории свободлюбивого грузинского народа. Для Грузии открылся светлый путь национального, политического, экономического и культурного расцвета, путь к социализму. Только при Советской власти смогли полностью раскрыться могучие творческие силы и способности грузинского народа. Только под руководством Коммунистической партии грузинский народ сумел вызвать к жизни и бурному расцвету поистине неисчерпаемые природные ресурсы республики — огромные богатства её недр, неистошимое плодородие почвы, могучую энергию стремительных горных рек.

За годы Советской власти в Грузии появились новые промышленные центры, выстроены сотни различных промышленных предприятий и среди них такие крупные, как Закавказский металлургический завод имени Сталина, Кутаисский автомобильный завод имени С. Орджоникидзе, станкостроительный завод имени Кирова, Зестафонский завод ферросплавов, Горийский хлопчатобумажный комбинат, суконные фабрики в Тбилиси и Кутаиси, машиностроительный и нефтеперерабатывающий заводы в Батуми, новые шахты в Ткибули, Ткварчели и Ахалцихе, гидроэлектростанции, предприятия чайной, химической, цементной, бумажной и других отраслей промышленности.

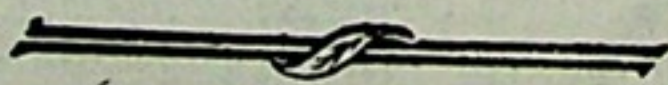
Неузнаваемо преобразилось за годы Советской власти и сельское хозяйство Грузии. Республика превратилась в страну передового социалистического земледелия с высокоразвитым полеводством, садоводством и виноградарством, в страну высокоценных субтропических и технических культур.

Невиданного расцвета достигла социалистическая культура Советской Грузии. На творческом подъеме находятся грузинская советская литература и искусство, развивающиеся в борьбе за идейность и высокое мастерство, отражающие духовное величие и неиссякаемую творческую энергию нашего народа. Грузинские писатели повседневно ощущают заботу Коммунистической партии и Советского правительства. Об этом ярко свидетельствует, например, издание нескольких новых журналов в Грузии, в том числе журнала «Литературная Грузия». Я рад представившейся мне возможности поздравить его читателей со всенародным праздником — 40-й годовщиной Великого Октября.

Нет сомнения, что писатели Грузии, вдохновленные, как и все советские люди, решениями XX съезда КПСС, приложат все силы к созданию художественных произведений, достойных великого советского народа — строителя новой жизни.

Расцвет Советской Грузии, как и расцвет других советских республик, ярко отражает силу и могущество нашего Советского государства, под руководством Коммунистической партии идущего вперед, к светлому будущему — коммунизму.

Сорок лет над великой Советской державой реет победоносное знамя ленинизма. К всемирно-историческим победам оно вело наш славный советский народ и на фронтах социалистического строительства, и на фронтах суровых битв с иноземными захватчиками. Это победоносное знамя — знамя Ленина, знамя партии — будет и впредь свободно реять над нашей Родиной, прославляя в веках первое в мире социалистическое государство рабочих и крестьян.

Октябрьское ЗНАМЯ

Перевод с грузинского Е. Евтушенко

Я славлю Октябрьское знамя!
Хочу я пшеницу в степи,
сады, виноградники, зданья,
ему посвятить, как стихи!
За то, что окрепли побеги,
за то, что мы стали сильнеей,
я славлю отцов победы
от имени их сыновей!
Иных не застали награды,
но памяти их мы верны.
В Арагви их крови капли
на спинах форелей видны.
Бессмертье их — нивы, селенья,
доверье открытых дверей,
и синие волны сирени,
и сильные волны морей!
Мы знали великие муки,
но были упрямо честны,
и наши рабочие руки
в земле и мазуте — чисты.
И мы знаменосцами стали.
Рабочая хватка крепка —
в древко наши пальцы вросли
и сделались частью древка.
И все это помня и зная,
не смея забыть ничего,
я славлю Октябрьское знамя
и руки, что держат его!

Народ воспевает ВЕЛИКИЙ ОКТЯБРЬ

Из грузинского, абхазского и осетинского фольклора

Светлица

Осетинская легенда

Перевод Г. Онаняна

Любовь к вождю свежа,
 как утро раннее,
Как правда, всемогуща и чиста!
В Осетии о Ленине предание
Живет, переходя из уст в уста:

На горизонте — горные хребты.
Тугой поток, свергаясь с высоты,
Повис над пропастью
 хрустальной аркой.

В траве рассыпанные там и тут,
Цветы белоголовые цветут,
Пленяя красотой своей неяркой...

У девушки-дойarki столько дел —
Работает, хлопочет неустанно!
Кто б на нее взглянуть не захстел,
На прелесть
 стройного, как тополь, стана!

Глаза ее, как звездочки, горят,
Нет-нет блеснет
 зубов жемчужный ряд...

Закончив все дела, она поет,
За рукоделие свое садится,
И песнь ее — свободная, как птица,
В сияющий взмывает небосвод.

«На траве, как на шелке,
Серебрится роса.
Шей быстрее, иголка,
Будьте зорки, глаза!

Чтобы светлое чувство
Для людей сохранить,
Вейся, вейся искусно,
Золотистая нить!»

...Лунный свет скользит
по горным склонам,
Без преград в саду гуляет сонном.
Девушка и ночью за работой,
Не задремлет, солнцем вышивая.
За иглой, сверкая позолотой,
Нитка убегает, как живая,
Нитка золотится, серебрится...
Тихо напевает мастерица:

«Чтобы светлое чувство
Для людей сохранить,
Вейся, вейся искусно
Пряжи солнечной нить»..

Видит мастерица, как впервые,
Лоб высокий и глаза живые,
Умные, прищуренные зорко...
А от них и разгорелась зорька!
Это Ленин на портрете рядом —
Клинышком — знакомая борода...
Озарилась дали ясным взглядом,
В море света тонет месяц-лодка.
В пене вишен, в пенье соловьином
День идет по радужным вершинам;
И цветы, цветущие на склонах,
Солнышко встречают удивленно,
Шепчутся, качаются, не зная,
Отчего сбежала тьма ночная.

★ ★ ★

Месяц подымается все выше.
Девушкой портрет заветный вышит;
Девушка глядит — не наглядится —
Свет зари на шелке золотится —
Труд и вдохновенье многих лет —
Солнцем вышит Ленина портрет.

В народе это светлое предание
Живет, переходя из уст в уста;
Любовь к вождю свежа,
как утро раннее,
Как правда, всемогуща и чиста!

Записал и обработал Т. Дзугаев.

БРАТЬЯ, соберем вместе

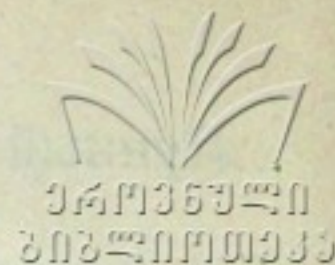
Перевод с грузинского В. Хацкевича

Братья, соберем вместе,
Светлой радостью горя,
Песней о труде и чести
Встретим праздник Октября.

С нами стройными рядами,
Веселясь, идет народ...
Вспомним прошлое, когда мы
Знали тяжкий царский гнет.

И сравним то время с нашим,
Станет разница ясней:
Нет нигде отчизны краше,
Нет счастливее людей!

Слава светлой годовщине —
Дню рождения страны,
Слава Родине — твердыне
Мира, счастья и весны!

Записано в селе Базалети Душетского района.

Две ЖИЗНИ

Перевод с абхазского Г. О н а н я н а

Придавленные гнетом, мы веками
Свое хозяйство бедное вели,
Не плуг железный, а крючки и камни
Вонзая в грудь могучую земли.
Так в прошлом при царизме жили мы,
Среди нужды, бесправия и тьмы.

Мы жгли в лачугах жалкие лучины,
Трудились в поле, проливая пот.
На лицах женщин — ранние морщины
От горестей всегдашних и забот.
Так в прошлом при царизме жили мы
Среди нужды, бесправия и тьмы.

Теперь — не то! Развеяв мрак ненастья,
Сияет солнце. Ясен небосвод.
И жизнью, полной радости и счастья,
Живет сегодня мой родной народ.
Пришла народной радости весна,
И ярко расцвела моя страна.

Нам партия глаза на жизнь открыла,
Ведет вперед в работе и в бою,
Она дала народу свет и крылья —
Я славу нашей партии пою!
Пришла народной радости весна
И ярко расцвела моя страна!

Записано со слов сказителя М. Сакания в селе
Дурипш Гудаутского района Абхазской АССР.

М. Церетели,
член КПСС с 1918 года.

НЕСТОР КАЛАНДАРИШВИЛИ— „ДЕД“ СИБИРСКИХ ПАРТИЗАН

Недавно я получил письмо из Черемхово. Черемховские шахтеры просили меня рассказать о революционных боях в Сибири, о герое гражданской войны Несторе Александровиче Каландаришвили. В памяти вновь ожили славные страницы революционного прошлого, светлый образ вожака сибирских партизан, его жизнь, без остатка отданная народу, жизнь-подвиг.

Я часто думал, как мог учитель из далекого грузинского села Квиркети бывшего Озургетского уезда завоевать такую любовь у сибиряков, людей суровых и строгих, хорошо знавших цену самоотверженности. Чем покорила он сердца черемховских шахтеров, иркутских красногвардейцев и забайкальских крестьян? Объяснялось это тем, что он был человеком одного благородного порыва, одной всепоглощающей страсти. Это был непоколебимый и пламенный борец за счастье трудящихся!

«Скоро наступит время, — писал Нестор Каландаришвили в одном из своих писем к жене, в далекую Грузию, — когда народ трудящийся, народ угнетенный восторжествует. Сегодня я далеко от вас, я не могу выполнить обязанности отца-семьянина, но меня, как и каждого сознательного человека, беспокоит другая обязанность, более высокая и великая, это — служение народу».

Верный сын своего народа, он горячо любил Грузию, с которой его разлучили царские палачи. Здесь, в бурные дни первой русской революции, он сражался в рядах гурийских повстанцев против карательных отрядов царского правительства.

За революционную деятельность Нестор Каландаришвили был арестован и заключен в батумскую тюрьму. Выйдя из тюрьмы, он продолжает революционную работу. Аресты следовали один за другим. Каландаришвили сидел в тифлисской, одесской, киевской, керченской тюрьмах. Оттуда он совершил несколько поразительных по своей дерзости побегов. В 1907 году Каландаришвили был приговорен к вечному поселению в Сибирь. Но никакие преследования, трудности и лишения не могли сломить мужественного борца с самодержавием. В каких бы тяжелых условиях Нестор ни находился, он никогда не прекращал борьбу за торжество того дела, которому посвятил свою жизнь.

Громя врагов Советской страны — Колчака, Семенова, японских интервентов, Нестор отстаивал свободу не только русских, но и грузинских рабочих и крестьян. А когда в 1921 году Каландаришвили, назначенный командующим Корейскими революционными войсками, принял участие в Учредительном съезде Корейской коммунистической партии, он с радостью и гордостью приветствовал корейских братьев от имени грузинского народа.

...Высоко над центром Восточной Сибири — городом Иркутском возвышается памятник бесстрашному большевику Нестору Каландаришвили. Его монументальная фигура отлита из чугуна. С развернутым красным знаменем в руках он как бы весь устремлен в будущее, в которое так верил. Рядом с ним — два партизана.

Сибиряки свято чтут память героя. Они видят в его пламенной борьбе за счастье Родины в рядах сибирских партизан прекрасный символ братской дружбы народов Советской страны, скрепленной кровью, совместно пролитой в боях за победу Великого Октября.

В Сибирь я попал в 1913 году. За революционную работу царские власти отправили меня туда в ссылку сроком на девять лет после четырехлетней каторги в херсонской тюрьме. Через несколько месяцев после прибытия в село Гимиль Иркутской губернии я выехал в Черемхово, где стал работать забойщиком в шахте.

Победа Великой Октябрьской социалистической революции в центре страны всколыхнула и Сибирь. Идеи Октября проникали в широкие массы трудящихся, бравших дело революции в собственные руки. Большевики спланировали рабочих и крестьян на борьбу за власть Советов. Активную роль среди них играли профессиональные революционеры — политические каторжане. Благодаря их самоотверженной работе черемховские шахтеры в первые же дни после Октябрьской революции прогнали администрацию и стали сами управлять шахтами. Руководство ими осуществляли рудничные комитеты. В состав одного из них входил и я.

В декабре 1919 года белогвардейцы с помощью меньшевиков и эсеров подняли в Иркутске контрреволюционный мятеж. Подавлением мятежа руководил Сергей Лазо. Борьбу с мятежниками вел полторатысячный отряд вооруженных рабочих во главе с Нестором Каландаришвили. Черемховский рудничный комитет сформировал и направил на помощь защитникам Советской власти в Иркутске боевой отряд шахтеров.

Лютые сибирские морозы, нехватка вооружения, боеприпасов и продовольствия не остановили плохо одетых и обутых горняков. Ночью мы подошли к станции Иркутск. Проникнуть к ней можно было только по понтонному мосту через Ангару. Завязался ожесточенный бой за мост. В городе мы еще в течение недели вели упорные уличные бои с белогвардейцами. В Иркутске я вторично встретился с Нестором Каландаришвили. (Наша первая встреча произошла в Черемхово, на нелегальной работе среди шахтеров).

Командиров черемховского отряда вызвали в штаб для получения указаний о дальнейших действиях. Нас тепло встретил Нестор Каландаришвили, который познакомил нас с Сергеем Лазо. Оба они подробно расспросили нас о положении в Черемхово, о том, сколько шахтеры могут выставить вооруженных бойцов. Черемховцы влились в отряд (он был назван тогда кавалерийским дивизионом), сыгравший важную роль в борьбе за Советскую власть в Сибири. Им командовал Н. Каландаришвили. Я был назначен командиром одного из эскадронов отряда.

Весной 1918 года, когда в Сибири разгорелась гражданская война, а на Дальнем Востоке высадились десанты японских и американских интервентов, по указанию партии были созданы два партизанских отряда. Отряд Сергея Лазо должен был очистить от врагов Забайкалье и выйти к Владивостоку. На Нестора Каландаришвили возлагалась борьба с белогвардейцами в Иркутской губернии. Состав его отряда был исключительно многонациональным: в него входили русские, грузины, украинцы, армяне, татары, венгры. Были здесь иркутские рабочие, черемховские горняки, красноярские железнодорожники.

На Байкале противник построил сильные укрепления. Здесь оба отряда действовали совместно. Под их ударами «особый маньчжурский отряд» укомплектованный белогвардейцами, был разгромлен. Сергей Лазо продолжал двигаться на восток, а отряд Каландаришвили наступал по Верхоленскому тракту.

Отряд Нестора вел боевые действия против вооруженных до зубов врагов всех мастей с исключительным бесстрашием, смекалкой и умением. Он всегда появлялся там, где его совсем не ждали, часто обходил противника, громил его штабы.

В июле 1918 года объединенным силам местной контрреволюции и интервентов удалось временно захватить власть в Иркутске. Иркутской Красной гвардии пришлось отступить за Байкал. На Каландаришвили была возложена трудная задача — прикрывать отход Красной гвардии.

Неподалеку от села Пашко Нестор Александрович Каландаришвили, возглавлявший бой, попал под сильный огонь противника. Отважный командир не растерялся. Мчась верхом, он вмиг отбросил бурку в сторону, а сам с ловкостью, которой мог бы позавидовать любой джигит, сжался под конем, чтобы белогвардейцы подумали, что он убит. Воспользовавшись ослаблением их огня, он умчался.

Партизанские отряды действовали на всей территории Иркутской губернии. Слава о подвигах бойцов Каландаришвили, о лесном «деде» распространилась по самым отдаленным таежным деревням. Отряд его пополнялся все новыми бойцами, сибирскими крестьянами, испытанными на себе все ужасы колчаковщины. Численность отряда превысила 3000 человек. В Верхне-Удинске Каландаришвили был назначен начальником Третьей советской дивизии.

Однако спланивались и силы контрреволюции. Вместе с «верховным правителем» России адмиралом Колчаком в Сибири появились регулярные войска японских интервентов, белогвардейские банды Семенова, Красильникова, Унгерна, Войцеховского. Против Советов поднялось сибирское кулачье. За Нестором Каландаришвили шла настоящая охота. За его голову белогвардейцы сулили огромные деньги. Но легендарный партизан был неуловим. В самых, казалось бы, безвыходных положениях его выручали поддержка крестьянской бедноты, первым другом и советчиком которой он всегда являлся, любовь населения и беззаветная преданность бойцов.

В сентябре 1918 года у поселка Монти Нестор перехватил разговор по телефону с одним из белогвардейских отрядов, которому была поручена его поимка. Начальство запрашивало, схвачен ли, наконец, партизанский командир. Включившись в разговор, Каландаришвили сообщил, что он «пойман» и вскоре «будет доставлен». Переодетый офицером бесстрашный партизан с группой бойцов внезапно окружил поселок, где белогвардейские офицеры ждали его доставки, и захватил всех их в плен.

В 1919 году, когда Красная Армия начала генеральное наступление против сибирской контрреволюции, Нестор Каландаришвили, возглавлявший крупный отряд партизан, по заданию партии и советского командования обрушился на тылы Колчака.

Помню один из боев у станции Михайловка. Дело было зимой. Нашему отряду было поручено разбить отступавшие части Войцеховского, в которых насчитывалось до десяти тысяч человек. Для этого я должен был перебраться со своей частью по скованной льдом Ангаре и разгромить оборону войск противника на станции Михайловка. Белые непрерывно вели сильный огонь. Изучив расположение огневых точек противника, я направил к каждой из них по два бойца, вооруженных ручными гранатами. Они были в белых халатах и двигались ползком. Брошенные ими почти одновременно гранаты подняли на воздух пулеметы противника. Его оборона была прорвана. Часть белых спаслась бегством, а большинство попало в плен.

В начале 1920 года партия направила отряды Каландаришвили на помощь восставшим иркутским рабочим. В ожесточенных боях с белогвардейцами Нестор был четырежды ранен, но не вышел из строя. В Иркутске снова утвердилась Советская власть.

Славной страницей вошел в историю гражданской войны бой сибирских партизан, возглавляемых «дедом», с японскими интервентами под станцией Гонгота. Японцы оказали упорное сопротивление. Бои продолжались более двух дней. Но стойкость и героизм партизан взяли верх.

Вражеская пуля пробила Каландаришвили обе щеки. Но он не вышел из боя. Вскоре он был еще раз ранен в ногу.

Разгром японских интервентов под Гонготой был крупной победой Красной Армии, решившей вопрос о перемирии с Японией. На следующий же день после своего поражения японцы прекратили огонь. Партизанские отряды Каландаришвили были реорганизованы в Гонготскую кавалерийскую дивизию имени Каландаришвили.

По указанию В. И. Ленина Нестор после излечения от ран вместе с японской делегацией выехал в Москву. Здесь Советским правительством было подписано соглашение с Японией о выводе японских войск из Сибири и образовании Дальневосточной республики.

Встреча и беседа с В. И. Лениным оставила неизгладимый след в жизни вожака сибирских партизан. Вскоре после возвращения из Москвы, в декабре 1920 года, Каландаришвили вступил в ряды Российской Коммунистической партии большевиков.

Гонготская дивизия Каландаришвили продолжала громить врагов Советской страны. 24 октября 1921 года за выдающиеся заслуги перед революцией Нестор Каландаришвили был награжден орденом боевого Красного Знамени.

В начале 1922 года правительство недавно образованной Якутской Советской Республики обратилось к Нестору с просьбой о помощи в борьбе с кулацко-белогвардейскими мятежниками. Каландаришвили тотчас же отзывается на эту просьбу.

6 марта 1922 года небольшой авангард отряда, с которым двигался Каландаришвили со штабом, попал во вражескую засаду. В неравном бою погибло 47 бойцов, в том числе Каландаришвили, Асатиани, военком Киселев, начальник штаба Бухванов.

Нестор Александрович Каландаришвили был похоронен в Якутске, но по просьбе трудящихся Иркутска останки его были перевезены в Иркутск.

Много лет прошло с тех пор, но память о подвигах «дедушки», вожака общенародной партизанской войны против врагов революции в Сибири живет и всегда будет жить в сердцах трудящихся. Его имя свято чтут не только в Сибири, но и в родной Грузии. Славный сын грузинского народа, он внес достойный вклад в борьбу за победу Великого Октября.

В прошлом году книгоиздательствами Грузии было выпущено более двух тысяч названий книг тиражом свыше 10 миллионов экземпляров.

Большими тиражами издаются на грузинском языке сочинения русских писателей. До 1 января 1957 г. произведения Пушкина издавались 49 раз общим ти-

ражом 265 тысяч экземпляров, М. Горького — 28 раз, Л. Толстого — 20, Гоголя — 16, Лермонтова и Чехова — 15, Маяковского — 12, Тургенева — 10 раз.

ЗАВОД-ВЕТЕРАН

Рассказ старого рабочего Георгия Антадзе

Начиная свой рассказ о прошлом и настоящем завода, на котором протекла моя трудовая жизнь, хочу сказать несколько слов о Ленинском районе Тбилиси. Эта бывшая рабочая окраина города имеет свою примечательную историю.

В конце прошлого века загородные пустыри и овраги, никем еще не обжитые, стали стихийно застраиваться, если можно назвать застройкой появление наскоро сколоченных рабочими хибарок, а то и просто землянок. Но даже эти жалкие жилища не признавались законными, потому что они не приносили никакого дохода городским толстосумам. И то, что выросло за ночь, сносилось и разрушалось днем полицией и специальными командами пожарников. Но, смотришь, на следующее утро снова появились рабочие лачуги.

Борьба наша за право иметь жилище считалась нарушением «порядка» и неслыханной дерзостью. Вот почему этот район прозвали «Нахаловкой».

Правители города, видя, что они проигрывают, стали требовать особую арендную плату за эту, как они называли, «захваченную поверхность земли».

Заселение пригородных районов рабочими было связано с появлением в Тифлисе мелких заводов и фабрик и открытием здесь Главных ремонтных мастерских Закавказских железных дорог. До этого мастерские находились на станции Михайлово (Хашури). Рельсовый путь в то время (это было в 1883 году) уже протянулся от Баку до Батуми, и Главные мастерские, куда стекалась на работу крестьянская беднота, стали кузницей, в которой выковывался пролетариат.

В 1897 году, восемнадцатилетним парнем, пришел я в Тифлис из села Ахалшени Чохатаурского района. Устроиться было не легко. Долгое время перебивался на подручной работе, и только в 1903 году мне удалось попасть в ремонтные железнодорожные мастерские учеником. Платили мне двадцать копеек за десять—двенадцать часов труда.

О многих событиях, происходивших в мастерских до моего поступления, я узнал от старших товарищей, можно сказать, первого поколения рабочих завода. А все, что было после, помню и сам.

Моя трудовая жизнь началась в малярном цехе, потом я попросился в механическое отделение. Очень уж

привлекали меня станки, механизмы, но без специального обучения трудно было их освоить. Хотя мы, молодые парни, и назывались учениками, но по существу нас никто ничему не учил: сам присматривайся и соображай, а не поймешь — будешь оштрафован или уволен. Не случайно, что одного молодого рабочего уволили «за неумение работать». А ведь он так хотел научиться ремеслу!

Были среди нас передовые рабочие, а слово передовой имело тогда свой особый смысл. Постараюсь объяснить это.

За три года до моего поступления в Главные железнодорожные мастерские в токарном цехе несколько месяцев работал Михаил Иванович Калинин, которого царское правительство выслало на Кавказ за революционную деятельность. Это была его первая ссылка. Как рассказывали мне потом товарищи, рабочие мастерских встретили Калинина с большой теплотой, прислушивались к каждому его слову, потому что он больше других видел и знал.

Власти сочли токаря Калинина опасным для царского строя и потребовали, чтобы администрация железной дороги уволила его. Вскоре Калинина арестовали и, продержав некоторое время в Метехской тюрьме, выслали из Тифлиса.

Спустя сорок лет, 27 мая 1940 года, Михаил Иванович Калинин посетил Тбилисский паровозо-вагоноремонтный завод имени Сталина — бывшие Главные мастерские Закавказских железных дорог. Выступая перед рабочими и служащими завода, вспоминая о прошлом и призывая нас повышать свою общую и, особенно, техническую культуру, он очень хорошо сказал:

«К вашим услугам университеты, институты, академии, бесчисленные школы, библиотеки — весь арсенал культуры. А мы начинали без этого. Мне, например, было достаточно малой грамотности и чуть-чуть политического понимания, чтобы двинуться в поход против старого мира».

То, что М. И. Калинин назвал со свойственной ему скромностью — «чуть-чуть политического понимания», было в старое время главным преимуществом передового рабочего. Это преимущество вырабатывалось, прививалось в нелегальных марксист-

ских кружках и в открытых схватках с царизмом и капиталистами — в забастовочном движении и на демонстрациях. В передовом рабочем мы видели прежде всего борца за наши погрязшие права, человека, которому можно было поведать свои мысли и надежды и получить от него совет, указание, как действовать. Слово передового рабочего было для нас законом.

Марксистскими кружками железнодорожных рабочих в разное время руководили Виктор Курнатовский, лично знавший Ленина еще до своего приезда на Кавказ, Михаил Калинин, хорошо усвоивший принципы Петербургского ленинского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», Иосиф Джугашвили (Сталин), Ладо Кецховели, Александр Цулукидзе и другие профессиональные революционеры.

И если кружки могли посещать десятки рабочих, то в забастовках, стачках и демонстрациях участвовали сотни и тысячи. Здесь передовые рабочие выступали организаторами движения. Из числа широко известных передовых рабочих, которые и сами потом руководили кружками, назову Закро Чодришвили, поступившего в мастерские в 1889 году, Мико Бочоридзе, поступившего в 1892 году, Сергея Аллилуева, Георгия Телия, Ваню Стурюа, Петра Монтана. С некоторыми из них был знаком А. М. Горький, работавший в мастерских в 1891—1892 годах.

Про нас, рабочих, раньше часто говорили: «Они бунтуют». А что это значило? Мы требовали восьмичасового рабочего дня, свободы слова и печати, повышения заработной платы, вежливого обращения. Но администрация Главных мастерских вовсе не собиралась добровольно выполнять наши справедливые требования. Не случайно, что воинские части были размещены вблизи наших мастерских, а, бывало, и просто брали нас в кольцо. Не случайно и то, что при царском строе в Тифлисе солдат и полицейских было больше, чем рабочих. Но несмотря на это, забастовка следовала за забастовкой, демонстрация — за демонстрацией.

В 1905 году Нахаловка превратилась в главный очаг революционных выступлений тифлисского пролетариата. Здесь не было рабочей семьи,

которая оставалась бы в стороне от событий, не принимала непосредственного участия в борьбе. Каждому находилась работа. Одни разносили или расклеивали листовки, другие до поры до времени надежно прятали оружие, третьи оповещали товарищей о месте и часе схода...

Однажды мне дали листовки, чтобы я разбросал их на станции железной дороги. Я с большим рвением выполнил это поручение, но был замечен и схвачен жандармами. На допросе я заявил, что сам подобрал листовки с земли и знать не знаю, откуда они. Продержали меня довольно долго и отпустили только тогда, когда за меня поручился мастер.

Был и такой случай. Группа забастовщиков — рабочих Главных железнодорожных мастерских приблизилась к казарме саперной части, считавшейся революционно настроенной. Мы рассчитывали на то, что солдаты выйдут и примут участие в рабочем митинге. Но никто не выходил нам навстречу. Когда же мы подошли еще ближе, то увидели в окнах казармы солдат, молча глядевших на нас. Они выставили трехцветные царские флаги, но так, что на виду была только красная полоса, а синяя и белая — подогнуты и не видны.

Мы сразу поняли, что солдаты приветствуют нас и выражают свою солидарность с нами, что наступит час, когда они соединятся с рабочими под общим красным стягом. А пока что и это было большой победой.

До нас доходили обнадеживающие вести из деревень, где у каждого рабочего были родные или близкие. Отец мой, который постоянно жил в деревне, а на заработки ходил в потийский порт, и мои братья часто присылали весточки о себе. Гурийские крестьяне поднимались на борьбу. Рабочие видели в крестьянах своих союзников.

В декабре 1905 года, в разгар революции, царские войска направили на нас пушки и, наступая на Нахаловку, громили все, что попадалось на пути. Геройской смертью пали в схватке с карателями девять рабочих-дружинников, которых с тех пор стали называть девятью братьями. Да, это были братья по классу, братья по духу.

С наступлением реакции еще больше усилилась эксплуатация рабочих,

еще сильнее стали их преследовать власти. Многие из наших товарищей были заключены в тюрьмы или высланы.

Как нас эксплуатировали, насколько безразлично и бездушно относилась к нам при царском строе администрация, можно судить по таким фактам. Одного рабочего уволили «за поранение глаза по своей неосторожности». Легко сказать — «неосторожность», когда не существовало никакой техники безопасности. Если же кто-либо из пострадавших требовал, чтобы ему оказали помощь, или пытался добиться обеспечения по инвалидности, то его опять-таки увольняли, но уже «за предъявление иска к администрации». Вот и получался заколдованный круг.

Тяжелым бременем ложились на нас штрафы. Подвергались мы им без всякого повода. Штрафовали за что попало: «за громкий разговор», «за курение», «за беседу» и даже за «ранний приход в мастерские». Последнее пусть никого не удивляет. Да, за ранний приход, потому, что не раз рабочие перед началом работы обнаруживали на станках и в рабочих ящиках нелегальные листовки, собирались группами, говорили о своей тяжелой жизни. А власти больше всего опасались распространения прокламаций.

Рабочий не мог даже предполагать, за что он будет оштрафован. Например, притупился напильник, но вместо того, чтобы заменить износившийся инструмент, рабочего обвиняли в «порче» его.

Бывало, что администрация и «поощряла» отдельных рабочих, пыталась задобрить их, постепенно прибавляя к их заработку по пятаку. Но это было только видимостью улучшения материального положения рабочего. Пятачок надбавки перекрывался двугривенным штрафом.

Ютились рабочие в сырых полутемных комнатухах, окна которых были вровень с землей. В одной комнате жили три-четыре семейства.

В мастерских было не лучше: закопченные стены цехов, тусклое освещение, а в зимнюю пору еще и пронизывающий холод. Техника — примитивная, выезжали на физической силе рабочего.

Мы производили ремонт паровозов, а также ремонт и обшивку ваго-

нов: желтых и синих — для властей, зеленых — для простого люда. На товарных вагонах, бывало, писали, прикладывая трафарет: «На 38 нижних чинов или 8 лошадей».

При господстве меньшевистского «правительства» работа в железнодорожных мастерских совершенно замерла.

С установлением Советской власти жизнь наша стала преобразовываться на социалистических началах. Главные ремонтные мастерские стали заводом, цехи его постепенно расширились, появилась новая техника. Электрический привод пришел на смену ручному, механизировались и автоматизировались многие процессы труда.

Выросли благоустроенные дома для рабочих, обозначились новые кварталы, расширились улицы. Не узнать теперь бывшей «Нахаловки»! Дом, в котором я живу, хотя и старый, но я занимаю в нем светлую, хорошо обставленную квартиру, а раньше жил в подвале этого же дома. Советская власть дала моим сыновьям высшее образование. Да разве могло бы быть это раньше, при царском строе?! Тяжелое прошлое сгнуло навсегда.

Памятны исторические места, связанные с борьбой рабочих за свободу. Одна из улиц Ленинского района Тбилиси носит название Девяти братьев. Неподалеку от дома, где я живу, на фасаде одноэтажного домика выделяется мраморная доска с надписью, которая гласит, что в 1900 году здесь жил выдающийся деятель Коммунистической партии и Советского государства Михаил Иванович Калинин. От этого дома до нашего завода минут десять ходьбы. В 1925 году собрание рабочих и служащих завода избрало М. И. Калинина почетным начальником токарного цеха — здесь и по сей день стоит ста-

нок, на котором он работал. По другую сторону полотна железной дороги, в начале улицы Брдзолы (Борьбы), — мемориальная доска на доме, где в 1905 году находился тайный склад оружия — наш рабочий арсенал...

В 1928 году я стал старшим мастером и тогда же подумал: разве мог бы я в прошлом так возвыситься в труде?! Да и понятие «мастер» стало у нас в корне отличным от старого понятия.

Вместе со всей промышленностью наш завод в годы Великой Отечественной войны работал на оборону. Многие рабочие пошли на фронт и с оружием в руках отстаивали честь и свободу своей Родины. С окончанием войны на завод стали возвращаться демобилизованные воины. Они внесли в свою рабочую среду такие элементы высокой армейской культуры, как строгая дисциплинированность, взаимопомощь. В борьбе за выполнение четвертой и пятой пятилеток завод уверенно шел по пути дальнейшего своего развития.

В прошлом году я перешел на пенсию. Жаль было расставаться с родным заводом, но годы ведь берут свое. Мне семьдесят восемь лет, из них шестьдесят — трудовых.

Со дня установления Советской власти я не пропустил ни одной праздничной демонстрации трудящихся. Я потому говорю об этом, что каждый раз, идя в колонне заводского коллектива, я испытываю чувство особого удовлетворения. Лозунги нашей Коммунистической партии, приветственные возгласы, радостные лица, красные флаги — все, все говорит о завоеваниях Великого Октября, о замечательных победах нашего народа, идущего по ленинскому пути.

Записал Г. БЕБУТОВ.

Имя крупнейшего армянского поэта Егише Чаренца (Согомоняна), шестидесятилетие со дня рождения которого недавно отметила советская общественность, широко известно в нашей стране.

Егише Чаренц был вдохновенным певцом Великой Октябрьской социалистической революции. Революции, Ленину посвящены его лучшие поэмы и стихи — «Ленин», «Песнь о народе», «Радио мира», «Всепоэма», «25—26 октября 1917 года», «Баллада о Владимире Ильиче, мужике и паре сапог» и другие.

Егише Чаренц был большим и искренним другом Грузии. Публикуемое нами стихотворение «Борис Дзnelадзе» написано в 1931 году.

Борис Дзnelадзе

Перевод с армянского Е. Николаевской

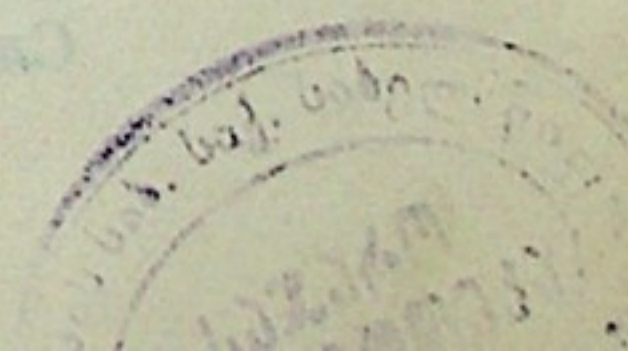
Где он, бронзы звон или гранита грань...
Вл. Маяковский.

Бронзовея в лучах,
В Александровском встал он саду —
(Ныне парк этот в честь
комиссаров бакинских назвали);
Юный, смелый борец —
Он как будто застыл на ходу,
Будто только на миг
Задержался на пьедестале.

Смотрит в дальнюю даль
Взгляд открытый его,
Бурям грудь он подставил
грядущим и грозным,
Октября негасимый огонь
Жив в глазах у него,
Далеко пред собой
Новых солнц видит он торжество,
Этот юноша светлый,
Отлитый из бронзы.

57.218

Он стоит перед нами
Молодой и веселый —
Основатель грузинского
Ком-
Со-
Мола.

Сотни, тысячи бронзовых братьев
Его на гранит вознесли,
И стоит он сейчас перед нами
Над простором родимой земли —
Символ жизни, борьбы величавое знамя!
Где вы, славные? Где вы, герои, которые,
Как легенда, рождались
И гнали сквозь время коней,
На крутом перекрестке истории,
Осененные славою тех героических дней?!

Где ты, храбрый Патрокл, хитроумный Улис,
Быстроногий Ахилл огневых тех времен?
Вот он — новый Ахилл поднимается ввысь,
Вот — Ахилл, чей Гомер до сих пор не рожден...
В легендарной борьбе вы разрушили древнюю Троию,
И слова и дела ваши живы пребудут в веках!..
Славься, новый Ахилл!
Славьтесь, нашей эпохи герои! —
Пала Троя капитализма,
И победа в ваших руках!..

Грудь раскрыта ветрам. На ветру он стоит,
С дальней дали не сводит он взора, —
Чист, как зарево,
Он озаряет гранит,
Крепок он, как родимые горы!
Слышит пламенным сердцем,
Которому больше не биться,
Он сердец молодых не стихающий стук. —
И таких, как он сам,
Всюду видит он бронзоволицых,
И — все шире и шире их круг!

О, героев отряд!
Множься тысячекрат!
От грузинской земли
До Гонконга и Явы,
Там, где трудятся люди,
Герои идут на борьбу
За свободу народа,
Их отряду железному
Слава!

Потому-то и бронза звенит все слышней,
Марш зовет нас в поход!..
И с миллионами бронзовокожих парней
Он в атаку идет
Вперед!..
С той поры, как поднялся он на гранит, —
Слышишь? Бронза запела в крови молодой

У товарищей в жилах,
На земле, под водой
И над горной грядой —
Слышишь? Бронза звенит!..

Это бронза поет
В рудниках и в горах,
Слышим голос её
Среди ветра и бурь мы,
Там, где новое строят,
Где старое рушится в прах,
И в великом Китае,
И в железных колоннах юнгштурма.
Это — молодость, молодость бронзой звенит,
Песня юных врезается в дали
И взмывает в зенит.
А борец — он из бронзы отлит —
На гранитном стоит пьедестале...

Ты послушай, поэт,
Это — время гудит пред тобою,
Его гуд, его звон все слышней,
Все сильней
Призывает к великому бою
Сотни, тысячи бронзоволицых парней...

Он — и жизнь, и легенда, и песня, и свет
Этот бронзовый юноша...
Что же! Внимай его песне, поэт!..

В 4.546 начальных, неполных средних и средних школах Грузии, школах рабочей и сельской молодежи и школах взрослых обучается

более 693 тысяч человек. В 19 вузах республики учится около 40 тысяч студентов. Более 16 тысяч рабочих, служащих, колхозни-

ков, механизаторов учится на заочных и вечерних отделениях вузов и техникумов.

*Привет тебе,
моя Отчизна!*

Из поэмы «Страна солнца»

Перевод с грузинского М. Светлова

Трудится, работает бессмертная рука,
Десница труженика на земле грузинской.
Народ в труде. И пусть победа не легка,
Он совершит свой подвиг исполинский.

Рабочий предо мной. Он старый очень,
Но называет Ленина отцом,
Он так влюблен в прекрасный мир рабочий,
Что создан был Великим Октябрем!

— Какие здания... дворцы... сады...
В них не напрасно вложены труды!
Не хвастаюсь, но, не жалея сил,
Я тоже создавал их и растил.

Привет тебе, моя Отчизна!
Ты солнцем вся озарена.
В тебе хватает хлеба, соли
И моего грузинского вина.

Богата нивами и сталью
И счастьем трудовой судьбы...
Когда вы вырасти успели,
Остроконечные столбы?

Кто эти трубы петь заставил?
Кто вызвал звучные гудки?
Кто поднял в небо самолеты?
Кто русло изменил реки?

Привет вам, доменные печи,
Привет комбайнам на полях,
Привет рождению металла,
Рождению машин в цехах!

Привет и мрамору, и нефти,
И фабрикам, и рудникам,
Водохранилищам, каналам,
Дорогам новым и мостам!

Привет мой знамени за счастье,
Привет моей Советской власти,
Привет ее великой цели,
Привет победы колыбели!

* * *

Дни урожая осенью пришли...
Перекликайся с изобилием земли!
На дно кувшина виноградный сок
Струей неудержимою потек.
И труженик земли, закончив сбор,
Такой повел с друзьями разговор:
— Любовью вся душа моя полна,
Как эта чаша доброго вина.
Имеешь много братьев, и — смотрю ---
Ты за день встретил девять раз зарю!

Без братьев я уныл и я молчу,
И даже райской жизни не хочу.

Соединим горячие сердца,
Пусть светится в них радость без конца!
За мир и братство тост я поднимаю,
Я большего на свете не желаю!

Как парус, вдаль несется мысль народа,
Его волнам не победить в бою!
И все вино, что я добыл за годы,
На здравицу любви я отдаю!
Покуда солнце в небесах живет,
Живи, Отчизна! Торжествуй, народ!
Украинец, литовец, армянин,
Азербайджанец, русский — всем
счастливой жизни!

О, развевайтесь в области вершин,
Знамена краснокрылые Отчизны.

Чтоб наше слово делу отвечало,
Чтоб в нашей дружбе сердце не молчало,
Пусть будет наша радость бесконечной,
Я всей земле весны желаю вечной!

В Кракове

Перевод с грузинского А. Межирова

Пел о Родине в годы труда и борьбы...
Взором гостя на Краков сегодня гляжу я —
Вижу древние плиты в рубашке резьбы,
Эту роспись нечуждую и нечужую.
Но сумею ли Краков узнать за два дня,
Новый день разглядеть и минувшие были?

Поезда из родимого края меня
Много раз далеко-далеко уносили,
Исчезала Арагва за горной грядой,
Воспевал я кремлевские синие ели,
Возле сердца Аракс волновался седой,
И уральские домны в глазах пламенели.

Грохотали вагоны. Взмывал самолет.
И меня, занесенного в дальние дали,
Окликали каштаны с днепровских высот,
Но чинары густые домой возвращали...

Голос Родины в сердце, как горный поток,
Ни на миг не смолкая, повсюду струится, —
Потому и сегодня я в Кракове смог
Отыскать и увидеть Отчизны частицу...

В. И. ЛЕНИН и И. В. СТАЛИН в Горках. 1922 г.

Показали мне в Кракове
Ленина дом,
Мне история двери в него отворила,
И седая чинара о времени том
На ветру перед домом со мной говорила.

Но умолкла чинара, и ветер затих.
Я шаги Ильича услышал за стеною,
Как Россия когда-то слышала их, —
И Отчизна была неразлучна со мною.

Вера в Родину — вечно в душе горяча.
Голос Родины — в сердце всегда одинаков.
И когда надо мной
Встала тень Ильича,
Как на город родной посмотрел я на Краков.

ՀԱՐԱՅԵՄԻ
ՆՈՅՆԱՐԱՄԵՆԻ

Хута Берулава

НА ВЕЛИКОЙ КИТАЙСКОЙ СТЕНЕ

Из книги «Китайское солнце»

Перевод с грузинского М. Максимова

Вот и показалась лестница святая,
Что уходит в небо древнего Китая.

Далеко от дома, я — в бескрайнем свете,
Что ж мне здесь знакомо, как в Тбилиси, в
Мцхете?

Выше, выше, выше — вместе со стеною,
А перед глазами — близкое, родное!

О, народ Китая, может, чуть иные
И народ мой строил стены крепостные.

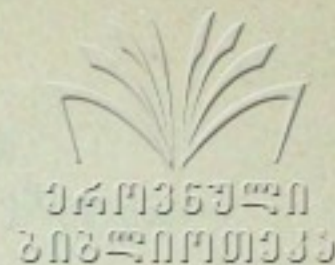
Стены Ананури, Хорнабуджи, Тмогви
Со стены китайской я увидеть смог бы!

Полземли меж нами, но я вижу: все же
Друг на друга в главном крепости похожи!

Враг ломал о камни копья и тараны —
Не могли иначе выжить наши страны,

Свет любви к отчизне озарял дороги
Тем, кто эти стены возводил в тревоге.

Между нами, братья, полземли, но все же
Как народы наши судьбами похожи!

Пусть на ту ступеньку, где стою я ныне,
Забредут с веками спутники иные.

Подтвердит потомок, в этой выси стоя,
Правоту сегодня сказанного мною.

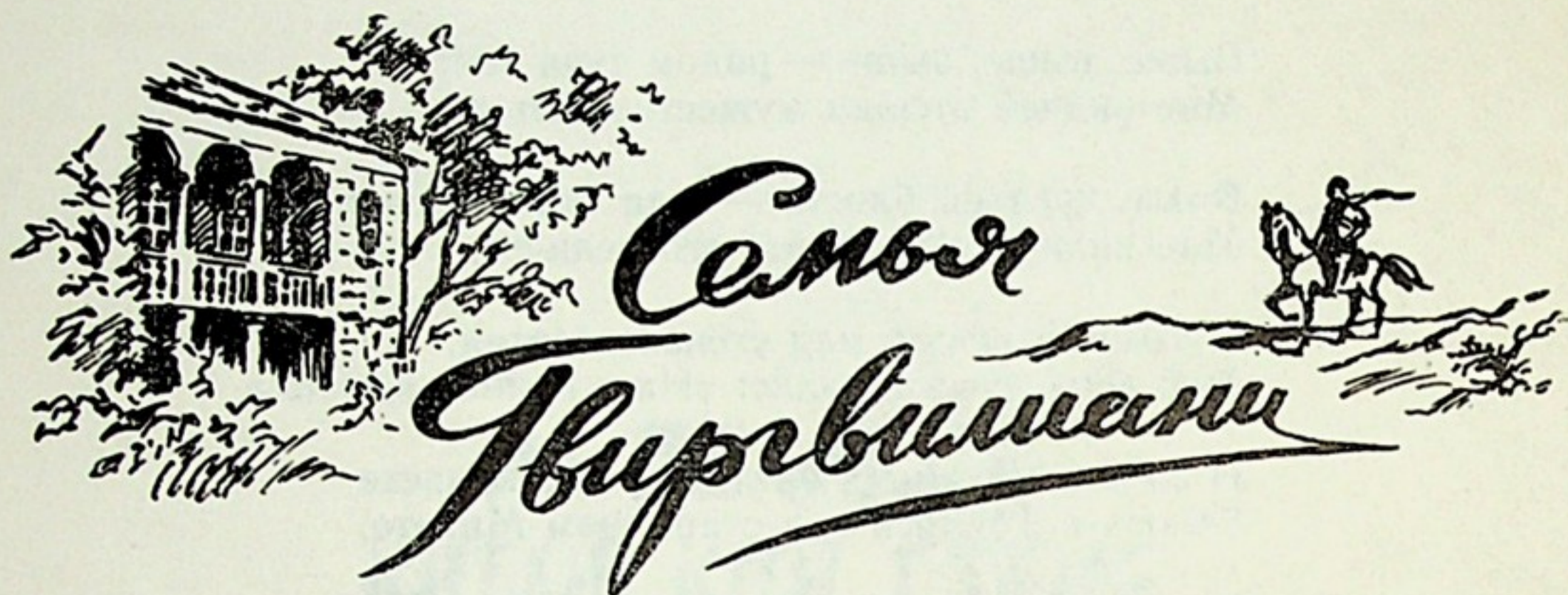
Выше, выше, выше — рядом туча тает,
Мне видней отсюда мужество Китая!

Возле древней башни — я да стаи птичьи,
Мне видней отсюда все его величье.

Потому вознесся, над стеной взлетая,
Мой сердечный возглас: «Наш привет Китаю!»

И со мной едины в братском том привете
Голоса в Тбилиси и в старинном Мцхете.

И тому привету эхо вторит сразу
И в горах Тянь-Шаня и в горах Кавказа.

РОМАН

(Продолжение)

Перевод с грузинского Наты Чхеидзе

28.

В доме Гудуйи собралась совсем иная компания. Здесь сидели за столом Стефанэ, Анто, Сесиа, Хаху и другие сверстники хозяина. Из молодых сюда случайно попал Тада, но и тот выжидал момента, чтоб ускользнуть: ему не терпелось свидеться с Дэси. «Заберусь к Гвиргвилиани на кухню, а оттуда вызову ее», — думал юноша. Он старался не пить, но хозяин взывал к гостям:

— Что же не пьете, родимые? Вина я запас вдоволь! Всего-то один день пирую в году — кто ж запретит мне веселиться! А завтра, хоть и святой понедельник, — с утра за мотыгу возьмусь.

— Ты что же это, нарушаешь обычай? Где это видано — работать в праздник господень? — возмутился Анто, считавшийся самым набожным среди крестьян.

— Да он и в пятницу работает, — заметил Сесиа. — Все мы дома сидим в этот день — так уж издавна повелось. А спросить меня — Гудуйа прав: почему бы нам не работать в пятницу?

— Оставим эти разговоры, братцы! — возвысил голос Гудуйа. — Пусть каждый работает, когда хочет! Стефанэ, подымай здравицу!

Сесиа грянул:

«Пей до дна, впрок пойдет, пей!»

И это «пей до дна» повторяли до тех пор, пока Стефанэ не провозгласил очередной тост.

— А куда пропал наш Обишхиа? — поинтересовался Гудуйа.
— Отец скоро подойдет — он, верно, застрял с гостями у Русундии, — ответил Тада.

— А-а, у Русундии, — радостно загоготал Гудуйа. — Хороша бабенка, слов нет, а овдовела — еще краше стала.

— Ты, никак, собираешься отбить у Вамеха вдовушку? — спросил, хитро улыбаясь, Хаху.

— Будет вам плести несусветицу! — проговорил Анто. — Вамех самый благородный из наших князей, и Русундия — порядочная женщина, это знает все село.

— Гляди, как он защищает Вамеха! — насмешливо сказал Сесиа. — Видать, очень любит князей...

Тада рассмеялся:

— Он и князей любит, и верит попам.

— Чего вы пристали ко мне! — возмутился Анто. — Я верю в порядочность Вамеха — и все тут!

В это время открылась дверь, и вошел Обишхиа.

— Вы что тут, тоже обручение справляете? — со смехом спросил он хозяина.

— Откуда ты взял?

— Сегодня в усадьбе обручаются две пары — я и подумал: не обручился ли наш Гудуйа? Вдовцу, думаю, в самую пору жениться.

— До женитьбы еще не дошло, но Русундию он приглядел, это точно, — пояснил Хаху.

— Вон оно как! — удивился Обишхиа. — И не совестно тебе, Гудуйа? Покойный Иосэ за брата тебя почитал, да и все мы любили его, как родного.

Стефанэ испугался, как бы разговор о женитьбе не задел Гудуйю за живое, и всучил ему расписной чалиджами¹ с вином.

Обишхиа осушил сосуд и провел рукой по усам.

— Я, братцы, о другом хочу сказать вам. Прошел я намедни мимо участка Нашени, хоть он и княжеский, а сердцу отрадно стало... У початков уже закурчавился ус, поле такое, что глаз не отведешь.

— Благословенный участок, ничего не скажешь.

— Краса всей деревни, — подтвердили остальные.

— А кому он нынче отдан исполу?

— Кому? Да нашему Бесо и бедняку Кухилии, — ответил Обишхиа.

— Вот это дело! Кто же отдал им? Неужели Гутати?

— Говорит, словно в другой деревне живет! Ты что же, не знаешь, что делается у нас на селе?

— Сама Нектарина отдала испольщикам, по совету Вамеха, — объяснил Сесиа.

— Я же сказал — Вамех добрый человек, — робко вымолвил Анто, искоса глянув на Обишхию из-под насупленных бровей. Тот, обычно высмеивавший каждое слово Анто, на этот раз лишь слегка улыбнулся и затянул надтреснутым старческим голосом:

«Учардиа, учардиа, черный человек,
Зачем ты пришел сюда, коли не пить?»

Остальные дружно подтянули ему и по-очереди осушили сосуд.

— Когда же все это будет нашим, братцы? — неожиданно воскликнул Гудуйа.

¹ Ч а л и д ж а м и — род пналы.

— О чем ты, Гудуйа? Что будет нашим?

— А все эти земли... поместья князей...

Вопрос поверг собравшихся в печальное раздумье, но в этот момент раздался решительный возглас Тады:

— Скоро!

Все живо обернулись к юноше. С минуту за столом царило молчание.

— Я говорю вам,— это произойдет скоро, очень скоро! — Тада порывисто вскочил. — Только надо нам, крестьянам, объединиться и заявить: не отдадим урожая ни Бокучава, ни Баркалая, ни Кучулориа, никому из тех, кто сосет нашу кровь! Не отдадим и князьям Гвиргвилиани. Да эти князья и не здешние, эни, говорят, пришельцы из чужих краев, так ведь, отец?

Обишхиа степенно начал:

— Гвиргвилиани, сынок, — родом сваны¹. Да и наши старые помещики Даднани — тоже не здешние. Бог весть откуда переселились они к нам. Наше слово «маргали» значит «крестьянин», значит также и «мегрел». Вот и выходит, что настоящие мегрелы — это мы, крестьяне, а князья и помещики — люди пришлые. Но что ты хотел сказать, сынок?

— Я хочу сказать, что мы не должны подчиняться помещикам. Не важно сейчас, кто откуда пришел, плохо то, что помещики и попы сидят у нас на шее и присваивают все, что добыто нашим трудом. Не хотим ни попов, ни помещиков!

— Вот, дай бог тебе здоровья! — воскликнул Гудуйа. — Хороший у тебя парень, Обишхиа!

Анто недовольно покачал головой.

— Мы обрабатываем землю, значит, и земля, и урожай принадлежат нам, — продолжал, все более горячась, Тада. — За это мы должны подняться, как один! Уже восстали крестьяне в России, в Гурии, в Чиатурском уезде. Там работает немало наших ребят, они-то и принесли эти вести. И в Картли большие волнения, крестьяне отбирают у помещиков земли, не отдают урожай. А чего мы сидим, сложа руки? Или бог наказал нас?

— Бог меня не накажет! — вызывающе крикнул Сесиа.

Кое-кто рассмеялся.

— Я, кажется, не сказал ничего смешного! — обиделся Тада. — В том-то все несчастье, что вы порабощены, задавлены жизнью, а отделяетесь одним смехом. Так нельзя, соседи! Мы должны глубоко осознать наши права и смело подняться на их защиту. Пусть старшие возьмутся руководить народом, а нет, — так это сделаем мы!

Обишхиа рассердился:

— Придержи язык! Соображай, где что можно говорить!

— Я, кажется, говорю там, где можно! — запальчиво возразил юноша. — Перед людьми, испытавшими на собственной шкуре весь гнет бесправия, мне, кажется, нечего скрывать! Так знайте же — я готов служить общему делу, готов и голову сложить за него! Я буду бороться против нынешнего строя, пока народ не свергнет царя, я...

— Ч-шш... — сердито зашикал Обишхиа. — Замолчи!

В дверях неожиданно появился новый гость.

Тада умолк. «Пожалуй, не мешает быть осторожным, — подумал он. — Но это бедняк Кухилиа. Такого как раз и надо призвать к борьбе, он поймет это лучше всякого другого. Тада хотел продолжать, но в этот момент гостю протянули чалиджами с вином. Кухилиа, видимо, уже

¹ Сваны — жители Сванетии, одного из горных районов Грузии.

успевший обойти соседей, был навеселе, однако с удовольствием осушил протянутую ему чашу и с аппетитом принялся есть.

— Ну, как ты, разговлялся? Хорош у тебя праздничный стол? — спросил пришедшего Гудуйа. — Извини меня, братец, я не успел зайти и поздравить тебя.

— Хм, смеешься надо мной, Гудуйа! Или драться вздумал в такой день? — спросил полушутя, полусерьезно Кухилиа. Был он не из речистых — говорил, словно дрова рубил.

— Ой нет, нет, упаси боже вступить с ним в драку! — крикнул Сесиа. — Разнесет здесь все!

Зашумели и другие:

— Да, силач, каких мало!

— Попробуй одолеть такого!

— Гляди — какой великан!

Внешность у Кухилии и впрямь была необычайная. Это был человек огромного роста, широкоплечий, весь какой-то угловатый и несуразный, — как говорят, неладно скроен, да крепко сшит. Из-под косматых бровей остро поблескивали маленькие глазки. Густые с проседью волосы падали ниже плеч, борода и усы, сплошь покрывавшие лицо, желтые от табачного дыма, были всклокочены — к ним, видимо, редко прикасался гребешок.

Одет был Кухилиа в рубашку и шаровары из серой домотканной шерсти, за открытым воротом виднелась грудь, поросшая густыми волосами. На ногах — каламаны из грубой свиной кожи, которых сам хозяин очень стыдился: известно, что мегрел, даже самый неимущий, всегда старается быть прилично одет и обут. Но Кухилию недаром прозвали бедняком...

— А вы знаете, что сделал однажды наш Кухилиа? — спросил собравшихся Хаху. — Нет? Так я вам расскажу. Ломали мы в горах Шкаши Отокэ камень для Барама — он ведь собирается строить дом...

— Не дожить ему до этого дня! Бог не допустит!

— Что вы взъелись на Барама?

— Не бог, а мы не допустим! — воскликнул Стефанэ, все еще находившийся под впечатлением слов Тада.

— Так о чем ты говорил, Хаху? Что сделал Кухилиа?

— А вот что: значит, ломаем мы скалы — обливаемся потом. Кухилиа таскает камни к арбе. Глядим — поднял он камень — не камень, а целую глыбину. Барам потом взвесил ее, оказалось без малого восемь пудов.

Кухилиа, слушая рассказ, молча улыбался...

— Тебе бы, братец, в борцы пойти — жил бы ты теперь не бедняком, а в полное свое удовольствие, — назидательно сказал Сесиа.

Снова заговорил Гудуйа:

— А вот, допустим, совершим мы то, о чем говорил наш Тада. Тогда что ты скажешь, Кухилиа, если рядом с тобой выйдет в поле священник Тедорэ?

Кухилиа, набивавший чубук табаком, вскинул глаза на говорившего и ничего не ответил.

— Зря говоришь, Гудуйа, — вступился за священника Анто. — Тедорэ мы и сейчас видим в поле с мотыгой.

— Благой ты души человек, Анто, — широко улыбнулся Сесиа.

— Вот именно — человек души...

Все разом загалдели.

Анто встал.

— Ну, посидел с вами — и хватит! Пора мне домой!

— Вино одолело, что ли? — спросил Гудуйа.

— И вино одолело, и голова болит. Бывайте здоровы! — Анто покло-
нился и вышел.

— Баба! — послал ему вдогонку Гудуйа.

— Не он баба, а ты — без головы, парень! Разве можно гово-
рить при таком все, что ты тут наплел?

— Я ничего не боюсь! — сказал Тада, поднимаясь. — Пусть таких опа-
сается трус, а у меня своя дорога.

Он нахлобучил шапку. Гудуйа хотел остановить его, но Обишхиа
сказал, усмехнувшись:

— Пускай идет своей дорогой. Но только знай, — как бы спохва-
тившись, крикнул он Таде, — если ты, сукин сын, завернешь в усадьбу,
шкуру с тебя спущу!

В этой угрозе звучали и забота, и родительская любовь, но Тада
уже не слышал отца. Он вышел из дому и решительным шагом пересек
двор.

— А ежели и впрямь все эти земли перейдут к нам, — снова вер-
нулся к занимавшей его мысли Гудуйа, — вот когда зададим помещи-
кам жару!

— Тебя, вижу, пуще всего радует то, что погоним к чертям Гвиргви-
лиани? Будь по-твоему! — и Стефанэ провозгласил новый тост за низ-
вержение помещиков, за победу крестьян.

— А что ты скажешь, Кухилиа, если Беги мы пошлем пасти
гусей?

Кухилиа не сразу разобрал, о чем шла речь, но когда понял — зыч-
но расхохотался.

— Беги он не гусей пошлет пасти, а шею ему свернет, — вмешался
в разговор Сесиа.

— Как цыпленку! — с жаром добавил Кухилиа.

— А что с Гутати сделаем, братцы? — стал допытываться Гудуйа.

Кухилиа, видимо, начинал входить в раж.

— Гутати за ноги — и в пропасть! — объявил он.

— Ты нашел себе хорошего помощника, Гудуйа! — заметил Оби-
шхиа. — Кухилиа выполняет все твои желания — правда, пока только
на словах.

— А как вы думали, братцы! — грохотал Гудуйа. — Такие дела
только ему и по плечу. Но и я не отстану, не бойтесь! Я приберу к рукам
Барама. Хоть сельчане и любят его, он и мне как-то сделал доброе дело,
но, думаете, — пощажу его? Как бы не так! Я, братцы, поставлю ему на
голову котел с горячим гоми¹ и погоню его трусцой по проселку, по-
том словно бы пожалею его и скажу: «А ну, вытяни левую руку». Он вытя-
нет, а я опрокину ему на ладонь горячий гоми. «Ой, маменька, жжет!» —
закричит он. — Гудуйа самодовольно переложил ногу на ногу.

— А потом, когда сам поем вволю да разопью бутылочку гуда-
атурони² из княжеского виноградника...

— О-го-го-го! — вырвалось у Стефанэ. — Какая это лоза! Жаль,
перевелась совсем — у одной Нектарины уцелела в садах.

— Не мешай, пусть говорит Гудуйа! — осаждали его гости.

— Потом, братцы, позову Кесарию — она у меня будет на побе-
гушках — «Где ты Кесария, чертова баба! Живо, расстели мне палас
во дворе, под орехом! А где, спрошу, этот подлюга Вамех? Гоните его

¹ Г о м и — каша из кукурузной муки.

² Г у д а а т у р о н и — сорт виноградного вина.

сюда, пусть чешет мне пятки!» Каково будет, а? — все больше и больше распался Гудуйа, а гости, слушая его, помирали с хохоту.

Когда натешились над князьями, Гудуйа снова повернулся к Кухилии.

— А тебе, братец, поручаю Нектарину — делай с ней, что твоей душевнице будет угодно.

Кухилиа расхохотался, но вместо смеха у него получился какой-то дикий рев. Потом он запел песню. Это была абхазская песня раненого воина, в ней говорилось: «Тот не мужчина, кто не умеет скрыть своих страданий. Тот не мужчина, кто стоном выдает свою боль. Раны может снести только тот, кто вынослив, а кто не вынослив, тот скоро умрет. Если бы спасала трусость, заяц был бы долговечнее всех».

Сначала собравшимся было невдомек, почему Кухилиа запел абхазскую песню, но когда они вникли в ее смысл, то поняли, — у него это получилось кстати. Его песня прозвучала призывом к будущим боям: стоном и плачем дела не сделаешь — и если бы трусость была добродетелью, зайцы превзошли бы всех.

Вот, над чем задумались гости Гудуйи...

А Обишхиа отчетливо выговорил:

— Зайцы!

ПРИТОК

(Из старинной были)

Удушливый воздух, даль, покрытая серым туманом. Солнца не видеть, лишь тусклый рассеянный свет едва брезжит во мгле. Я вижу здесь одни только руки — разной величины и формы, по-разному натруженные руки.

Одни из них круглые и плотные; как дубовые ветви, другие худые и тощие, как щепки. Эти — кажутся отлитыми из теплого воска, а те — словно выточены из мрамора.

Я вижу здесь и детскую руку — на что-то бездумно указующий маленький перст. Как они попали сюда, невинные руки ребенка? А вот и старая, заскорузлая ладонь рабочего, широкая, как лопата.

И все эти руки дрожат и трясутся, сгибаются и выпрямляются, угрожают или ласково манят к себе.

И какие разные характеры, разные судьбы запечатлены в этих руках — познание и невежество, богатство и бедность, слезы и ликование, довольство и неудовлетворенность.

Все стороны жизни запечатлены в этих руках, — изнеженных и беспечных, натруженных и усталых...

Какие разные руки вокруг, — но все они устремлены к одной цели. Где-то высоко, в тусклом небе, маячит золотой ковчег.

Пальцы ломаются, изнемогают, умирают...

А золотой ковчег продолжает раскачиваться в небе.

29.

В пасхальный вечер у Челы собрались ее сверстницы. При свете маленькой лампы девушка читала подругам рассказ Эгнатэ Ниношвили. Чела хорошо помнила данное ей поручение — создать на селе кружок девушек. Поразмыслив над тем, как ей приступить к делу, она решила, что лучше всего будет начать работу с чтения книг.

Чела видела, как жадно набрасывались на книги иные из ее сверстниц. Но не так-то легко было доставать эти книги. Обычно брали их у самой же Челы, которую время от времени снабжал дешевыми изданиями Вамех. Когда сегодня, после гулянья, народ стал расходиться, Чела позвала к себе самых ревностных «книжниц». Девушка убедила их, что читать вместе будет полезнее, чем в одиночку: они смогут объяснить друг другу непонятные места, повторить прочитанное и таким образом лучше усвоить его. А уже после можно будет и обсудить то, о чем читали.

Девушки с радостью согласились, тем более, что им после гулянья хотелось еще побыть вместе, поделиться впечатлениями.

Микэ дома не было, мать Челы скоро отправилась спать, так что девушки могли без помехи заняться своим делом. Чела перелистала книгу рассказов Ниношвили и выбрала самый маленький из них — «Распоряжение». «Посмотрю, как выслушают это, а уж потом можно будет занять их большими рассказами», — решила она.

Чела особенно боялась за толстенную хохотушку Эку: читая одна, та частенько засыпала над книгой. Однако на этот раз девушка с большим вниманием выслушала рассказ и по просьбе Челы отлично передала его содержание.

Большинство девушек никогда не видели железной дороги. Они лишь знали, что эта дорога проходит мимо Абаши и Сенаки, но не представляли себе, что это такое. Тут на помощь подругам пришла наша хохотунья — она бывала в Сенаки и видела железную дорогу.

— На землю положены железные палки, и по ним катится поезд, — объяснила она. — А поезд — что-то вроде арбы, но на арбу он не похож. Вернее, это большие, привязанные друг к другу коробки, в которых сидят люди. В поезд вместо волов впряжен огромный железный дракон, который извергает пламя и клубы дыма.

Таким образом, Эка в этот раз проявила большую активность, чем все ее подружки.

Девушек удивило то обстоятельство, что железную дорогу приходилось охранять.

— Но это понятно из содержания рассказа, — объяснила Чела. — В ту ночь на железной дороге выставили охрану, потому что должен был проехать какой-то важный человек.

В этот момент в хибарку тихонько пробрался Иеротеос.

Мальчик уже настолько освоился с жителями Бертеми, что свободно входил во все дома. После спасения Толисквами он прослыл на селе героем, и его всюду ласково встречали. Сегодня, в пасхальный день, он успел обойти всех соседей и теперь заявился к Челе и Микэ.

Челе пришлось не по душе появление Иеротеоса, но остальные приветливо встретили его, и он с непринужденным видом сел на подвинутый ему маленький стульчик. Однако приход мальчика оказался весьма кстати. Дело в том, что девушки не совсем ясно представляли себе, как это поезд раздавил человека. Иеротеос, уже ездивший по железной дороге, объяснял с видом взрослого:

— Поезд такой тяжелый... может раздавить не то что человека, но и самого большого буйвола.

Все от души жалели Кацию Мунджадзе: беднягу, после целого дня изнурительной работы, послали ночью охранять железную дорогу.

— Такова наша доля крестьянская, — заметила со вздохом одна из девушек.

Вот тут-то, за эту «крестьянскую долю» и хотела ухватиться Чела, чтобы объяснить подругам, для какой цели следовало им, девушкам,

сблизиться и образовать кружок. Но присутствие Иеротеоса помешало: почему-то у Челы не лежало сердце к этому мальчику. Она встала и объявила подругам:

— Ну, почитали, поговорили — и хватит! Уже поздно, пора расходиться.

Девушки, довольные проведенным вечером, отправились домой. Иеротеос вышел вместе с ними. По дороге толстушка Эка стала расспрашивать мальчика, что за город Кутаиси, больше ли он Сенаки, много ли в нем живет людей. Иеротеос отвечал на все вопросы со свойственной ему живостью.

Чела решила поговорить с подругами о деле в следующий раз, но уже так, чтобы никто из посторонних не смог помешать им. «Медлить с созданием кружка нельзя», — думала она.

Уже позже, выйдя на широкое жизненное поприще, Чела нередко вспоминала свои первые шаги в работе и удивлялась сама, как она, такая еще молодая, а сообразила собрать своих подружек сначала для чтения книг и уже позже стала вовлекать их в работу. Она всегда вспоминала об этом с чувством внутреннего удовлетворения...

30.

На второй день пасхи Гудуйа, хотя и с опозданием, но все же вышел работать в поле. У него был небольшой участок на склоне горы, неподалеку от двора, весь заросший сорняками и кустарником. Уже давно собирался Гудуйа очистить этот участок под кукурузу, но его отговаривали соседи: земля-де скудная, не уродит, овчинка выделки не стоит. Но сегодня на Гудуйю словно что нашло: «Поглядите, — как бы говорил он, — вы нынче празднуете, а я всем наперекор! Не признаю ни ваших законов, ни ваших праздников!» Кто были эти «вы», Гудуйа знал весьма смутно, а, может, и вовсе не знал. Он яростно колотил ломом землю, старался выбить из нее крепко вросшие пни. Пот градом струился с его лица — одному трудно было справиться с тяжелой работой, но он не бросал ее.

Вдруг, откуда ни возьмись, перед ним вырос Анто.

— А, Гудуйа, доброго здоровья! Да ты и впрямь ломаешь обычай? Работаешь в праздник господень?

— Не знаю я никаких праздников! Врага надо вышибать с корнем — вот так! — и Гудуйа опрокинул выкорчеванный из земли тяжелый пень и тут же добавил: — Это все — мои враги!

— Ну, а ту свежую траву, что уже запестрела цветами, — с ней что ты намерен делать?

— Скошу ее. Трава эта бесполезная, одно слово — сорняк!

— Да ты, Гудуйа, и впрямь хорошо вооружен — прихватил с собой и лом, и косу, и топор.

— А как ты думал? Где что потребуется, то и пускаю в ход. Где надо вырвать, где выкорчевать, а где скосить. А сколько у нас в полях бесполезной травы развелось! Спросить меня, так я бы весь этот пустоцвет под корень срезал. Дурную траву с поля вон!

— Понимаю, понимаю, Гудуйа, что ты хочешь сказать, — усмехнулся Анто, — да только как бы не раскаялся потом.

— Э-эх! — воскликнул Гудуйа. — Значит, и не сказать, и не сделать! — и, размахнувшись косой, он уложил на землю еще один широкий ряд сорной травы.

Анто усмехнулся про себя, скосил на Гудуйю недобрый взгляд и пошел прочь. Идя по дороге, Анто думал: «Эх ты, несчастный, не зна-

ешь, что ожидает тебя! Когда вчера вечером я распрощался с вами, думаешь, я домой пошел? Как бы не так! Меня разобрало любопытство — в какое, думаю, настроение придете все вы после слов Тады. Я и забрался на крышу, пораздвинул гнилую осоку и все ваши разговоры подслушал так, что лучше не надо! Гляди, какой у тебя аппетит, оказывается! Беги — в пастухи, Кесарию — в служанки, Барама — на кухню, а Вамех будет тебе пятки чесать. Жди и дожидайся! А Кухилии ты пообещал Нектарину! Кто дал тебе на это право, пес подзаборный! Я ведь тоже крестьянин, но такой злой умысел мне и в голову не придет! Хозяев создал сам бог, когда сотворил мир, а ты хочешь уничтожить установленное свыше? Да господь раньше покарает тебя самого! Что ты сумасшедший и лезешь на рожон, — я знал и прежде, но что таил в душе такую злобу против наших князей, — не подозревал! Крепостное право хоть и пало, а помещики все же наши хозяева, радетели и заступники в жизни. Я вот хизан, приютился у них — и лучших покровителей мне не надо! Беден я? Ну, что из того! Доставлю приятное господам — они мне окажут милость. Тем и живу помаленьку. А ты?.. Значит, Гутати в пропасть, а? Посмотрим, кто прежде попадет в эту пропасть!»

Совершив накануне разведку, Анто чуть свет побежал к Гутати и сообщил ему обо всем, что видел и слышал у Гудуйи.

Гутати еще лежал в постели, и, с похмелья, лениво позевывал. Однако услышав, что говорилось на ночном сборище, он живо вскочил.

— Я ему покажу! — пригрозил он Гудуйе.

Анто был доволен, потому что, как говорит Руставели, «злое слово — утешенье для того, кто зол душой».

Спустя несколько дней, по доносу Гутати, староста доставил связанного Гудуйю уездному начальнику, как «смутьяна и бунтовщика». Староста хотел отправить вместе с Гудуйей и Таду, но юноша неожиданно исчез. Его искали по всему селу, однако тщетно. Даже Обишхиа не знал, где его сын. А Тада в ночь накануне пасхи отправился к Манче Джгереная.

31

Иностранцы торопили с отъездом в Бандзу. Когда им напомнили, что прежде предполагалось осмотреть Менджи-Робу, они ответили: один из их компаньонов уже ознакомился с этой местностью, они удовлетворены осмотром, а об окончательном своем решении скажут в Кутаиси. Вамех, зная от Рябининой, что гости поговаривают о наличии радия в окрестностях Бертеми, решил напомнить им об этом.

— В наших краях путешествовал не так давно геолог Симонович, — сказал Вамех. — Он исследовал и описал ископаемые богатства Грузии, и его анализ руд и металлов был признан безошибочным. Между прочим, Симонович упоминал об одном, весьма ценном веществе, которое, по его мнению, должно быть обнаружено в горах Кавказа. Вы обследовали окрестности Менджи-Робу — не нашли ли вы здесь каких-либо признаков этого вещества?

Иностранцы уклонились от прямого ответа, а один из них даже прочитал Вамеху целую лекцию относительно радия. Он сказал, что это вещество обычно находят в местах, где некогда действовали вулканические силы, а здесь, в этих горах, таких признаков не обнаружено.

Вамех счел неудобным возражать специалисту, хоть и не поверил его словам.

Иностранцы отправились в Бандзу во вторник, а в четверг вечером туда же собралась ехать вся семья Гвиргвилиани, за исключением Вамеха.

Княгине и Рябининой подали богато убранных лошадей. Нектарина была в одежде, приспособленной для мужского седла, — нижняя часть ее походила на широкие шаровары. Марина, переделавшая на тот же покрой одну из своих юбок, с веселым смехом, без посторонней помощи, легко вскочила в седло. Княгине подставили стул, и Гутати бережно поддерживал ее, усаживая на лошадь. Когда же Нектарина выпрямилась в седле, она имела поистине удивительный вид. На ней было мегрельское платье с расшитой вставкой, с большим вырезом на груди, шею охватывало позолоченное ожерелье, застегнутое фермуаром. Ее длинные рыжеватые волосы, заплетенные в две большие косы, были откинута за спину, голову обвевала длинная вуаль, укрепленная на лбу бархатной, с золотым шитьем, лентой. Легкая накидка, расшитая яркими цветами, покрывала ее всю от плеч до щиколоток, на ногах — высокие черные полусапожки, застегнутые на пуговицы. В одной руке Нектарина держала повод, в другой — красный шелковый зонтик с длинной ручкой. Одета таким образом, бертемская госпожа невольно привлекала к себе внимание.

Вамех, увидя Нектарину в таком наряде, бывало, замечал шутя: — Моя невестка хоть и похожа на изваяние, но в ее одежде смешались все стили. Она напоминает нашу древнюю богиню Айнину.

На этот раз Вамех обратился к Экоцимили, отправлявшемуся вместе со всеми в Бандзу:

— Ты вот иногда называешь Нектарину царицей...

Баронесса, услышав эти слова, рассмеялась:

— Ага, значит меня он обманывает! «Царица, — говорит, — это ты». Сегодня мне, а завтра ей! Да ты, Экоцимили, и впрямь, выходит, «шалтай-болтай»!

— Я, баронесса, только говорю «была бы ты царицей, да времена не те».

— Нет, нет, — смеясь, возразила Минадора, — недаром про тебя пела вчера Нектарина... Как это? «Тебе нельзя верить...»

— «Тебе ни в чем нельзя верить — сегодня так же, как вчера».

— Вот именно!

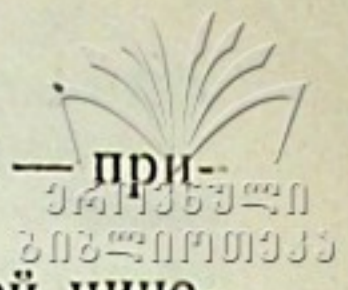
— Так вот, — продолжал Вамех, — Экоцимили называет Нектарину царицей, но этого ей мало, она хочет быть богиней. Поглядите на нее — чем не богиня?

Нектарина и впрямь сидела в седле величественная, как статуя. Лишь легкий ветерок колыхал концы ее вуали, да стройный вороной под ней нетерпеливо бил копытом, порываясь сорваться с места: Нектарина ждала, пока сядут на лошадей остальные.

Вамех простился с уезжающими, пожелал им весело провести время. Всадники хлестнули лошадей — горячий мерин Беги еще с минуту погарцевал на месте, — и все разом тронулись.

В усадьбе остались Леварси с Толисквами, Кесария со своим маленьким сыном, Дзилхана, Дэси и Бату. Вамех распрощался с ними и, взяв за руку Иеротеоса, направился домой. По дороге ему встретился Обишхиа, возвращавшийся из Сенаки, от уездного пристава. Вамех только сейчас узнал от него об аресте Гудуйи. Обишхиа же был вызван к приставу в качестве свидетеля.

Вамех расспросил о случившемся. Крестьянин рассказал, о чем говорилось в пасхальную ночь у Гудуйи, однако о «выступлении» самого хозяина дипломатически умолчал. Повторил лишь его слова, касавшиеся Нектарины и Беги, чем сильно рассмешил Вамеха.

Обишхиа был сильно озабочен судьбой своего сына Тады.

— Дознаюсь, и ежели сын твой замешан — в Сибирь сошлю! — при-
грозил старому крестьянину пристав.

Вамех постарался обнадежить старика: не тужи, мол, с Тадой ниче-
го не случится. А за Гудуйю Вамех обещал похлопотать сам.

— Такой он неосмотрительный, — осуждал своего сына Обишхиа, —
разве можно было говорить при Анто те, что он там намолол?

— Кто такой Анто? — спросил Вамех.

— Как, вы не знаете Анто, уважаемый Вамех? Есть у нас тут та-
кой олух.

— Ну, и что из того?

— Он-то и донес на нас.

— Не бери греха на душу, Обишхиа!

— Да нет, я знаю наверно. А кто другой? Остальные все были свои.

— Верно ли? Ты замечал за ним раньше, чтоб он шпионил?

— Что такое шпионить — он, поди, не знает и сам. А только ябедник
он! К тому же у него зуб против меня и Гудуйи. Тот ему как-то намял бо-
ка, а я ему спуску не даю, когда он, бывает, сбредет что-нибудь непуте-
вое. Срамлю его перед целым светом.

— Ну, и что из того? — повторил Вамех.

— А то, что он, верно, передал со зла наш разговор священнику Те-
дорэ, либо Гутати. А может, и своему господину Бандзги — те и приняли
меры.

— Не бойся, все обойдется, — Вамех снова попытался ободрить ста-
рика, хотя положением его сына сам был немало озабочен.

Обишхиа понял, что собеседнику нечем утешить его. Словно тень
набежала на лицо старика, — он простился с Вамехом и пошел своей
дорогой.

Иеротеос не очень-то разобрался в беседе взрослых, он лишь понял,
что Гудуйя арестован начальством, а Таду разыскивают. «Который это
Тада?» Мальчик вспомнил: это тот, про которого в усадьбе говорят, что
ему нравится Дэси. Иеротеос даже видел его — красивый такой парень.
А почему его ищут? В чем он провинился? Обишхиа сказал, что в ту ночь
он «намолол» что-то против начальства. Вспомнив слово «намолол»,
мальчик рассмеялся. Он уже знал, что значит молоть, но не мог понять —
почему Вамех так смеялся, когда Обишхиа передал ему слова Гудуйи
относительно Нектарины и Беги. Причина смеха была ребенку неясна,
но в глубине души он был почему-то рад, что добрый дядя Вамех с на-
смешкой говорил о Нектарине и Беги.

Вамех шел, погруженный в свои думы, и до самого дома не сказал
мальчику ни слова. Вамех размышлял: «Очень все это неприятно. Зна-
чит, теперь уже и Бертеми будет взят под надзор полиции. За Гудуйю
я похлопочу; его, конечно, выпустят — на брехню пьяного крестьянина
стоит ли обращать внимание! Но положение Тады не шуточное. Я
думал, у нас в Бертеми один Парна Бжалава принимает участие в ре-
волюционном движении. Обишхиа — умный крестьянин, даже, можно
сказать, философствующий, но, по сути, мыслит он отстало. Как видно, в
нашем селе движущим элементом является молодежь. Это и понятно. Но
ведь не один же Тада — здесь, без сомнения, уже существует небольшая
организация: Тайя не стал бы ночевать без всякой цели у Микэ. Микэ
тоже парень с головой — это будущие наши вожаки. Так оно и должно
быть! Руководители нынешнего движения выйдут из самых недр наро-
да. Но только... большую осмотрительность должны проявить ребята,
большую волю и дисциплину. Жаль будет, если зря погубят себя!.. В
газетах ничего не сообщается о народном движении. Не то что здесь, в

деревне, но и в Сенаки ничего не узнаешь толком. Хотя — в чьем я обществе возвращаюсь в Сенаки? Среди тех же дворян да чиновников. Народное движение они называют «беспорядками», а участников его «бунтовщиками». Надо мне съездить в Тбилиси, узнать достоверно, что происходит в стране. Что ни говори, а там бьется пульс нашей культурной жизни. В Тбилиси встречу с передовыми людьми, увидаю и нашего большого деятеля Илью Чавчавадзе». При этой мысли Вамех весь как-то приободрился. И только подойдя к дому, он вспомнил, что вел с собой мальчика. Вамех вошел в свою комнату и сел в кресло у письменного стола.

Иеротеос остановился перед ним, как маленький ученик перед своим учителем.

— Ну, что ты скажешь, Иеротеос? И впрямь, какое тяжелое имя! А все наши попы виноваты: выищут в часослове бог весть какие имена и называют ими наших детей — Иеротеос, Агатеос, Доситеос. Ну, садись, Иеротеос, чего ты стоишь?

Мальчик продолжал стоять.

— Садись! — повторил Вамех уже более настойчиво.

Иеротеос примостился бочком на ближнем стуле.

— Наши скоро поедут в Кутаиси, — начал Вамех, пристально глядя на мальчика, — с ними и мама твоя — отвезет тебя и отдаст учиться, но знаешь, в какое училище?

— Туда вот... где носят серебряные пуговицы?

— Ага, ты думаешь — в гимназию? Нет, гимназия тебе не подойдет.

Иеротеос обиделся и спросил тоном взрослого:

— Это потому, что я — Чаа?

От этого вопроса Вамеху стало как-то не по себе, но он не дал почувствовать это ребенку.

— Будь ты Чаа или кто другой, дело не в фамилии.

— Мне нравится моя фамилия... Я её не променяю на Гвиргвилиани.

— Должна нравиться, а то как же! Фамилия не мешает учиться, но только не в гимназии, где носят серебряные пуговицы, — тебе придется изучить другое, более нужное дело.

Вамех знал, что в тогдашней грузинской прессе, особенно между газетами «Иверия» и «Квали», ведется оживленный спор вокруг вопроса, какого типа училище и высшее учебное заведение необходимы Грузии — гимназия или реальное училище; университет со всеми своими факультетами или же специальный сельскохозяйственный институт. Вамех был сторонником последнего. Он считал, что Грузия — сельскохозяйственная страна, и что ей нужны квалифицированные агрономы. Он постарался объяснить это Иеротеосу, но тот мало что понял. К тому же мальчик был пленен синим мундиром с серебряными пуговицами — формой кутаисских гимназистов.

— Что же, я должен взять в руки мотыгу? — спросил он.

Вамех невольно рассмеялся. Он снова принялся объяснять племяннику, по возможности доступно, что обязанность ученого агронома заключается в том, чтобы руководить работой, что в промышленных странах землю обрабатывают машинами. Роль руководителя пришлась мальчику более по душе, хотя и убедить его до конца Вамеху не удалось. Тогда он объяснил мальчику, что иные из таких машин — плуги, молотилки, веялки — уже имеются и в Тбилиси, что сам он приобрел небольшую машину, срезающую солому. Вамех повел мальчика во двор, показал эту машину, даже покрутил в ней какое-то колесо. В конце разговора он сказал племяннику, что поговорит с его матерью — и его отдадут учиться туда, где будет для него лучше.

Немного спустя, Вамех снова вышел во двор, оседлал лошадь и пустился по дороге в Бандзу. Там праздник справлялся с особым, бьющим через край, весельем. Вамех любил народные торжества, игры, пляски, состязанья. Он был доволен тем, что не попал в компанию Нектарины и поехал прогуляться один, без спутников.

32.

Приехав в Бандзу, Нектарина навестила свою двоюродную сестру Марту, а потом вся семья направилась к Ведидкари — огромному полю на окраине села, где обычно устраивались игры и гулянья.

Вся окрестность сверкала, залитая лучами не жаркого, но яркого апрельского солнца. Свежая зелень весенней листвы, шум, оживление, говор будили в душе Рябининой приподнятое, радостное чувство. «Какая красота, какое раздолье вокруг! — думала молодая женщина. — Сама природа призывает здесь человека к счастью. Под этим лазурным небом может ли быть несчастлив человек?» Но вот, словно тучка нашла на солнце, душа её омрачилась при мысли о том, что есть и здесь несчастные люди. «Почему так несправедливо устроен мир: одни живут в роскоши и неге, а другие — подавлены нуждой. Я хочу, чтобы все были счастливы, любили друг друга... А я — буду ли счастлива я сама?» — спросила себя Марина, и оглянулась на Беги. Глаза её просияли: «Да, конечно!»

На середину поля с большим кожаным мячом в руках вышел преклонного возраста, но еще бодрый благообразный старик-священник Сабба Габуниа. Рядом с ним шел другой, не менее почтенный старец, представитель именитого рода Пагава. Бахва — так звали старика — являлся предводителем дворянства или, как тогда говорили, маршалом Сенакского уезда. Старик был одет в серую, под цвет седин, чоху с архалуком, на поясе его висел большой кинжал с серебряной насечкой, голову покрывала шапка, обшитая позументом и прикрепленная к волосам шнурком. На ногах — чувяки с мягкими голенищами — местэби. Походка и все движения старика были не по возрасту легки, непринужденны.

Священник передал мяч Бахве, тот слегка поиграл им в руке и ловко закинул на середину поля. В то же мгновение две партии игроков бросились с двух сторон к мячу, образовав тесный, подвижной круг. Каждая сторона старалась перехватить мяч у другой. Более всех досаждал соперникам высокий, плечистый Лева Котиа. Ухватив мяч сильными, цепкими руками, он бешено отбивался от противника. Схватка вскоре перешла в свалку, что издали произвело на Рябинуу неприятное впечатление. Но вот Лева прорвал зажимавший его круг и стремительно бросился к конечной черте. Игроки кинулись за ним, настигли его и окружили тесным кольцом.

В это время к Рябининой подошел Бахва Пагава. Она поняла, что со стороны маститого старца это было проявлением большого почета. Бахва ласково пожал Марине руку и выразил радость по поводу того, что такая прекрасная женщина пожелала стать женою Беги Гвиргвилиани.

— Породнившись с этой семьей, вы, дочь моя, породнились и со всеми нами. Отныне вы являетесь невесткой не только семьи Гвиргвилиани, но и всей Мегрелии. Мы, грузины, народ древнего происхождения, вы, русские, — народ молодой, полный здоровья и энергии. Такой союз, несомненно, даст хорошее потомство.

Рябинина от души поблагодарила старика, добавив, что отныне она считает Грузию своей второй родиной.

Распрощавшись с молодой женщиной, Бахва взял под руку стоявшего рядом Вамеха Гвиргвилиани и направился к беседовавшим поодаль иностранцам. Те все еще проводили время в Бандзе, посещая то одну, то другую княжескую семью. Нынче подошла очередь Бахвы Пагава, о чем он и сообщил сейчас почетным гостям. Те вначале думали было отказаться, но когда им напомнили о высоком положении князя Бахвы, они уже не решились возразить.

За время своего пребывания в этой стране иностранцы вынесли впечатление, что представители здешнего дворянского сословия ничем, кроме кутежей и флирта, не занимаются. Это общество явно находится на грани деградации. Исправить положение, вероятно, смогли бы люди, подобные Леварси Квизиниа, но и тот — невежда и профан, мало в чем разбирается. Вряд ли и такие двинут жизнь вперед. А вообще местные дворяне не в меру чванливы, корчат из себя больших патриотов, но вряд ли они сумеют удержать в руках богатства своей родины. Да они и не учуют, как все богатства перейдут в руки иностранцев. «Для этого и должны мы, европейцы, прибрать к рукам лучшие здешние участки — с их рудами, металлами, минеральными водами. И надо торопиться — иначе нас опередят предприниматели других стран, как это произошло в Баку. А проявим мы энергию и настойчивость, вовлечем в это дело других промышленников нашей страны — тогда, может статься, в один прекрасный день Бельгия объявит своей колонией если не всю Грузию, то, во всяком случае, западную ее часть — и посадит на мель Россию. Это будет нашей большой политической победой».

В это время мячом на поле завладел другой искусный игрок — Эги Сартаниа и со всех ног пустился в противоположную от Левы сторону. Зрители, затаив дыхание, следили за игрой, но, пожалуй, самый живой интерес был написан на лицах Парны и Панты Бжалава. Герой состязаний — Лева Котиа был родным братом Панты, и у него-то они и гостили сегодня.

Но вот Лева кинулся вслед за Эги, догнал и вцепился в него своими крепкими руками. Однако Сартаниа не сдавался — упорная схватка двух противников привлекла всеобщее внимание: зрители еще теснее сгруппировались вокруг игроков. Всадники сдерживали своих коней, боясь потеснить пеших. Один лишь Гутати, беззастенчиво подогнал лошадь к месту, где находилась семья Парны Бжалава, и чуть было не подмял стоявших рядом зрителей. Однако Парна не сошел со своего места. Гутати заорал:

— Эй, парень, посторонись!

Бжалава коротко отрезал:

— Твоих парней я к рождеству зарезал.

— Кому ты это говоришь, собака? — и хлыст Гутати, свистя, прошелся по спине крестьянина.

В мгновение ока Парна ухватил лошадь Гутати за гриву, вскочил к ней на шею и, широко размахнувшись, вlepил всаднику оглушительную затрещину. Тот обнажил кинжал. Произошло замешательство, раздался женский визг, крики крестьян: «Бей дворянских прихвостней!» Дворяне, в свою очередь, ввязались в перепалку. Никто не знал, из-за чего разгорелась драка. Князья и дворяне, сидевшие на лошадях, хлестали крестьян нагайками. Те стаскивали всадников с лошадей и нещадно избивали их.

Бахва Пагава, видя, что дело принимает серьезный оборот, поспешил направить человека к уездному приставу с требованием немедленно приехать в Ведидкари. И когда пристав и стражники появились на поле, дерущихся словно окатили холодной водой. Все тотчас же побежали врассыпную.

У Гутати выбили из рук кинжал, сорвали с одного плеча чоху с газырями. Избитый и посрамленный двинулся он с поля, разражаясь бранью по адресу Парны Бжалава.

— Пусть я лишусь усов — достоинства мужчины, если не сгоню проклятого хизана с княжеской земли, не приберу к рукам его дородную бабенку! — клялся Гутати.

Узнав о случившемся, Нектарина тотчас же собрала своих и направилась к дому двоюродной сестры. Вечер был отравлен. Бахва Пагава очень извинялся перед гостями за неприятный инцидент, приписал все излишне выпитому вину и распорядился продолжать игру.

Экоцимили удалось вовлечь в новый круг танцующих. Когда раздались звуки дайры¹, народ снова оживился. Возобновленная игра вскоре окончилась, мяч за черту противника пронес Лева Котиа. Товарищи поздравили его с победой, у Парны и его сынишки заискрились глаза.

В это время один из крестьян сказал Парне Бжалава, что Гутати собирается согнать его с насиженного места, угрожает и его жене. У Парны в груди словно полыхнуло огнем. Он ответил, с трудом сдерживая гнев:

— Пусть уместится в своей шкуре, не лезет на рожон, а то не сносить ему головы. Пока что хватит с него моей оплеухи, а уж потом... Пусть лучше забудет обо мне, о моих хизанских делах. Известно, «овца есть овца, а разъярится — осилит любого молодца».

33.

Сгустились сумерки. Народ, собравшийся на Ведидкарском поле, стал постепенно расходиться — с шумом, гиканьем, песнями. Победитель игры Лева Котиа шел рука об руку со своим соперником Эги и уговаривал товарища:

— Ты холостяк и один дома, а у меня в семье гости, — Лева указал на шедших рядом Парну и Панту Бжалава, — сегодняшней вечер проведешь у меня, а завтра, если пожелаешь, мы — твои гости.

Эги и Лева — неизменные соперники в работе и играх — были, однако, закадычными друзьями с малых лет. Эги уперся:

— Ты что, смеешься надо мной? Да я, брат, задам вам такой пир — всю ночь до утра отплясывать будете! Ко мне на праздники приехала тетушка, она нам сготовит обед — пальчики оближешь.

— А у меня сегодня будет Бесарион. И теперь не пойдешь ко мне?

— Ну, коли будет Бесарион, — я тут как тут! От такого всегда услышишь дельное слово. — Эги обнял за плечи сынишку Парны: — Как тебе, мальчик, понравилось сегодняшнее гулянье?

— Какое гулянье! — солидно, по-взрослому, ответил Гури. — Вы, видно, не умеете веселиться! У нас в Бертеми совсем не так гуляют. Я такой драки там не видал...

— А где же ты мог видеть, — всего-то ты от горшка два вершка, паренек! Все же здорово получилось! Настоящая вышла схватка между нами и дворянами. Игру-то на время пришлось прервать, но в потасовке и я кое-кому намял бока — попомнят дворяне мои тумаки.

— Какой противный тот дядька, который хлестнул моего папу!

— Ничего, Гури! Нагайка только полоснула его по чохе, зато сам он хватил того дядьку, да так, что скулы набок свернул подлецу!

— А что толку от всей этой драки?

— Ну, это ты не скажи, парень! Скоро настанет время — перейдем

¹ Д а й р а — бубен.

в наступление на князей и дворян, на попов и жандармов. Сегодня они взяли верх, но завтра им не сдобровать! И ты, Гури, тоже должен при-
выкать к этому. Нынче вышло случайное столкновение, мы вроде как бы
померялись силами, прощупали, кто на что способен. Они были на лоша-
дях и при оружии, мы — пешие и безоружные, а, видал, какого мы им под-
дали жару? Стащили молодцов с лошадей, отняли у них кинжалы, самих
побросали наземь и давай тузить ногами! А ведь ни один из нас не был
готов к бою. Но скоро, очень скоро, мы подготовимся, вооружимся и
пойдем на них, — но уже не так, сгоряча, а, соразмерив силы, схватимся с
ними лицом к лицу. Вот, когда они закричат «караул!»

В это время за спиной собеседников раздался конский топот. Кре-
стьяне расступились и дали дорогу всадникам. Впереди ехала на стат-
ном вороном величаявая красавица, по сторонам — старик Пагава и Ва-
мех Гвиргвилиани, за ними иностранцы и Волков, а несколько поодаль
скакала группа молодых людей.

Крестьяне проводили всадников взглядами. Кавалькада и впрямь
представляла собой живописное зрелище. Особенно привлекала к себе
взоры сельчан прекрасная всадница, ехавшая впереди. У Эги даже выр-
валось:

— Вот уж, поистине, невиданная красавица!

— Ну уж и невиданная! — обрезал юношу Парна. — Одень в такие
наряды мою Панту и дай ей хорошую жизнь — она разом затмит ее.

— А, чтоб тебе пропасть! — зарделась Панта. — И сбрехнет иной раз
мой мужик!

Панта знала, что русское слово «мужик» означало одновременно и
крестьянина, и здорового кряжистого мужчину — она любила при слу-
чае называть «мужиком» своего Парну. Тот, однако, не унимался:

— Что же, я вру, по-твоему? Не будь ты у меня красавица — разве
стал бы обхаживать тебя Гутати?

— Пропади он пропадом, окаянный! — вырвалось у Панты. Тень
набежала на ее красивое лицо. В первые годы, когда она только вышла
замуж, Гутати не раз, в отсутствие Парны, врывался к ней в хибарку. Но
умная женщина умела отвадить наглеца, и он каждый раз уходил не со-
лоно хлебавши. Потом Гутати прекратил свои «набеги», но последнее
время снова принялся увиваться вокруг Панты. По какому случаю, спра-
шивается? Потому ли, что у нее уже нет грудного ребенка и она расцвела и
похорошела за последние годы? О новых домогательствах Гутати Панта
ничего не говорила мужу. Во-первых, потому, что надеялась на себя, а во-
вторых, не хотелось ей растревлять Парну — был он вспыльчив не в меру,
не довести бы до беды! Вот о чем думала сейчас помрачневшая Панта. А
муж ее продолжал горячиться:

— Теперь, говорят, Гутати грозитя согнать меня с княжеской зем-
ли, разорить мою семью.

— А я слышал, будто вышел новый закон: помещик уже не может
так, за здорово живешь, согнать хизана с земли, — пояснил Лева.

— Да, вышел. Но получается, что закон этот опять же в пользу
владельцев писан, — запальчиво возразил Парна. — Помещик толь-
ко должен загодя предупредить хизана и выплатить ему стоимость участ-
ка, а согнать его волен по-прежнему в любое время. Да я скорей умру,
чем уступлю кому-нибудь свой дом, свой виноградник и сад!..

Они зашли в дом Левы.

Немного погодя, пришел сюда с двумя товарищами двоюродный
брат Левы — Бесарион Котиа, служивший приказчиком в одном из тор-
говых предприятий Кутаиси. Бесарион считался передовым человеком,
сторонником новых веяний. Хлебосольные хозяева пригласили гостей к

столу. Стали провозглашать тосты, однако пили в меру — больше слушали кутаисского гостя.

Бесарион рассказал о деятельности нелегальных кружков Кутаиси, объединявших не только рабочих, но и ремесленников и мелких служащих. Работу вели люди, хорошо знакомые с революционной литературой, тайно распространяемой среди населения. Во главе же всего дела стоял в Кутаиси Саша Цулукидзе.

Бесарион доказывал слушателям, что пора уже угнетенному люду всей России подняться против господ, пора вооружиться и двинуться сплоченными рядами на штурм царизма. Настало время сбросить царя, капиталистов, помещиков, всех этих вампиров, сосущих народную кровь и присваивающих то, что добыто народом в поте лица. Обо всем этом гости Левы были уже наслышаны и более других — Парна Бжалава. Но им не терпелось узнать, что именно надлежит делать сейчас?

На этот вопрос Бесарион прямого ответа не дал. Лицо его озарилось каким-то внутренним светом, и он запел во весь голос:

«Когда собратья в бой зовут —
Ты отвечай: — Я тут как тут!»

Гости оживились, Лева грянул веселую походную, Эги живо подхватил напев. Однако песня постепенно перешла в тягучий речитатив — так обычно пели в среде князей Пагава. Звуки, сами по себе приятные, были лишены стихийной силы, непосредственности. Это тотчас же заметил Бесарион и спросил хозяев:

— Почему все вы тут — и Эги и Лева и другие крестьяне — поете, словно с голоса князей Пагава?

— А что же в этом худого? — удивились хозяева.

Бесарион на вопрос не ответил и лишь по новому повернул его:

— Я вот вижу, вы и в одежде, и в повадках стараетесь подражать князьям.

— Да что ты говоришь, Бесарион, — снова воскликнул Лева. — Мы что же, не люди по-твоему? Что худого в том, что я хочу быть одет, как наши князья, быть образованным и просвещенным, как они?

— Быть князем — еще не значит быть просвещенным, — ответил Бесарион. — У просвещенного человека совсем другие интересы, другие стремления. А чем заняты наши князья, кроме того, что одеваются, кушают, веселятся и ухаживают за женщинами? Нет, труженику не годится брать пример с князей! Не зря говорит пословица: «С кем поведешься — от того и наберешься». Такое «соседство» с князьями отразится не только на наших повадках, но и на взглядах и мыслях, а ведь мы только что говорили о предстоящих боях, об уничтожении привилегированного сословия. А ты, выходит, хочешь обосноваться в стане наших извечных врагов.

— Но не все же Пагава такие, — продолжал горячиться Лева. — Я вот знаю нескольких молодых — они работают в Батуми, на заводе Ротшильда. Эти уже сочувствуют нашим настроениям.

— Само собой, надо отличать дурное от хорошего, но наш великий писатель Илья Чавчавадзе говорит: «Князя, даже хорошего, не назовешь хорошим, а уж что сказать о плохом?» Нет, нам с князьями, с помещиками в ладу не жить, тем паче — нельзя нам перенимать их нравы...

— Да какие такие нравы? Если уж говорить о любви к родине, то насколько я знаю, грузинские князья, и среди них и наши Пагава, готовы голову сложить за родину.

— Готовы! — передразнил Бесарион. — Их «любовь к родине» за-

ключается в том, чтобы отделиться от России, посадить собственного царя и жить в свое удовольствие.

— О царе я от них ничего не слышал.

— Не слышал, потому что они не говорят об этом определенно, но мысли их направлены в эту сторону. Конечно, самодержавный строй России должен быть уничтожен, но это сделает наш народ только вместе с русским народом. Наш долг — объединиться с рабочим классом России и вместе с ним выступить против царизма. А идея князей и дворян об отдельном существовании Грузии только разобщает нас, распыляет наши силы, а значит, вредит общему делу. Запомните хорошенько — завоевать полную свободу мы можем только рука об руку с русским народом.

Гости молчали, обдумывая сказанное Бесарионом.

Бесарион продолжал:

— У тебя, Лева, потому такое ложное, упрощенное представление о любви к родине, что усвоил ты его у дворян и князей. А известно, что в тех деревнях, где князья еще состоятельны, сильны, народ — очень отсталый, темный, не подготовлен к борьбе. Так и здесь, в Бандзе, так и у вас, в Бертеми.

— А скажи мне, родимый, — неожиданно вмешалась в разговор Панта, — говорят, что нет сильнее русского царя и войско у него несметное. Как же вы хотите, чтоб наш простой народ его победил?

Бесарион собрался ответить, но заговорил молчавший до сих пор Парна:

— Об этом я давно думаю сам, и как раз вчера пришла мне на ум одна мысль. Скажу, ежели не засмеете.

— Слушаем.

— Иду я вчера мимо родничка, что протекает тут же, пониже двора, и вижу, сидит на валуне трясогузочка. Ну, известно, трясогузка — создание красивое, да только все думают, — глупее этой птицы на свете нет. Сидит себе на камне, хвостом помахивает, либо скачет с места на место, ловит кузнечиков. Только удивительное у нее свойство: птичка с кулачишко, а какая смелая, даже отчаянная. Скажем, увидит где-нибудь филина или сокола, — тут же бросается на них, очертя голову. И при этом верещит, сзывает своих сестер и других пернатых в погоню за врагом. Те слетаются со всех сторон и с гамом, свистом, писком преследуют разбойника. И представьте — изгоняют! Я сам это видел не раз, но говорят, ежели соберется их большая стая да налетит на злодея, ему и податься некуда — тут же сбросят с поднебесья наземь. А потом, бывает, и глаза ему выключают, и мозги. Вчера как раз я вспомнил об этом, глядя на трясогузку. Думаю: ведь так вот и слабые могут одолеть сильного, если только объединятся, пойдут на врага сообща.

— Молодец, Парна! Занятную историю рассказал ты нам! Я непременно использую ее в своих выступлениях, — сказал с улыбкой Бесарион.

34.

По окончании пасхальной недели иностранцы отправились в Кутиси, куда вслед за ними должны были прибыть князья Гвиргвилиани для оформления договора у нотариуса.

Тотчас же после пасхи в Бандзе справлялся праздник «Чвениэроба», уцелевший еще со времен идолопоклонства. К этому дню со всех концов Западной Грузии в Бандзу стекались новые толпы гостей, устраивались еще более многолюдные гулянья, джигитовка, пляски, а вечером

во дворе Шауркарской церкви собравшиеся, по древнему обычаю, вырывали с корнем дерево. Никто не мог сказать, какое значение имел этот обычай, так как смысл его был утрачен еще в незапамятные времена. Тем не менее народ продолжал и по сей день свято соблюдать этот прадедовский обычай.

К вечеру, когда солнце уже склонялось к закату и подходили к концу все игры и развлечения, большая толпа людей, главным образом, молодежь, обступила заранее облюбованное и немалое по размерам дерево и вырывала его. Вырывала голыми руками, не применяя никаких орудий. Обычно дерево трясли до тех пор, пока оно не поддавалось, и тогда уже его валили наземь и вытягивали из земли с корнем.

Так было и сейчас.

Барам и Вамех издали наблюдали за этим странным зрелищем. Барам стоял, насупившись, не говоря ни слова. Вамех улыбнулся:

— Тебя, конечно, огорчает такое неуважение к дереву...

— Да нет... Но... — с трудом выговорил Барам и потом уже продолжал более твердым голосом: — Конечно, мне больно, когда губят дерево, но сейчас я думаю совсем о другом. О том, что вырывали его с корнем. Да, да, с корнем, — как бы отвечая на собственные мысли, повторил Барам.

— Ты проницательный человек, Барам! Народ вырвал дерево с корнем. Не думаешь ли ты, что если народ захочет, то и врага своего вырвет из жизни с корнем.

— Да, но только — какой же это враг — дерево?

— Тут что-то подразумевается... Это символ, Барам. В этом обычае скрыт какой-то социальный смысл. Ты же видишь, вокруг дерева хлопочут почти одни крестьяне.

— Да, верно... Князья в этом деле не принимают участия. Разве какой-нибудь сорванец из молодых. А в большинстве, конечно, этого обычая придерживается простонародье.

— Я же сказал: обычай имеет какую-то социальную подкладку, как и пляска наших сельчан — дзабра. Крестьяне пляшут вокруг папыхи, брошенной на середину круга и при этом хлещут ее прутьями. Это значит, что народ противится произволу господ.

— Горе нам, горе!

— А как ты думал? Народ всегда восставал против насильников. Вначале — робко, но, мало-помалу, ты видишь, он набирает силу...

— Вижу, Вамех, вижу и сознаю — наше дело конченное.

Лицо Барама становилось все мрачнее и мрачнее. Он не мог примириться с тем, что народ не сегодня-завтра «с корнем вырвет и господ».

— Но почему же, почему? — спрашивал он брата. — Пусть всем будет хорошо — и тебе, и мне, и помещику, и крестьянину. Не будем применять друг против друга силу. Не лучше ли жить в мире и согласии?

Вамех хлопнул брата по плечу, словно угадав, о чем тот думал, и сказал:

— Ты добрый человек, Барам, но в жизни невозможно примирить непримиримое, как нельзя избежать неизбежного.

В это время от Нектарины пришел человек и сообщил Бараму и Вамеху, что княгиня собралась в Бертеми и приглашает деверей последовать за нею.

Спустя несколько дней семья Гвиргвилиани выехала из Бертеми в Кутаиси.

Конец первой части

Воспоминание

Вот снова роша в черных ямах,
и взрывы душу леденят,
и просит ягод,
просит ягод
в крови лежащий лейтенант.

Ему парнишка невеликий,
в траве проползав дотемна,
несет пилотку земляники,
а земляника не нужна.

Пошел июльский дождик легкий,
а среди мертвых танков,
тел
лежал он,
тихий и далекий,
и на ресницах дождь блестел.

Была в глазах печаль,
забота,
а я стоял и молча мок,
как будто ждал ответ на что-то,
но он ответить мне не смог.

И я,
растерянно притихнув,
не видя больше ничего,
как он просил,
билет партийный
взял из кармана у него.

Тебе, ПАРТИЯ

Перевод с осетинского Ю. Виленчика

Я воспитан, партия, тобою,
И тебе я предан до конца.
Только жаль: встречая ярость боя,
Не смогу надеть шинель бойца...

Но и так, тяжелой болью скован,
Все ж себя я чувствую в строю.
Это ты дала мне силу слова,
Страстность и настойчивость свою.

Ты меня заботливо взрастила,
Позабыть заставила печаль,
Ты меня на подвиг вдохновила,
Закалила волю, словно сталь;

И хотя лежу, болезнью скован,
Все ж себя я чувствую в строю...
Это ты дала мне силу слова,
Страстность и настойчивость свою.

შეკვობი
ქლათო

РАССКАЗ

Перевод с грузинского Т. Бебуришвили

Раннее похолодание на склонах Триалетских гор удивило и бывалых пастухов. Вот уже дней десять пастбище окутано глухой пеленой тумана, а с серого неба непрерывно сеет дождь. В такую погоду волкам и рысям раздолье — им легче всего пробраться к стаду. Но сторожевые псы-волкодавы, с взъерошенной и окровавленной в схватке со зверем шерстью, дни и ночи кружили возле баранты.

На одиннадцатые сутки, в полдень, туман поредел, поднявшись к вершине Тавкветильской горы, и баранта белыми пятнами рассыпалась на ее зеленых склонах. Ниже, за каменной оградой, на холмике были видны шалаши чабанов. Здесь пастухи заканчивали в этот день стрижку овец...

Из шалаша вышел мальчуган с деревянным корытом, наполненным сывороткой. За ним бежали шесть или семь щенят. Задрав кверху черненькие носики и подрагивая кончиками хвостов, они нетерпеливо дергали мальчугана за передник, все время путаясь у него в ногах. Мальчик опустил корыто на землю и, не обращая на щенков внимания, уставился на человека, шедшего навстречу. Очевидно, узнав его, он повернулся и, подобрав передник, опрометью кинулся вниз по склону. Завидя незнакомца, щенки разразились злобным тьяканьем, заливаясь до тех пор, пока старый пес, лежавший на крыше, не рявкнул на них лениво и громко.

Тем временем мальчуган протиснулся к одному из старых чабанов — Сандро Берикашвили:

— Дядя Сандро! Вот и дождались, нынче же двинемся в путь! Наш зоотехник Датико пришел, посмотри!

Сандро действительно увидел зоотехника, за которым шли несколько чабанов.

Молодой чабан Шакрия Иаганашвили поднялся им навстречу и, здороваясь, снял тушинскую шапку.

— Шакро, баранте, я думаю, трудно выносить эту слякоть? — спросил зоотехник.

— О погоде не приходится думать, когда под ногами трава, словно молоко; годовалые ягнята и те обросли мясом, — сказал Шакрия, глядя вдаль, туда, где, будто на зеленом бархате, виднелась отара овец. — Это верно, что в долине сушь?

— Да. Поэтому мы и решили, пока осенние дожди оживят прибитую солнцем траву, гнать баранту к Цивгомборским склонам, — ответил зоотехник и повернулся к Берикашвили. — Что ты на это скажешь, Сандро?

— Недурно будет, — после некоторой заминки ответил тот. — Баранта и сама рвется в долину, да время еще не настало: пока только конец августа. Ну, а в Цивгомборах климат горный и равнинный неплохо сочетается, стало быть, вреда стаду не будет...

Выйдя на очередное дежурство, Шакрия обошел стадо, побеседовал со своей собакой Бролой, взглянул на небо. Черные тучи двигались к западу, над пастбищем прошелестел горный ветерок, стряхнув с трав и цветов тяжелые капли росы. «Как там мои друзья? — думал, опершись на посох, Шакрия. — Хотелось бы знать, что делает нынче Натела? Если она в деревне, — обязательно увидимся, дам ей знать, что я в Гомбори».

* * *

Чабаны разобрали шалаши и первым делом отправили машины, груженные сыром и мешками шерсти, а остальное — одежду, котлы, хозяйственную посуду и муку — нагрузили на мулов.

Впереди стада шагал Шакрия. В одной руке он держал плетень, а через плечо — ружье.

Баранта, почувствовав тепло долины, хлынула вперед, словно вырвавшаяся из узкого русла вода. За стадом бежали чабаны, кони, мулы и собаки. Миновав Беданскую гору, отара двинулась к Алгетскому ущелью; переночевав в Чочини, пошла дальше; обойдя Приют — Манглиси, через неделю прибыла в Тбилиси. Подойдя в полночь к окраинам города, вытянулась струной и, остановив движение, оказалась хозяином дорог: овцы беззаботно постукивали копытами по затихшему асфальту улиц.

Город не успел еще остыть от дневного зноя, и марево, словно туман, клубилось над ним. Цепочки электрических огней освещали его разветвленные улицы.

— Будь город этот не во зло помянут, — он, как пекло! — проговорил Сандро и снял с себя кожаную безрукавку.

Чабаны, последовав его примеру, распахнули куртки. Миновав мост Трехсот Арагвинцев, они раскинули шатры в Орхеви.

Дня через два отдохнувшая на привале баранта медленно двигалась уже по Самгорским степям. Собаки высунули языки — их угнетал накаленный зноем воздух. Пожелтевшая трава бессильно склонилась к потрескавшейся земле. В отдалении работали экскаваторы.

— Что они там делают? — спросил у Сандро пастух из Ахалцихе.

— Канал из Иори проводят, всю эту засушливую степь хотят напоить водой.

— А хватит ли у маленькой Иори мощи?

— Иори обещает обводнить немало таких выжженных земель, — вмешался в разговор Шакрия и тут же стал рассказывать все, что он знал о строительстве Самгорского канала.

На Цивгомборских склонах баранта раскинулась под открытым небом. Прилегли возле овец и чабаны. Неподалеку лежали собаки и, зарыв

морды в свернутые клубками хвосты, дремали так же настороженно, как и их хозяйка, — приподнимали головы даже от стука овечьих копыт. Несколько псов с обкорнанными хвостами, опытные в схватках с волками, как всегда, вместе со сторожевыми чабанами бегали вокруг стада.

Из спящих чабанов раньше других проснулся Шакрия. Он раздвинул полы бурки и кликнул Бролу; собака встряхнулась, пытаясь сбросить прилипшую к шерсти траву, и уставилась на хозяина. Проснулся и Сандро, провел рукой по спутанной бороде и бровям, приводя их в порядок.

Восток засверкал розовыми красками. Вскоре поднялись все остальные чабаны и, чтобы разогнать сонливость, поспешили умыться родниковой водой из ближайшего источника. Однако гнать баранту они не торопились: утренняя роса вредна для копыт годовалых ягнят.

При выводе баранты из загона Сандро принялся считать овец. Пересчитав их про себя, он громовым голосом крикнул:

— Два десятка — раз! Два десятка — два...

— Есть, слышу! — ответил стоявший вблизи чабан и, счета ради, стал надрезывать ножом палку, которую держал в руке.

Умолкли голоса ведущих счет чабанов. Баранта двинулась в путь. Впереди шел Шакрия; отара медленно, тесно сомкнутыми рядами двигалась к вершине горы. Казалось, будто застоявшуюся воду колеблет ветерок.

Шакрия сдал водительство Сандро, а сам отправился на осмотр накануне примеченного пастбища. Он оглядел раскинувшуюся между гор низменность с нетронутой травой, кинул на землю бурку, а сам возвратился к отаре. Подле бурки осталась Брола.

Поднявшаяся на пастбище баранта белым живым покровом развернулась на зеленом поле. Чабаны открыли меха с тушеной бараниной, переломили хлеба и принялись за завтрак, а собакам кинули куски теста из муки с жиром. Только один Шакрия стоял в стороне от всех; он без аппетита жевал баранину с хлебом, время от времени кидая сидящим в траве щенкам то куски мяса, то хлеб.

Шакрие было, о чем подумать.

Еще накануне секретарь райкома сообщил, что ему, Шакрии, предстоит сделать доклад на общем собрании колхозников о новой породе грузинских овец. На собрании будут присутствовать все его друзья и товарищи: ведь Шакрия учился в десятилетке этого самого поселка. «Будет там и Натела, — продолжал размышлять Шакрия. — Будут и парни, года два назад встретившиеся с моей отарой, шедшей в Удабно». В памяти промелькнули последние десять лет. Вспомнилось, как не раз застигнутый горным потоком ночью, насквозь промокший, в сырой одежде, склонял он голову к холодному камню, стараясь вздремнуть, а соль, спрятанная в нагруднике, размокала, и он, как ни в чем не бывало, ел потом пищу без соли.

Колесо воспоминаний кружилось без конца, одну за другой открывая страницы прошлого. Перед глазами Шакрии предстала мать: ему было лет семнадцать, когда он решил расстаться с родным очагом и идти в чабаны. Мать проводила сына на поезд. Скрестив руки на груди, она молчала. Шакрия сверху, со ступенек вагона, смотрел на нее и видел, что любовь, упрек и горечь полыхали в ее глазах, обращенных к нему.

«Сын мой, авось тебе еще вспомнится мягкая материнская подушка и захочется приправленной душистыми травками фасоли», — вспомнил он слова матери и опять явственно увидел слезы, заблестевшие в ее глазах. Но уже ничто не могло тогда остановить его, даже просьба матери.

Мать умерла, а он не сумел приехать на похороны, потому что был далеко. Как раз в то время начался окот, сотни овец новой породы

должны были дать приплод, и он не мог тогда доверить отару никому другому.

Осторожно ступая, подошел Сандро.

— Шакри, а Шакри! — спокойно сказал он и, вынув из кармана вышитый мелким бисером кисет, предложил закурить. — Я знаю, завтра в зале на стульях, словно бабочки в поле, рассядутся перед тобой девушки, и я боюсь, как бы они не отвлекли твоих мыслей от дела, ты уж лучше черкни на бумажке все, о чем собираешься говорить...

Присев на выступ скалы, Сандро высек кресалом искру, помотал затлевающим трутом и закурил.

— Во времена юности, когда мне случалось проходить мимо дома моей Тебро, стоило мне завидеть девушку, как ноги начинали заплетаться, а обмолвиться даже пустяковым словом — и то бывало трудно. Тебе же предстоит открыть перед народом наши сердца! Ты должен сказать, что мы, чабаны, по правилам чести, с сознанием ответственности носим шапку на голове.

Шакрия, молча смотревший вдаль, вдруг встрепенулся: там, где кончались лесные массивы и виднелась роща, показались женщины, шедшие за стадом. Присмотревшись, он узнал пшавскую девушку Тинию, часто выгонявшую коров на пастбище; среди трех ее спутниц была и Натела.

Шакрия всем телом подался вперед, но, застыдившись Сандро, остановился. Сдержанное волнение сковало его движения, и он неторопливо стал спускаться по склону.

— Небось, сразу заметил, что веду к тебе гостей, редких, как жемчуга! — еще издали крикнула Тиния и, не останавливаясь, погнала коров на пастбище.

Шакрия больше года не виделся с Нателой. За это время она несколько не изменилась. Из коротких рукавов выглядывали полные загорелые руки, посреди головы сверкал ровный пробор, вьющиеся волосы спадали на открытую шею.

— Шакри, эти девушки — мои гости, — указывая на подруг, сказала Натела.

— Как же вы решились подняться в горы? — спросил он и кашлянул, словно желая избавиться от хрипоты в горле.

— Привести нас сюда взялась Тиния, а побывать в горах мы решили по многим соображениям и несколько в этом не раскаиваемся. Как прекрасен отсюда вид на Кахетию! — быстро-быстро заговорила одна из девушек.

Шакрия с первого раза не мог разглядеть подруг Нателы: обе высокие, одетые в пестрые платья, они обмахивали платками разгоряченные лица.

— Правда, — продолжала скороговоркой та же девушка, — здесь хорошо побыть денька два. Но всю жизнь прожить в горах, отказавшись от людей и общества?! Сознаюсь, я сошла бы с ума. Жертвовать всем ради кого-нибудь — это, конечно, понятно, но прожить в горах всю жизнь ради овец? — бросив хитрый взгляд в сторону Шакрии, девушка разразилась звонким смехом.

Натела растерянно взглянула на Шакрию — он мог не понять и обидеться на шутку.

— Этим девушкам поручено набрать «многоцветы», потому мы и поднялись сюда, — прервала она подругу.

Шакрия взялся сопровождать гостей и показать им цветы.

В дороге разговорчивая девушка (звали ее Дареджан) продолжала говорить, не умолкая. Натела с улыбкой слушала ее бесконечную бол-

товню, не отрываясь, смотрела на Шакрию и в глубине души решила, что он, хоть и чабан, но все-таки лучше других, знакомых ей молодых людей. От этой мысли девушке стало весело, она тут же присела на траву и, тихонько напевая, принялась срывать белые цветы.

— Вы знаете, кем занесены сюда эти цветы? — неожиданно спросил Шакрия.

— Нет, и не хочу об этом знать, — замахав руками, весело отозвалась Дареджан, — с нас довольно и того, что в институте нам набивают головы латинскими названиями этих цветов, их родов и семейств, а тут еще запоминать, кем они занесены сюда? Не надо!

— Семена этих цветов занесены сюда нашими овцами, их шерстью, — сказал пастух.

— Да что вы, я вовсе не ждала этого от овец! — со смехом перебила его Дареджан.

— Но как вы об этом узнали? — спросила у Шакрии ее подруга.

— На наших пастбищах цветов зачастую бывает больше, чем трав. Ученые нередко посещают нас, они и рассказали нам об этом. Ум на досуге схватывает сказанное, мозг воспринимает, а язык высказывает, ведь ему больше и делать нечего, — рассмеялся Шакрия.

— А нам бог знает сколько говорят об этом! — сказала Дареджан. — Даже надоело слушать.

Их беседа была прервана появлением отары, которую согнали в ложину на водопой. Шакрия познакомил девушек с Сандро. Гости восторженно смотрели на овец, теребили шерсть, смеялись при виде козлов, сцепившихся рогами, брали в руки разномастных щенков, и лица у них выглядели так, словно все три девушки готовы были простоять здесь дни, не чувствуя усталости, говорить все это время и хохотать без умолку по самому пустяковому поводу.

Шакрия старался показать в выгодном свете жизнь чабанов и, словно хозяин богатого дворца, с достоинством следовал за гостями.

Наконец, они остались вдвоем с Нателой — все ушли вперед.

— Завтра твой доклад. Ты, конечно, рано придешь на собрание? — спросила девушка.

— На крыльях прилечу, а не приду, — ответил Шакрия, обжигая взглядом лицо, шею и плечи Нателы. Она опустила голову. «Что я должен ей сказать?» — подумал Шакрия. Руки, мешавшие ему весь день, раскинулись так широко, словно готовы были заодно с этой маленькой девушкой обнять и прижать к сердцу горы и долины. Натела отшатнулась. Стоявшая возле Брола, тяжело поводящая на них глазами, неожиданно грозно оскалилась, блеснув рядами крупных и белых зубов. Натела вскрикнула и склонилась к груди Шакрии...

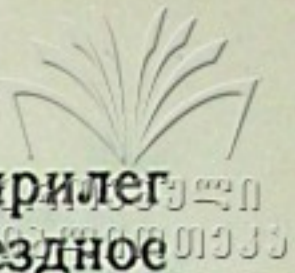
Он проводил девушек почти до села.

— Если б мы завтра не возвращались в город, пришли бы послушать ваш доклад, — сказала Дареджан, прощаясь, и, когда Шакрия отошел, добавила. — Что и говорить, красавца-пастуха мы видели нынче! Если бы мне довелось встретиться с ним несколько раз, я несомненно отбила бы его у Нателы! — при этих словах она обняла вспыхнувшую ярким румянцем подругу. — А как умен тот старый чабан Сандро, с которым он нас познакомил! Идешь в горы и вдруг нежданно-негаданно встречаешься с такими вот умными людьми.

— Чему ты удивляешься, Дареджан! — заметила ее подруга. — Не резон отказывать человеку в уме, если он рос в горах! Мне не раз приходилось слышать: утерянный в долине ум в горах обретется.

Все трое рассмеялись.

Наступил вечер. Шакрия, вернувшись к отаре, вместе с товарища-

ми вывел баранту на ночёвку, разбросал каменную соль, а сам прилетел возле овец, подложив руки под голову. Ему хотелось смотреть в звездное небо, говорить с кем-нибудь о Нателе. Он оглянулся: у его изголовья примостилась Брола и с такой любовью поглядывала на своего хозяина, что Шакрия, не сдержавшись, обнял собаку за шею:

— Тебе понравилась та девушка, не правда ли, Брола? — Собака лизнула хозяину руку, а Шакрия продолжал: — Мала она ростом, но когда проходит мимо меня, от легкого дуновения ее платья, меня, рослого молодца, всего раскачивает. — Он помолчал. — Завтра и о тебе расскажу на собрании: без тебя мне было бы трудно. Сколько раз спасала ты нас от опасности, окровавленная валялась у порога, а, выздоровев, еще яростнее боролась со зверьми.

Собака лизнула руки, лицо и одежду хозяина, и, не умея иначе выразить своих чувств, оскалилась.

* * *

Освещенный электричеством зал был переполнен. Шакрия вместе с секретарем комитета комсомола стал пробираться к длинному столу. В зале было жарко, но особенно невыносимой казалась жара Шакрии: он то и дело теребил пуговицы зеленой шерстяной гимнастерки, словно собираясь расстегнуть ворот. Шакрия старался отличить в толпе своих знакомых и еще издали заметил вошедшего в зал чабана, Героя Социалистического Труда, который направился прямо к нему.

— Это вы выхаживаете новую породу грузинских овец? — спросил он так громко, что Шакрия невольно покраснел.

— Я в этом деле человек маленький, — скромно ответил чабан. Он внимательно разглядывал украшенную орденами грудь героя. «И меня, может, когда-нибудь...» — мелькнуло у него на секунду, но он тут же отогнал эти, как он сам их называл, честолюбивые мысли.

Наконец, председатель колхоза предоставил Шакрии слово для доклада.

— Присутствующим здесь хорошо известна тушинская порода овец, — тихо начал Шакрия, и голос его задрожал от волнения. — Постоянно кочуя, овцы веками укрепляли копыта, применялись и к теплу и к холоду. Это было причиной их малорослости. Шерсть стала настолько грубой, что из нее делались только ковры и бурки. Наши ученые решили улучшить породу грузинских овец. Их случили с тонкорунными овцами...

Он долго рассказывал о научных работниках, безвыездно просидевших в селе семнадцать лет и работавших, не покладая рук.

— Делом нашей чести было увеличить прирост этих овец и сохранить приплод, а сохранить его возможно было только тщательным уходом и питанием. — Слова чабана звучали теперь уверенно; он рассказывал о людях овцеводческих бригад, готовых грудью оградить баранту от неожиданностей горной стихии и жестоких холодов Удабно. Шакрия рассказывал и видел, что люди напряженно ловили его слова. — Нынче на наших пастбищах пасется баранта новой породы, и если вы подниметесь к нам в горы, — заметите: овцы унаследовали выносливость и приноровились и к холоду и к теплу, а вместе с тем увеличился их живой вес и жир в курдюках; мясо же не потеряло своих приятных вкусовых качеств. Но что важнее всего — овцы обросли нежной и блестящей шерстью.

— Вы преобразили наших овец, в этом нет сомнения, — вмешался в разговор старик-тушинец по имени Бакур. Он случайно приехал в поселок и, узнав о докладе, зашел его послушать.

Шакрия улыбнулся в ответ и, смеющимися глазами окинув зал, задержав взгляд на толпившихся в сенях женщинах в белых платках. «Если бы и мать моя была в их числе, какими глазами стала бы она глядеть нынче на меня?»

— Завтра вечером я буду у вас в гостях и там, как это положено, среди пастухов, поздравлю тебя! — сказал старик и быстро отошел. Бакура сменила Натела. Это не укрылось от женщин, стоявших в сенях. Одна из них — в белой повязке — толкнула другую, одетую в черное платье:

— Слышала, небось, к каким делам приложил руку твой будущий зять? Ты только взгляни: никак друг на друга налюбоваться не могут.

Но мать Нателы метнула на говорившую уничтожающий взгляд:

— Говоря откровенно, меня не очень прельщают его дела: тонкорунной шерстью обрастут его овцы или золотом, они останутся все теми же овцами, а чабан — чабаном, — и она сердито сверкнула глазами в сторону дочери.

* * *

На другой день вечером чабаны ждали гостей и вскоре заметили пятерых всадников. Сдвинув шапку на затылок, Сандро пошел вперед:

— Я узнал только Бакура, остальных — нет, — проговорил он громко. — Но кто бы они ни были, для них открыты двери наших жилищ. Что вы на это скажете, ребята? — обратился Сандро к чабанам.

Всадники приближались. Четверо скоро спешили, но пятый продолжал гнать коня.

— Бакур! Старость, что ли, подкосила твою волчью поступь? — окликнул Сандро друга своего детства.

— Есть такой грех! — отозвался старый чабан и сошел с коня, осторожно ступая больной ногой. Давние друзья обнялись и внимательно оглядели друг друга. Сандро покачал головой: Бакур казался ему более состарившимся, нежели он сам.

— Кто знает, сколько воды утекло с тех пор как мы виделись, — нарушил молчание Бакур.

— Не так уж много, Бакур! Однако чашу наших жизней она все же наполнила, покрыв сединой и головы и усы наши, — ответил весело Сандро и повернулся к остальным гостям — их принимал Шакрия, помогая снимать с коней переметные сумы, из которых выглядывали головки бурдюков и концы хлебов.

— Вот вам, парни, и Сандро Берикашвили! Всем давно, давно знакомый и известный во всей округе чабан. Когда у нас заговорят о чабанах, тут же о нем вспоминают, — сказал Бакур, оборачиваясь к товарищам.

А Сандро смущенно улыбался, протягивая гостям руку.

— Ты, Сандро, не гляди на них свысока, может, они тебе маленькими человечками кажутся. Но это неверно: в них, словно в сказочных богатырях, — девять душ. Эти парни стремятся с каждой пяди земли пуды зерна взять. А эти двое — виноградари, в подтверждение этого завезли сюда на пробу и винца. За хорошую работу они вызваны в Тбилиси, вот мы и собрались в путь.

Бакур попросил показать овец и тут же стал объяснять: ревматизм, мол, надолго пригвоздил его к постели и помешал побывать на пастбище, повидать баранту. Он присел на траву, обнял обеими руками овцу, седобородым лицом ласково провел по шерсти и заговорил с кахетинцами.

— Вот этот молодой чабан, — указывая на Шакрию, сказал он, — вчера всенародно объявил, что мы, дескать, любим свое дело. Что и гово-

ритель, в тех словах звучала правда — это и царапнуло мне сердце. Вы знаете, я был прикован к постели болезнью, но когда, бывало, слух улавливал бляение овец, отправляющихся на горные пастбища либо спускающихся в долины, я не мог удержаться в постели до тех пор, пока меня не выводили на дорогу. Я глядел вслед уходящей баранте, глаза мои радовались, и я успокаивался, словно шел вместе с ними, — рассказывал Бакур, внимательно разглядывая при этом шерсть и копыта овец.

— Верно ведь, Бакур, странным кажется тебе, что на этих овцах нет уже жесткой, как щетка, шерсти? — спросил Сандро.

— Ваши дела, поразили меня, сознаюсь, — ответил старый чабан.

— Об этих чудесах наших парней-чабанов следовало бы спросить, — ответил Сандро и сдвинул брови. — Когда есть любовь к делу — недоделанных работ в пройденном пути не остается, не тебя учить этому, Бакур!

Поодаль пылали сложенные крестом дубовые поленья. Мясо, нанизанное на кизилловые вертела, шипело, трещал стекающий с шашлыков жир. Для пира выбрали маленькую лощину, в которой, весь утопая в цветах, бесшумно струился родничок. Чабаны тут же свалили на траву бурдюки и седла и прилегли. Бакур, словно в забытьи, не слышал их разговора, задумался в эти минуты о чем-то своем. Вдруг он заворочался, вынул из нагрудника какой-то сверток, осторожно развернул и встряхнул его несколько раз. Это был большой платок. Несколько рук потянулись к нему, мозолистые пальцы стали ощупывать тонкую шелковую ткань.

— Чьи руки вышили его? — спросил кто-то. Сумерки мешали разглядеть платок, но поднеся его близко к глазам, все же можно было увидеть вышитую на нем горную цепь, вязаные золотом, тяжело опущенные головки зрелых колосьев, а разбросанные по платку дубовые листья, казалось, шелестели, словно живые.

— Шакри, это тебе в подарок! Вчера я обещал поздравить тебя здесь.

Чабан смутился.

— Бери, парень, и знай, что никто не сумеет оценить твоих трудов так, как тушин, а я расскажу, чем знаменит этот платок.

— Было у меня два сына, — тихо начал Бакур, — они были мне светилами дня и ночи, об этом знает Сандро. Но я их отправил на войну. Однажды старший сын написал матери: «Мать моя, когда мы, после двухдневного боя, заняли вражеский город и победа осталась за нами, усталый от боев и бессонных ночей, я свалился, словно срубленное дерево; со лба стекал пот и отяжелевшие руки были недвижны. Как мне хотелось тогда, чтобы твои руки вытерли этот пот с лица».

Горько задумалась старуха и, плотно сжав губы, молча, без слов, стала вышивать платок. Меня это не удивило, потому что я знал: её семья из поколения в поколение славилась вышивкой. Она кончила работу и завернула в платок письмецо сыну: «Сын мой, твоя мать далека от тебя. Дай бог, чтобы вести о твоей победе доходили до нас часто. И пусть этот платок осушит с твоего лица пот — на нем вышиты горы и доли твоей страны, за которую ты воюешь».

Но платок возвратили, и я скрыл его от матери...

Бакур затих. Все застыли в глубоком молчанье, и через минуту на хлеба закапало красное вино — за упокой погибшего.

— Возьми, Шакро! И когда пот честного труда выступит на твоём лице, осуши его этим платком, — тихо проговорил Сандро.

Перед рассветом гости уехали. Проводив их, Шакрия долго стоял, задумавшись. Сандро подошел к нему:

— Ни о чем не горюй, сын мой! Знаю я твою заботу. Сегодня же вече-

ром побываю у матери Нателы, скажу, что вы любите друг друга, а там увидим, что она ответит.

Шакрия улыбнулся, поднял с земли свою дубину и ушел.

* * *

— Поначалу найдут тебя недостойным, а как заполучат, — обеими руками ухватятся, я знаю породу подобных им людей, — говорил на следующий день празднично одетый Сандро, помахивая плетью из конского волоса. Он только что вернулся из поселка: на коне все еще блестели капельки пота. Шакрия слушал Сандро, опустив глаза.

— У любви, сынок, крылья легкие, вдруг ты вылетишь из нашего гнезда, — продолжал Сандро, и в его голосе слышалась грусть. — Матери Нателы не по душе наша жизнь: она упрямо твердит о том, что зятем хотела бы иметь инженера. Когда я однажды вошел к ней во двор, там и камня не нашлось, чтобы кинуть в собаку. Не покладая рук, трудится она дни и ночи, вот и выстроила двухэтажный дом: в коврах и зеркалах нет недостатка в доме, да толку в том мало. Если на натертом полу останутся следы от твоей обуви — её настроение испорчено. Да что говорить! Как-то при мне ветерок подул из открытого окна и зашевелил покрывало на комодке. Так ей, видишь ли, это не понравилось. В сердцах, она захлопнула окно, а я подумал: «Эта женщина ветру воли не дает, а уж дочери и подавно — не разрешит соединиться с любимым человеком». Но коробом обещаний я вынудил её дать согласие, — закончил Сандро.

Краснея от смущения, Шакрия провел рукой по волосам, но не стал спрашивать о подробностях. Сандро понял его и перевел разговор на другое. Он посоветовал чабану гнать овец к подошве горы, заметив при этом, что там можно уместить лишь одну отару.

Шакрия не стал медлить, он вместе с бригадирами обошел отару и погнал вниз по склону, а Сандро отправился со своей отарой вверх.

Утро было тихим и безоблачным. Лучи яркого солнца обжигали все живое. Чабаны прошли буковым лесом и вышли к долине. Сандро не сводил с нее глаз и думал: «Среди этой природы я провел всю свою жизнь и до сего времени не пойму, кто её вышил так искусно, она и в самом деле прекрасна, как тот шелковый платок. Бакур хороший дар преподнес Шакрии, наши долины и горы на нем, словно живые».

Неожиданно ясный небосвод заволокли тучи. Ветер со свистом пронесся по пастбищу, будто оповещая небо и землю, что настало время его разгула. С горизонта вереницей плыли черные облака; они быстро мчались вперед и, громоздясь, опережали друг друга, оставляя после себя темные провалы в небе. Внезапно пошел крупный град. Сандро укрыл стадо от потока под холмом, как под надежным заслоном. Но град все усиливался. Сандро стоял недвижно и не сводил глаз с того места, где находился Шакрия со своей отарой. Старый чабан прекрасно знал горы. Во время ливней под напором даже незначительных потоков, почва разрыхлялась и земля сползала вниз. «Парень там впервые. Что он может знать об этом?» — мелькнуло у него в голове. Сандро обернулся, приказал чабанам не двигать с места баранту, а сам подбежал к коню, стоявшему поблизости. «Мы с тобой должны спасти отару!» — шепнул он на ухо коню. Тот повернулся и подставил хозяину дрожащую спину. Сандро вмиг оседлал коня, легко вскинул коренастое туловище, сел — и конь понесся. Но седок хотел лететь еще быстрее, чтобы опередить поток.

Проскакав лес, Сандро глянул на лощину — там уже накрапывал дождь. Но поток, двигавшийся с гор, вбирая попутно текущие воды и не уместаясь в ложбине, бешено мчался вперед, смывая и унося в своем бур-

ном течении камни, рассекал обрывы скалы, разрыхлял землю и всей массой камней, щебня, земли и извести стремился в долину. Залив ее, поток расширялся, дробился и подбирался к отаре, струной вытянувшейся под холмом. Овцы медленно двигались вперед, копыта скользили по набухшей земле, между потоком и стадом бегали чабаны. «Др-р... Вперед... Др-р!» — слышались окрики пастухов.

Сандро схватился за грудь, будто хотел удержать готовое выскочить вон сердце. Старый чабан знал, что его появление могло ободрить молодежь. Он встал на стременах во весь рост, снял шапку и махнул ею в воздухе несколько раз.

— Дядя Сандро! — крикнули чабаны в один голос.

— Не бойтесь, ребята! — крикнул Сандро. Но ветер унес его слова в сторону.

Шакрия старался отделить половину отары и провести овец по узкой полоске, образовавшейся между потоком и скалой, и с такой силой замахивался бичом, что он извивался молнией.

В это время шедший во главе стада козел оступился, поскользнулся и закачался на крохотном клочке земли. Набежавшая волна смыла под его копытами почву, вторая подкосила ноги перепуганного животного и унесла его с собой. В тот же миг, словно гром, по пастбищу пронесся оглушительный крик чабанов. Они знали: двинуть с места баранту в такую погоду без вожатого не было возможности. Шакрия отшвырнул бич и бросился к берегу. Разлившаяся потоком вода была не глубока, но с силой катила камни и щебень. Тут Сандро опередил его.

— Не двигайся! Стой! — голос Сандро звучал так повелительно, что Шакрия застыл на месте.

Сандро бросился с конем в воду, перерезал дорогу козлу и заставил его плыть к берегу, на котором стоял Шакрия. В это время волна с угрожающим шипением обрушилась на Сандро и унесла с собой человеческий стон.

Шакрия бросился в воду и вытащил Сандро из-под камня. Но было поздно: в последний раз зашевелились веки старого вожатого. Бурое от загара лицо угасло, постепенно бледнея...

«Неужели конец? Неужели нечем помочь?» — в отчаянии подумал Шакрия, оглянувшись, но никого поблизости не увидел.

Вода уже спала. Чабаны гнали стадо вверх, по холму. С Шакрией остался вороной конь Сандро. Он поднял голову и грустно взглянул на Шакрию, будто подтверждая, что помочь Сандро нечем.

Шакрия осторожно уложил старого чабана на свою бурку.

— Разве для того я послушался тебя, дядя Сандро? — с тоской проговорил он, и горячие, как огонь, слезы закапали на грудь старика.

Подожли чабаны. Они стояли у изголовья Сандро, а собаки выли у ног покойника. Время от времени слышалось ржание коня. Спускавшаяся с высоты отара с блеянием соединялась со спасенными от гибели овцами.

Прояснилось. Словно в знак примирения с людьми, небо раскинуло в вышине семицветную радугу. Разорвав завесу туч, выглянуло солнце.

* * *

В ненастный зимний день двое молодых людей остановились в Тбилиси возле Дома правительства. Высокий статный юноша с обветренным лицом и девушка, шедшая рядом с ним, привлекали внимание прохожих. Но поглощенные собой, молодые люди, казалось, ничего не замечали вокруг.

— Шакри, через два часа я буду ждать тебя в вестибюле, — сказала Натела.

Шакрия растерянно кивнул и стал быстро подниматься по лестнице. Он мягко ступал по устланному коврами полу, и ему казалось, что колени у него размякли и подгибаются.

В большом зале Председатель Президиума Верховного Совета беседовал с зоотехником и научным работником, выводившими новую породу грузинских овец. Шакрия стал смотреть по сторонам. Его внимание привлек человек средних лет в черном костюме. Чабану показалось, что он видел его где-то. Шакрия подумал: «Это, наверное, Секретарь Президиума Верховного Совета. Сандро много рассказывал о нем, описывал и его внешность».

— Вы, бригадир-овцевод Иаганашвили, не правда ли? — спросил человек в черном костюме и пошел навстречу чабану легкими юношескими шагами.

— Точно! — ответил Шакрия. Краска смущения выступила на лице и шее бригадира.

Секретарь Президиума пожал ему руку.

— Вы немало труда отдали выведению овец новой породы, — произнес он неторопливо. — Но вас следует поблагодарить еще и за спасение стада от стихийного бедствия.

Шакрия сжался, и в его искрящихся глазах мелькнула тень:

— Овец от гибели спас Сандро Берикашвили!

— Я знаю и об этом, — тихо произнес Секретарь Президиума. — В этом зале я встречался с ним. Берикашвили, жертвуя собственной жизнью, оставил вечную память о себе и заслужил вторую правительственную награду.

Шакрия понял его, и глаза юноши вновь зажглись огнем.

Через несколько часов группа награжденных шла по вестибюлю.

Шакрия немного отстал от них. Ему хотелось побыть одному со своей радостью. Чабан подошел к окну и оперся рукой на подоконник. Перед его глазамиплыли широкие просторы пастбища с отарой овец, зимние жилища, ветры и снега Удабно, дожди и град в горах. Но холода он не почувствовал. Ему казалось, что орден, прикрепленный к его груди, согревает его. «Когда пот честного труда выступит на твоём лице, этим платком осуши его», — отчетливо услышал молодой чабан слова Сандро.

Шакрия осторожно вынул из кармана пестрый шелковый платок, развернул и вытер им свое разгоряченное лицо.

В 1913 г. цитрусовые насаждения в Аджарии занимали около 400 гектаров, ныне площадь цитрусовых плантаций выросла до 8.300 гектаров.

Чайная промышленность республики выросла в мощную отрасль народного хозяйства. Если чайные плантации Аджарии в 1913 г. составляли 850 гектаров, то

к 1956 году они выросли до 6.100 гектаров.

Общий денежный доход колхозов республики составил в 1956 году 172.224 тысячи рублей.

В дороге

Перевод с абхазского В. Луговского

Еду я дорогой горной,
Опадает зной,
Не устал мой конь проворный,
Верный конь гнедой.

До Сурамского нагорья
Даль раскрылась мне,
А направо плещет море,
В нем простор волне.

Небеса — как синий бархат,
И мерцает в них
Седовласого Ерцаху
Белоснежный лик.

Еду я дорогой длинной
Через реки вброд.
В плодородную долину
Длинный путь ведет.

Уродилась кукуруза,
Кочаны сплелись,
А над ними с ношей грузной
Стебли поднялись.

За изгибом-поворотом
Загустел табак,
Славно спорится работа
В молодых руках.

Еду, еду мелкой рысью
И кричу с седла
Людам, что ломают листья:
«Мастерам — хвала!»

Горный ветер песней веет
С влажной высоты,
У дороги зеленеют
Чайные кусты.

Близ дороги — смех и песни,
Я сдержал коня;
Листья кустиков чудесных
Смотрят на меня.

Еду я дорогой длинной
У подножья гор,
Золотые апельсины
Мой чаруют взор.

Из темнеющего сада,
Точно новый дар,
Блещут гроздья винограда,
Мандаринов жар.

Мне чудес не перечислить:
Ветви отягчив,
Вижу яблоки повисли, —
Золотой налив.

Вижу я, как расцветает
Мой родимый край,
Как обильно созревает
Новый урожай!

Изобилье и довольство
Дал колхозный труд.
«Заезжай, товарищ, в гости!» —
Встречные зовут.

Полон радости высокой,
Голос мой звенит.
Ведь вспоен я жарким соком
Этой вот земли!

Песня крепнет год от года.
Родину пою!
Счастье моего народа
Полнит песнь мою.

Старый ТАРАНТАС

РАССКАЗ

Перевод с грузинского В. Киреевой

Около пяти часов вечера на краю деревни Оболашени, там, где асфальтированное шоссе теряется в густых зарослях ежевики, показалась старая, допотопного вида коляска, запряженная парой лошадей. На высоких козлах, между потерявшими былой блеск никелированными фонарями, понуро сидел возница. Он дал дорогу встречному автобусу, битком набитому пассажирами, которые приветствовали его полуразвалившийся экипаж взрывом веселья, и лишь после того как машина проехала, с горестным вздохом натянул вожжи и свернул в переулок...

Было время, когда эту коляску, блестящую лаком, обитую дорогой кожей и выложенную внутри бархатными подушками, носили горячие кони, и, должно быть, не раз стремительный бег лошадей и мерное покачивание коляски навевали радужные мечты ездившим в ней щедрым молодым людям. Да, когда-то этот экипаж был великолепен, на его пути встречались и радости, и печали, и настоящее счастье, но... поистине, ничто не вечно на земле, — и это тащившееся по проулку пугало, напоминавшее оскаленный лошадиный череп, ничего не сохранило от своего бывшего величия. Как раны на сбитой от непосильной поклажи лошадиной спине, зияли на подушках дыры, сквозь продранную обшивку торчали

пружины, конский волос, солома и свалявшаяся, грязная шерсть. Откидной верх коляски местами так высох и одубел от солнца и непогоды, что уже не складывался. Колеса, связанные проволокой, бечёвками и даже простыми прутьями, беспомощно болтались на осях, и коляска вихляла на ходу, как неуклюжий танцор.

Восседавший на шатких козлах возница был под стать своему экипажу. Одетый в старую, выгоревшую шинель, в нахлобученном картузе, он издали походил на огородное пугало, а вблизи — на сову, притулившуюся в укромном углу после ненастья. Щетинистая, с проседью борода, словно колючий сорняк, обрамляла изрытое оспой лицо. Глаза, спрятанные в густых, косматых бровях, беспокойно мигали и жадно впивались в каждый встречный предмет. Мясистый нос с синевато-бурым отливом говорил о склонности его обладателя к спиртным напиткам.

Жители деревень, расположенных в окрестностях Оболашени, начиная от станции железной дороги и вплоть до верхвисхевского сельсовета, то есть на расстоянии двадцати километров в окружности, с незапамятных времен называли описанную нами коляску «тарантасом Танталы», а восседавшего на высоких козлах возницу просто Танталой. Даже в списках оболашенского сельсовета кличка эта была приписана карандашом к той графе, где был поименован некий, рожденный в тысяча восемьсот семьдесят шестом году Захарий Глахоевич Тандилашвили.

И в самом деле: если бы Танталу спросили, кто такой Захарий Глахоевич, он, пожалуй, не сразу ответил бы на этот вопрос. Должно быть, ему пришлось бы на минутку задуматься, соображая, откуда тут взялся и кем был Глахо, и только тень родителя, возможно, напомнила бы ему о босоногом мальчишке, который с полвека тому назад так любил гонять по проселочным дорогам, что его и прозвали Танталой¹.

Многое изменилось с тех пор, как Тантала появился на свет. Жизнь швыряла его из стороны в сторону, не один шквал пронесся над его головой. Тантале не было еще девятнадцати лет, когда, благодаря своей сметке, он стал работать ямщиком Яраловского тракта на Кахетинской дороге. Но, как известно, вскоре через Алазанскую долину пролегла железнодорожная линия, и позвякивающие колокольцами дилижансы, запряженные шестерками лошадей, уступили место паровозу. Но Яралов был человек изворотливый. Он заменил дилижансы роскошными экипажами, приблизил к себе ловкача Танталу и доверил ему свое новое дело.

Вот у этого-то «блаженной памяти» хозяина, как величал его позднее Тантала, впервые познал он притягательную силу денег. Этим было решено все. Восседавая в шубе синего сукна со сборками на высоких козлах нарядного фаэтона, надменно глянул ямщик Тантала на согнувшегося дугой пахаря Глахо. Но Яралов умер. На политой потом пашне испустил дух Глахо. Жизнь, как бушующее море, вырвалась из берегов, пришла Советская власть, но никакая сила не могла убить или приглушить в Тантале жажду обогащения. Он по-прежнему ухитрялся возить пассажиров, переправлял багаж, как нищий, питался скудными отбросами жизни, и, чем больше изнашивался его знаменитый «тарантас», чем больше старел сам Тантала, тем черствее и жаднее становилось его изглоданное злобой сердце.

Когда перед ним закрылись все прямые пути наживы, он со своим фаэтоном и парой лошадей вступил в гужтранспортную артель, а та, в свою очередь, по особому договору, прикрепила его к научно-исследовательской опытной станции в Оболашени.

Для Танталы это было не так уж плохо. Он остался в родной деревне,

¹ Тантала — равнозначно русскому «шалтай-болтай».

у себя дома. Опытная станция пользовалась его фаэтоном очень редко, и Тантала, усердно развозя случайных пассажиров, получал солидные побочные доходы.

* * *

Дом Захария Тандилашвили стоял на краю села. Этот двухэтажный каменный дом с просторным балконом был построен на развалинах избышки Глахо. Высокая, возведенная с особенной тщательностью ограда защищала внутренность двора от нескромных взглядов соседей.

В первом этаже дома находились разные складские помещения и погреб, а во втором жил Тантала со своим семейством. В маленьком дворике помещались конюшня и навес для уже знакомого нам экипажа. Дважды в день открывались большие дубовые ворота — чуть свет, когда Тантала выезжал на работу, и поздно вечером, когда он возвращался домой. Для посторонних же все двери этого неприветливого жилья были обычно закрыты. Ничто не нарушало тишины дома. Спокойно ложились на землю тени ореховых деревьев, росших у изгороди приусадебного виноградника; они вытягивались, как шелковая нить, и так же тихо исчезали с заходом солнца. Да и некому было оживить двор. Не было у Танталы детей от первой жены, а вторая привела ему только падчерицу.

Против этой-то падчерицы и возмущалось сердце Танталы. В большом, зажиточном доме для бедной девочки не нашлось спокойного угла, ее попрекали каждым съеденным куском.

— Ну, жена — это еще куда ни шло, но хотел бы я знать, откуда взялась эта дармоедка! — бушевал по утрам Тантала, не стесняясь присутствия жены и падчерицы.

Каждый день Тантала поднимался затемно и, засветив фонарь, обходил весь дом. Как ищейка, шнырял он всюду: мерил зерно в амбаре — не убыло ли оно в отсутствие хозяина, пересчитывал хлеба — не съел ли кто лишнего, осматривал, спустившись в погреб, печати на глиняных чанах с вином, перекладывал на чердаке связки чеснока и лука, проверял в кладовой банки с маслом, в кукурузнике — запасы кукурузы и ячменя. Шнырял Тантала с этажа на этаж, спускался с чердака в погреб, из конюшни бежал в овин, жадно пересчитывая свои богатства, и плохо приходилось его домашним, если в хозяйстве обнаруживался какой-нибудь недочет. Стоило тронуть без разрешения хотя бы остатки вчерашнего ужина, как Тантала раздражался отчаянной бранью.

— Объели, весь дом разграбили! Помогите, люди добрые, посочувствуйте! — орал он тогда во все горло, чтобы побольней уязвить жену.

Несчастливая Саломэ готова была сгореть со стыда. Поспешно закрывала она окна и ставни, чтобы соседи не услышали яростных воплей Танталы, чтобы не поднялись толки и не пострадала честь ее дома. Саломэ была женщиной старых обычаев и если, оставшись вдовой без всяких средств, она все же решилась выйти второй раз замуж, то уж считала себя обязанной безропотно выносить все тяготы этого брака. Но жалость к единственной дочери терзала ее больше, чем все остальное. Не легко было воспитывать девочку на скудных кусках, зачерстневших от мужниных упреков, и порой, приходя в отчаяние, Саломэ проклинала выпавшую ей горькую долю.

А Тантала, зарывшись в своей норе, как крот, прикладывал зернышко к зернышку, приумножал неустанно свое добро. То купит борова, чтоб откормить его и продать на сало, то обменяет на нескольких баранов припрятанного в горах жеребенка; сбудет потом баранов по сходной

цене, и, довольный своими деловыми успехами, весело мурлыча, объезжает окрестные села.

Дорожил Тантала знакомством с влиятельными людьми — всей душой тянулся он к начальству, впивался во власть имущих, как клещ; но тех, от кого не приходилось ждать выгоды, он зря и не беспокоил, равнодушно обходил их, не считал нужным и поклониться. Даже воды не подал бы он бесполезному человеку. Людям же, скатившимся с командных высот, Тантала оказывал особенное внимание. Если какого-нибудь видного районного работника за провинность освобождали от занимаемой должности, Тантала тотчас же появлялся на улице пострадавшего, старался повидаться с ним лично и, когда удавалось встретить «героя дня» с глазу на глаз, оскалив зубы, с трудом сдерживая радость, выражал ему свое соболезнование:

— Так-то, брат, не унывай! Слышал пословицу: «Времена царят, а не цари»?.. Вот и я был когда-то компаньоном Яралова, а как все обернулось? В какую яму столкнула меня судьба?..

Тантала любил хорошо поесть. Выехав из дому, он часто заворачивал в столовую райторга отведать хаши и опрокинуть стопку-другую водки. А если ждал он выгоды и полагал, что это нужно для его дела, то и кутеж умел закатить на славу. Потом, вернувшись пьяным домой, распоясывался и начинал буяннить. Тут он давал себе полную волю: с яростью набрасывался на жену и беззащитную падчерицу, раздражался неистовой бранью, обвинял их во всех смертных грехах. Каких только оскорблений ни доводилось им сносить от этого изверга!

Дочь Саломэ — Теона кротостью походила на мать, и с таким же терпением изо дня в день переносила она обиды и притеснения. Глотая слезы, ходила Теона из комнаты в комнату, часами недвижно сидела в тени ореховых деревьев, устремив печальный взгляд на высокую каменную ограду, и делала все возможное, чтобы не попадаться на глаза брюзгливому, вечно раздраженному отчиму. Единственным утешением для Саломэ и Теоны было то, что они часто оставались вдвоем. В эти часы они наслаждались покоем, ободряя и поддерживая друг друга проявлениями нежности и любви.

Окончив с отличием среднюю школу, Теона решила было поступить в высшее учебное заведение. Но боязнь оставить мать одну в лапах Танталы, а с другой стороны — настойчивые возражения отчима заставили ее изменить это решение. Саломэ недоумевала. Она не ждала, что муж воспротивится. Казалось, Тантала должен был бы обрадоваться уходу нелюбимой падчерицы из дому, но все обернулось иначе, и бедная женщина не могла понять, что у него на уме. Зато сам Тантала прекрасно знал, чего он хочет и куда гнет.

Дело было в том, что к концу лета истекал срок договора артели с опытной станцией, и нашему изворотливому герою, пожалуй, удалось бы продлить не раз уже переписывавшиеся сроки договора, если бы не упорство вновь назначенного помощника директора — Автандила Ишхнели, который в самом же начале своей деятельности объявил войну и фаэтону и Тантале. Пусть это было мелочью на фоне большой работы, проводимой опытной станцией, но Ишхнели считал, что надо скорее избавиться от Танталы и его безобразной развалины. Кому же и для чего мог теперь здесь понадобиться допотопный фаэтон Танталы, да и сам его хозяин?

Директор не мог не согласиться с доводами Автандила, но человек он был мягкий, жалостливый и постарался все же оставить Танталу при опытной станции до истечения срока договора.

Тантала понимал, что благополучию его приходит конец, так как возвращение в артель лишало его всяких побочных доходов и было равно-

сильно смерти. Да и экипаж его вызывал теперь лишь снисходительную улыбку оболашенских колхозников. Что же оставалось делать бедняге, кто ему смог бы помочь справиться с постучавшейся в ворота бедой? Какую силу мог он противопоставить мощному натиску новой жизни? Ведь он был всего только жалкой щепкой от потерпевшего крушение корабля, сорняком, приютившимся в расщелине.

И вот как-то, совершенно случайно, до Танталы дошел слух о том, что дочь Саломэ — Теона приглянулась Автандилу Ишхнели. В другое время и при других обстоятельствах Тантала пропустил бы такой намек мимо ушей, но тут он с радостью ухватился за эту сплетню, и перед ним мелькнула искра надежды.

«Жених завидный, хорошая была бы подмога семье. Приручить бы его, женить на Теоне, авось бы и я на станции остался», — подумал Тантала и немедля приступил к делу.

Долго крутился непрощенный сват около молодого человека. Он разжалобил Автандила, причитая над мнимо бедственным положением своей семьи, и в заключение попросил подыскать для Теоны хоть какое-нибудь местечко на опытной станции. Заручившись, наконец, согласием Автандила, Тантала в тот же день вечером посадил Теону в коляску — при этом девушке было велено надеть новое платье — и отправился в путь, на Оболашенскую опытную станцию.

Облокотившись о поручни коляски, Теона рассеянно смотрела на дорогу. Нежное, еще почти детское ее лицо, миндалевидные карие глаза, слегка приоткрытые пухлые губы и вырисовывающийся в складках ситцевого платья девичий стан были живым воплощением очарования и истомы весеннего вечера. Образ девушки, полный грации и безыскусственной прелести, скрашивал убожество ветхого экипажа и мог даже воскресить в представлении его далекое прошлое. Но тем отвратительней выглядел сам Тантала, словно паук, тащивший куда-то эту захваченную им в плен олицетворенную весну...

Рабочий день уже подходил к концу, когда фаэтон Танталы, въехав в ворота опытной станции, предстал перед Автандилом Ишхнели. Молодой человек и не предполагал, что девушка, за которую так упорно ходатайствовал Тантала, и есть Теона, поразившая его как-то при встрече своей красотой.

Тантала осадил лошадей, поспешно сполз с козел и, подойдя к молодому человеку, со слащавой улыбкой проговорил:

— Вот, начальник, доставил вам девушку.

Автандилу очень не понравился тон, каким это было сказано. Мельком глянув на Теону, которая успела уже выйти из экипажа и, потупившись, стояла в сторонке, он холодно и сурово посмотрел на Танталу:

— Хорошо, подождите меня здесь, — и направился в кабинет директора.

Мы не знаем, что говорил молодой человек директору, как он охарактеризовал Теону в беседе с этим почтенным ученым, но вскоре она была зачислена младшей лаборанткой в лабораторию опытной станции.

Теона быстро освоилась с новым для нее делом. Добрая и обаятельная девушка сразу же привлекла к себе общее внимание, и вскоре все ее полюбили. Сама она внутренне изменилась во многом. Новый, совсем еще не изведанный мир открылся перед ней, жившей прежде, как узница, в угрюмом, отгороженном от всего мира, доме отчима.

С особенным вниманием относился к молодой лаборантке Автандил Ишхнели, хотя вначале ему казалось, что им руководит лишь дружеское сочувствие. Он случайно узнал, что по семейным причинам девушка не смогла поступить в вуз. Не вникая в подробности, Автандил решил по-

мочь ей и уговорил Теону послать документы в сельскохозяйственный институт. С этого, по существу, и началась их дружба.

Часто, устав от дел, Автандил заглядывал мимоходом в лабораторию. Молодой человек смутно сознавал, что мягкий голос Теоны, полный удивительной теплоты, ее добрая, сияющая улыбка наполняют его чувством радостного покоя и что глаза этой девушки — очень блестящие, карие, с еле заметной поволокой — имеют над ним какую-то непонятную власть.

Как-то раз, по настоятельной просьбе Танталы, Автандил с несколькими своими друзьями побывал у Теоны дома, познакомился с Саломэ и весь вечер дружески беседовал с ней.

В этом, как ему показалось, гостеприимном доме, к удивлению Автандила, явно не было недостатка ни в чем. То, что он там увидел, вовсе не вязалось с вечными сетованиями Танталы о горькой нужде, будто бы одолевшей его семью. Автандил призадумался, в нем шевельнулось неясное подозрение. Но вскоре мысли его направились в другую сторону. Приглядевшись к Теоне, он заметил в ней какую-то необычную скованность, его поразило пугливое и грустное выражение, появлявшееся порой на ее лице.

Многое повидавшая на своем веку Саломэ сразу же сумела распознать в душе Автандила то, о чем сам он, как ни странно, еще не догадывался. Но если относительно чувств Автандила можно было еще сомневаться, то насчет Теоны у Саломэ не было никаких сомнений. Правда, девушка ни единым словом не обмолвилась о своей сердечной тайне, замкнулась даже перед матерью, но Саломэ явственно слышала, как все трепещет в ней и поет...

Теона уходила на работу рано утром и весело перебегала по полю от цветка к цветку, от ириса к краснокрылому маку, от стыдливого ландыша к гордой лилии. Войдя во двор опытной станции, Теона тайком искала глазами Автандила. Ей казалось, что она уже не может обходиться без него. Но чем сильнее овладевало девушкой это чувство, чем глубже оно становилось, тем старательнее скрывала она свои мечты и заветные желания. Автандил же, видя, как Теона во всем подчиняется его воле, склонен был думать, что она просто покорна по характеру.

Так проходил день за днем. Окружающие не замечали или делали вид, что не замечают ничего необычного в отношениях Теоны и Автандила. Только Тантала, чувствуя, что дело затягивается, беспокойно ерзал на своих козлах.

Лето кончалось, срок договора должен был скоро истечь. Автандил пока что молчал — казалось, он примирился с присутствием старого фаэтона и его хозяина на опытной станции. Но Тантала хорошо понимал, что если он не заманит молодого человека в ловушку, то очень скоро его безмятежной жизни придет конец.

Однажды Тантала краем уха услышал, что помощник директора — страстный рыболов. Дождавшись удобного случая, он предложил Автандилу свой экипаж и свои услуги. Тот охотно принял предложение Танталы, так как добраться к реке на машине было почти невозможно, и они тут же условились поехать на рыбную ловлю в ближайшее воскресенье...

★ ★ ★

Около трех часов ночи фаэтон Танталы подкатил к дому Автандила Ишхнели. Автандил не заставил долго себя ждать: спустя две-три минуты он вышел, обутый в высокие резиновые сапоги, неся все необходимое рыболовное снаряжение.

Стояла тихая лунная ночь.

Автандил подошел к коляске, собрался было разместить в ней свою поклажу и, удивленный, застыл в недоумении: в углу экипажа сидела Теона.

— Теона, ты?! — воскликнул молодой человек. — Ты... тоже на рыбную ловлю?

Теона, растерянная и изумленная не меньше, чем он, ничего не ответила, она только еще больше съежилась и прижалась к спинке сиденья.

— Пусть едет, ничего, — ответил за нее Танта́ла. — Постряпает там для нас, да и за лошадьми присмотрит.

Вскоре рыболовы миновали деревню, пересекли шоссе и спустились к роще. Словно сумрачные шатры, возвышались стога соломы на убранных комбайном полях. Отдаленный гул тракторов лишь подчеркивал величавую тишину лунной летней ночи. Далеко на горизонте холодным блеском сияли вершины Кавказского хребта; казалось, они касаются своими ледовыми панцырями мерцающих звезд. Внизу, по окраине рощи, вилась серебристая лента реки.

Автандил молчал, устремив глаза на дорогу, стараясь не глядеть в сторону Теоны. А та не знала, куда деваться от смущения. Хмурые и словно чем-то расстроенные, они не решались прервать неловкое молчание.

Автандил считал неуместным участие девушки в этой поездке. Теона же не могла понять, что замыслил Танта́ла. Вчера он лишь коротко предупредил:

— Под утро Теона поедет со мной на мельницу, надо присмотреть за помолом.

Но поехал он не на мельницу, а прямо к Ишхнели и потащил ошеломленную Теону вместе с Автандилом на рыбную ловлю.

Была минута, когда Теона хотела выскочить из коляски и вернуться домой, но страх перед отчимом, сковывавший ее с детских лет, и та непонятная сила, которая управляла ею последнее время, приковали девушку к месту и помешали ей выполнить это намерение.

Коляска, объезжая заболоченные участки, медленно приближалась к реке. На востоке появилась едва различимая светлая полоска. Побледневшая луна, устав гнаться за экипажем, скатывалась к гребню невысокой горы.

— Рыбу ловить хорошо под утро, — начал вдруг Танта́ла, злобно покосившись на безмолвную пару и решив прервать, наконец, тягостное молчание. Однако говорил он спокойно, как бы размышляя вслух: — Утром, пока вода холодная, рыба куда резвее... Да только нынче ни к чему не подступишься. Лосося запрещено ловить и осетра тоже, а усач и сом — кому они нужны?.. — Танта́ла тяжело вздохнул, стегнул лошадей и тем же бесстрастным голосом продолжал: — Дивлюсь я, право! И кому это вздумалось запрет наложить на божью тварь? Ведь рыба-то для нашего блага создана...

Но разговор не завязывался. Молодые люди молчали.

Рассвело. Экипаж подъехал к отлогому берегу реки и остановился. Мужчины, разбив палатку под развесистой ивой, приступили к ловле. Теона разожгла костер, повесила над ним котелок с водой для варки рыбы и, присев на берегу, задумалась.

Вскоре Автандил вышел на берег и, подойдя к девушке, поставил перед ней садок, наполненный рыбой, беспомощно барахтавшейся и бившей хвостами. Алмазная чешуя сверкала и переливалась в лучах восходящего солнца.

Теона тревожно взглянула Автандилу в лицо.

Они были одни — Танта́ла скрылся где-то в прибрежных зарослях. Автандил с восхищением смотрел на Теону, а ей казалось, что все во-

круг поет — и плавно текущая река, и это бездонное, ясное небо, и громады гор, и даже порхающий поблизости мотылек.

— Садись, Теона, садись, отдохни, — ласково сказал взволнованной девушке Автандил. Теона подошла к нему и, поглядев вокруг изумленными, сияющими глазами, воскликнула:

— Было ли еще когда-нибудь такое чудесное утро, Автандил?

Молодой человек ничего не ответил. Он вдруг всем своим существом ощутил исходившее от нее тепло и невольно обнял ее. В эту самую минуту вынырнул из кустов Тантала. Он двигался медленно, увязая в топкой грязи; в глубине его хитро сощуренных глаз таилась усмешка.

Солнце стояло уже высоко, когда рыболовы сели завтракать. Тантала неторопливо вытащил из-под козел бурдюк и первый стакан налил себе.

— Что ж, детушки, чего не бывает на белом свете, — начал он. — На все есть, значит, закон природы... Не унывайте и не робейте... Ну, слава богу! Значит, скоро можно будет свадьбу сыграть, и уж зять, я думаю, не станет придирааться к моей коляске. Ну, как, зятек, пригожую ты выловил рыбку? — торжественно захихикал Тантала и опрокинул стакан.

Этот гнусный смешок сразу отрезвил Автандила. Кровь бросилась ему в лицо. Он вскочил с места и с омерзением взглянул на ухмылявшегося Танталу: «Так вот, значит, куда гнул этот старый плут!»

Автандил перевел взгляд на Теону. Вопросительно и сожалеюще смотрел он на побледневшую девушку, подозрения роем закружились в его голове. Непринужденное поведение Теоны и радушие Саломэ показались ему не менее подозрительными, чем участие девушки в поездке. Автандилу почудилось, что смрадное танталово болото уже начинает засасывать все, чем он богат, — его мечты и надежды, его человеческое достоинство. Подавшись вперед, он глухо сказал:

— Ловушку устроили?

И, круто повернувшись, пошел прочь.

★ ★ ★

В понедельник погода выдалась облачная. Августовское солнце с утра пряталось за облаками, но несмотря на это было нестерпимо жарко и душно. Над иссушенной зноем землей стелилось зыбкое марево.

Из кабинета директора доносился прерывистый стук пишущей машинки. У открытого окна сидел Автандил и что-то диктовал машинистке. Время от времени он тоскливо посматривал на затянутое белесой дымкой небо.

— ...Ввиду вышеизложенного... — тут Автандил оторвал взгляд от неба и посмотрел на машинистку. — Ввиду вышеизложенного... — повторил он и спокойно закончил: — заключение нового договора не считаем целесообразным. Точка.

Дверь кабинета внезапно открылась. Автандил поднял голову и, удивленный, застыл на месте. На пороге стояла Теона. Стояла, строго сдвинув брови, суровая и гордая. Детская наивность, еще вчера освещавшая ее лицо, бесследно исчезла. Робость сменилась выражением неприступности. Только необычная бледность говорила о пережитом ею волнении. В глазах Теоны вместо девической восторженности светилась решимость и воля.

Она уверенным шагом подошла к Автандилу, не глядя, вручила ему бумагу, и, не проронив больше ни слова, с тем же спокойным и уверенным видом вышла.

Автандил проводил девушку вопросительным взглядом и, когда она скрылась за дверью, стал читать оставленную ею бумагу. Это было за-

явление. Младшая лаборантка опытной станции просила освободить ее от занимаемой должности.

Автандил вскочил и выбежал из кабинета, но улица была пуста.

Светлое платье Теоны мелькало на проторенной среди кустов тропинке.

Автандил побежал девушке наперерез, пробираясь между кустами.

— Теона! — с упреком в голосе проговорил он, преградив ей дорогу.

Девушка посмотрела на него равнодушным взглядом.

— Что это? — спросил Автандил, показывая бумагу.

— Заявление, товарищ Ишхнели, — безучастно сказала она.

— Но ведь это же... Я даже не знаю, как назвать! — волнуясь, проговорил Автандил.

— Я не могу больше оставаться здесь. А вы... что ж, поступайте, как вам угодно... И не попадайтесь в расставленные для вас ловушки...

— Теона, вы должны простить меня! Я сказал тогда глупость...

— Нет, Автандил, вы не виноваты. Напротив, я благодарна вам, так благодарна!.. Я кое-что поняла... А сегодня у меня радость: я получила вызов в институт. Ведь и этим я обязана вам!

— Невелика заслуга. Тут вы обошлись бы и без меня, — сухо сказал Автандил.

Они шли молча, углубившись каждый в свои мысли.

Теона ни словом не обмолвилась о том, что происходило вчера у них дома; она не рассказала Автандилу, как буйствовал отчим, как, обманувшись в своих надеждах, он хотел выгнать ее на улицу, какие издевательства претерпела беззащитная Саломэ.

Так, продолжая молчать, они вышли на шоссе.

Саломэ ждала дочь у остановки автобуса. Теона попрощалась с матерью, взяла у нее из рук чемоданчик и направилась к подошедшей машине. У дверей автобуса она остановилась, взглянула на Автандила и спокойно протянула ему руку.

— Прощайте, Автандил!

— До свидания, Теона! — заметно волнуясь, ответил он.

Автобус медленно тронулся.

Постояв минуту, Автандил подошел к Саломэ.

— И как все это нескладно вышло... Вы понимаете? — растерянно проговорил он, не то извиняясь, не то ища утешения в глазах этой ласковой женщины.

— Да... Но не унывайте, все еще впереди! — обнадеживающе ответила она и дружески улыбнулась Автандилу.

Попрощавшись, Ишхнели той же тропинкой пошел обратно. Взойдя на пригорок, он оглянулся: петляя по шоссе, машина заворачивала за горный склон и, как показалось Автандилу, из открытого окна автобуса кто-то махал ему платком. Он узнал косынку Теоны.

Автобус скрылся.

Автандил всмотрелся в даль. Внизу, по теряющейся в бесконечных извилах пыльной дороге медленно, теперь уже никуда не торопясь, полз неуклюжий, словно придавленный к земле, допотопный тарантас, и на его козлах смутной тенью отжившего прошлого покачивалась согбенная фигура Танталы.

Товарищ Ной

Повесть о бесстрашном революционере

1.

Двадцатого мая¹ 1917 года, как и каждое двадцатое число, во Владикавказе выдавали денежное содержание господам офицерам Терского казачьего войска и казенное жалованье господам чиновникам. Сразу наступил конец тревожным слухам и кривотолкам. Теперь местная власть могла рассчитывать на доверие пестрого и весьма своеобразного владикавказского общества.

Приятный зеленый городок с «домами для проезжающих господ», в которых нередко останавливались выдающиеся люди России и Грузии, был не только местом, где охотно селились, доживали век отставные военные, ушедшие на покой администраторы, крупные чиновники. Он был еще и важным административным и военным центром — резиденцией генерал-губернатора и наказного атамана.

Сейчас, после падения дома Романовых, чья-то властная рука стягивала во Владикавказ казачьи, артиллерийские и пехотные полки, а наиболее многочисленным из всех недавно появившихся в городе профессиональных союзов был союз «домашней и ресторанной прислуги». Самым же незаметным, насчитывавшим два-три десятка человек, — союз металлистов.

С утра на улицах гремели военные оркестры, гарцевали всадники. Среди пышной зелени бульваров мелькали темные черкески, сияли серебром газыри, отливали золотом погоны. В универсальном магазине Каракозова дамы из местного «света» неторопливо делали покупки к балу,

¹ Даты до марта 1918 года даются по старому стилю. (Прим. автора).

«имеющему быть» у нового наказного атамана Терской области, члена Государственной думы, комиссара Временного правительства Караулова. В театре «Мозаика» — нравоучительное представление «Радий в чужой постели» (только для взрослых). В кинематографе братьев Риччи — «Последняя песня любви и страдания». В купеческом клубе — открытый диспут «Революция и ломбард».

«Независимый» казак Вертепов утверждал на диспуте, что Владикавказский совет, сразу после своего возникновения прибравший к рукам ломбард, занимается ростовщичеством. «Тридцать две копейки с рубля — это же чистый грабёж!» А председатель совета эсер Гамалея — всегда в черной визитке и в черных перчатках — темпераментно возражал: «Повышение процентов в ломбарде — благородная жертва обывателя на алтарь отечества. Все доходы на «заем свободы»!

В купеческий клуб направился было и сотрудник газеты «Терек» Сергей Киров.

Но на углу Московской улицы и центрального, Александровского проспекта Кирова встретил молодой рабочий Вазген Будагов. Обрадовался, выпалил:

— А я за вами! Полякова велела бегом бежать. Вот записка.

На листке бумаги карандашом было написано: «К нам залетела удивительная птица. Приходите сейчас же. Е. П.»

Без особой нужды Полякова звать не станет — в этом Киров был уверен. Что ж, придется вместо купеческого клуба спешить в «Объединенный комитет» социал-демократической организации. Большевиков во Владикавказе тогда было очень мало, лишь немногие к тому времени вернулись из ссылки и с каторги. А положение на Тереке сразу создалось трудное. Сложнейшим образом переплелись классовые и национальные противоречия среди казаков и горских народов. И, чтобы выиграть время, чтобы постепенно сплотить, повернуть на сторону революции многонациональные, искусственно разделенные на десятки остро враждующих лагерей трудовые массы, Киров пошел на создание объединенной социал-демократической организации.

Сергей Миронович подхватил Вазгена под руку.

— Пойдем, показывай, что за жар-птица такая.

... А в комитете случилось вот что.

С наступлением сумерек большевики по одному, по двое приходили сюда дежурить. Сегодня была очередь Евдокии Поляковой. И едва она открыла двери, зажгла лампу в угловой комнате, как вошел господин в низко надвинутой серой шляпе, в светло-сером костюме, в крахмальной сорочке с галстуком-бабочкой и с тростью в правой руке.

Полякова, привыкшая видеть в этом скромном помещении рабочие куртки, засаленные пиджаки и — особенно часто — серые шинели солдат, нахмурилась. Ясно, аристократ ошибся адресом. Она строго спросила:

— Вам кого угодно?

В это время хлопнула дверь, и в комнату зашел Будагов.

Незнакомец, спокойно улыбаясь во все лицо, вскинул кверху свою черную бороду:

— Вас, друзья, вас мне нужно!

Горячий, откровенный в своих чувствах Будагов сразу отрубил:

— Давно вы, барин, с рабочими дружите?

Полякова потребовала, чтобы господин объяснил, кто он такой.

— С радостью это сделаю, — с еще большей теплотой в голосе ответил посетитель. Он снял шляпу и вместе с пальто и тростью положил на свободную табуретку. Из внутреннего кармана пиджака достал бумажник с

монограммой. Бережно извлек оттуда и протянул небольшую книжечку в картонной обложке. Полякова раскрыла, прочла: «Петроградская организация Российской социал-демократической рабочей партии (большевиков). Партийный билет... Буачидзе Ной (Самуил) Григорьевич. Год рождения 1882. Время вступления в партию — 1902 год».

Она попросила Буачидзе присесть и минутку подождать. Торопливо написала несколько слов Кирову и, ничего не объясняя, увлекла растерянного Будагова в коридор. Шепнула: «Беги за Кировым. В редакции не будет — ищи!»

В тот майский вечер Вазгену Будагову пришлось разыскать и привести в комитет еще нескольких товарищей. Киров срочно собирал большевиков. Оказалось, что у Буачидзе есть не только полный текст «Апрельских тезисов», но еще и совсем неизвестные во Владикавказе ленинские «Письма из далека». Одно из них, озаглавленное «Первый этап первой революции», дошло из Берна в Петроград и было опубликовано в «Правде». Остальные в печати еще не появлялись. У Ноя — копия с рукописи Ленина.

«Таких собраний во Владикавказе еще никогда не было, — внесла в протокол аккуратная Полякова. — Впервые перед нами выступил человек, приехавший из Петрограда, от Ленина... Буачидзе поставил все точки над *i*. Свои доводы в пользу диктатуры пролетариата он подкрепил лично слышанными речами Ленина, его письмами и тезисами. Потом говорил Киров, совсем недолго. Он рассказал, что значит для России такая житница, как Северный Кавказ, подчеркнул, что это отлично понимают заправилы контрреволюции. За сто лет национальной розни накопилось много взаимных обид, это является отличной почвой для контрреволюционного казачьего офицерства и националистических проходимцев, для всякой нечисти, всплывшей сейчас на поверхность. Назревает братоубийственная война между казаками и горцами, между ингушами и осетинами. Предотвратить её — самое главное для большевиков».

...Киров и Буачидзе все никак не могли расстаться. Незаметно для Ноя оказались у дверей редакции «Терека». Сергей Миронович сказал:

— Я вам, Ной, этой ночью спать не дам. Сейчас попрошу сторожа, он отомкнет дверь, самоварчик сообразит. У меня к вам тысяча вопросов! Знаете ли вы, что судьба давно соединила наши с вами дороги? После того как вы в 1906 году уехали из Владикавказа и подпольная организация была разгромлена, на Терек прислали меня. Память о себе вы оставили добрую! В одном только я, грешный человек, сомневался: как вы смогли зимой прийти во Владикавказ через Мамисонский перевал? Непостижимо!

Буачидзе расхохотался:

— Что, слишком немощен?

Киров нетерпеливо повторил:

— Скажите же, вы на самом деле взяли в январе перевал?

— Вот зайдем к вам — и я расскажу.

2.

— Выбор тогда у меня был небольшой, — начал Буачидзе. — Или Мамисонский перевал, или военный суд. В приговоре сомневаться не приходилось — смертная казнь!

Оба вспомнили: революция 1905 года была подавлена, и над огромной территорией Российской империи воцарилась черная ночь реакции.

И уже не было никакого смысла боевой дружине Буачидзе удерживать Сурамский туннель, по которому проходила железнодорожная линия из Восточной Грузии в Западную, и две-три ближайших станции в ущелье. Имеретинско-Мингрельский комитет Российской социал-демократической ра-

бочей партии приказал спрятать оружие до благоприятного времени, а лю-
дам направиться в безопасные места.

Ной в последний раз обходил своих боевых друзей — с детства зна-
комых имеретинских крестьян, рабочих-железнодорожников, добытчиков
марганцевой руды из Чиатура, нескольких матросов — участников вос-
стания на Черноморском флоте.

Русские военные моряки приехали из Батума, чтобы выразить свои
симпатии, потом захотели принять участие в борьбе и остались. И теперь
Буачидзе должен был, глядя друзьям в глаза, произнести всегда напол-
ненное горечью слово «прощайте».

Ной вспоминал события, предшествовавшие вынужденному роспуску
боевой дружины. Ему уже казалось, что не двенадцать лет назад, а сейчас,
в эту минуту, он окидывает взором огромную толпу, собравшуюся у ручья
в Белогорах¹. Он больше не закрывал лица башлыком, не надевал парика,
хотя и сегодня полицейские присутствовали на митинге. Гордо поднялся
на груды камней, заменявшую трибуну. Звонким молодым голосом (тогда
Ноем пошел только двадцать третий год) заговорил:

— Не верьте царю! Сегодня он напуган, выпустил манифест, обещает
свободу, завтра соберется с силами и будет свирепствовать еще хуже...
Долой самодержавие, да здравствует демократическая республика! Всту-
пайте в красные сотни, берите в руки оружие!

Оружия у Буачидзе еще не было. Оружие для дружины предстояло
добыть. Представился и подходящий случай.

В горах — страшный ливень. Бешеные потоки воды яростно волочат,
швыряют вниз огромные камни. Кажется, все живое забилося под крышу.
Но нет — по малоизвестным тропам, напрямик через высокие горы, про-
бираются из Белогор. в Боржом несколько человек, только что присяг-
нувших на верность будущей народной власти. На всех — одна берданка,
отнятая у лесничего в Парцхнали, родном селении Буачидзе...

А утром на курорте Боржом — сенсация, веселый гомон в духанах и
на базарах, смятение в полицейском управлении. Шутка сказать: кто-то
связал охрану в имени брата царя — Михаила и забрал все оружие! Все,
до последнего патрона, вплоть до кинжала самого великого князя.

На той же неделе — нападение на полицейское управление Шорапан-
ского уезда. Еще сотня винтовок и револьверов досталась революционе-
рам. А ручные гранаты, легкие бомбы, заказанные еще ранней осенью
1905 года мастерам Аллавердского медеплавильного завода, доставлял
на служебной дрезине двоюродный брат Ноя — Ражден, дорожный ма-
стер.

События развивались стремительно, как обвал в горах. Население уже
бойкотировало царскую администрацию, выгоняло чиновников. Крестья-
не отказывались платить налоги, отнимали у помещиков землю.

Среди дня в квирильское казначейство вошли не то четыре, не то
пять дружинников. Именем восставшего народа они объявили, что день-
ги, несправедливо отнятые под видом царских налогов, сборов, бесконеч-
ных штрафов, сейчас, по приказу Квирильско-Белогорского штаба боевых
дружин, пойдут на нужды революции. Двести одну тысячу рублей акку-
ратно уложили в казенные кожаные мешки, запечатали и унесли.

Весть о вывозе денег из казначейства мгновенно разнеслась по всей
округе. А много позднее Ной с радостью узнал, что Ленин в статье «Зада-
чи отрядов революционной армии» писал: *«Убийство шпионов, полицей-
ских, жандармов, взрывы полицейских участков, освобождение арестован-
ных, отнятие правительственных денежных средств для обращения их на*

¹ Белогоры — сейчас станция Харагоули. (Прим. автора).

нужды восстания, — такие операции уже ведутся везде, где разгорается восстание, и в Польше и на Кавказе, и каждый отряд революционной армии должен быть немедленно готов к таким операциям».

Настал день, когда и винтовки и гранаты понадобились. Тридцатого декабря боевая дружина Ноя атаковала одиннадцатую роту Тенгинского пехотного полка. Солдат было намного больше дружинников, они были лучше вооружены и обучены.

Но Буачидзе не дал противнику воспользоваться этим преимуществом. По обе стороны от железнодорожного полотна, у моста, через который обязательно должны были пройти вагонетки с солдатами, люди Ноя свалили обломки взорванной скалы и укрылись за ними. Первыми выстрелами был убит начальник сводного отряда капитан Давыдов. После короткой стычки большинство солдат и офицеров предпочло сдаться в плен. Их снова, уже без оружия, посадили в вагонетки и отправили в Чиатура, под присмотр горняков.

— А одного поручика я отпустил, Сергей Миронович, — хитро улыбнулся Буачидзе. — По фамилии Ренненкампф...

Киров сказал:

— Звучная фамилия! Но она мне ничего не говорит.

Ной так объяснил свой поступок. Однажды Белогорскую министерскую двухклассную школу посетил попечитель Кавказского учебного округа граф Карл Эрнестович Ренненкампф. Учеников выстроили в зале. Среди них был и Самуил Буачидзе (Ной — это революционная кличка, ставшая его вторым именем).

Попечитель расправил роскошную, расчесанную на две стороны бороду, высвободил из-под нее звезду и ордена, выставил вперед живот и приступил к речи. Долго и нудно цедил он сквозь зубы обычные нравоучения. Потом вдруг возвысил голос: дети дворян обучаются не зря — со временем они сделаются полезными членами общества. Но мужики, их дети лишены всякого благородства, они грубы и невежественны. Сколько их ни учи, они никогда не смогут проявить какие-либо светлые чувства, всегда останутся жестокими и тупыми тварями.

Не владея собой, Буачидзе выскочил вперед и крикнул:

— Ложь, ложь!..

Торжества были безнадежно испорчены. Попечитель немедленно собрался обратно в Тифлис. Перед отходом поезда он строго приказал обязательно исключить Буачидзе из школы.

— Это черт знает что... Чтобы сын последнего мужика бросал в лицо дворянину, слуге царя, гнусное оскорбление?!..

Кто-то из провожающих елевым голосом произнес:

— Ваше сиятельство, яблоко от яблони не далеко падает. Отец этого безнравственного мальчишки заключен в тюрьму. Он позволил себе рубить дрова в казенном лесу и не только не повинился, а еще дерзко заявил, будто лес всегда принадлежал крестьянам.

— Исключить, обязательно исключить, — снова подтвердил попечитель.

Тем временем ученики заперлись в школе. Рослый, красивый мальчик—Серго Орджоникидзе (при крещении ему дали в честь деда имя Григорий, но родители и близкие с детства ласково звали его Серго) кричал:

— Они не имеют права исключать Буачидзе! Пусть его вернут, или мы все уйдем...

В гневе Серго подбежал к окну, с силой ударил по стеклу локтем. Дружно били стекла, ломали парты, столы, стулья. На пол полетели географические карты, глобусы, кто-то сорвал со стены и портрет царя.

Директор прислал для переговоров священника, преподавателя закона божьего. Ему не открыли дверей. «Пусть придет Симон Георгиевич, его пустим», — слышалось из классной комнаты.

Недавно переведенный в белогорскую школу однофамилец и дальний родственник Серго — Симон Георгиевич Орджоникидзе сразу завоевал любовь мальчиков. Его уважали крестьяне и сторонились «коллеги». Попечитель и сегодня строго предупредил директора: «Внимательно следите, не осмелится ли Орджоникидзе снова, как это он позволил себе в Хоби, тайно преподавать грузинский язык, читать школьникам грузинские книги, нарушать запрет самого монарха...».

Ной так и не узнал, каким образом Симону Георгиевичу удалось выполнить свое обещание ученикам — оставить Буачидзе в школе. С того дня Ной и Серго еще больше сблизились. Дружба мальчиков началась несколькими месяцами раньше. Оба признались, что любят читать. Серго предложил меняться интересными книгами, а еще лучше — читать вместе. Вскоре Ной принес книгу о Прометее, потом стихи Некрасова, «Историю одного города» и «Господ Головлевых» Щедрина. Серго впоследствии не раз вспоминал, что от Ноя Буачидзе он впервые услышал имена Чернышевского, Добролюбова, Герцена.

Ной окончил школу на год раньше Серго, уехал в Кутаис и поступил там в сельскохозяйственное училище. Часто писал, советовал Серго, что читать, прислал ему в подарок «Утопию» Томаса Мора, книгу Чарльза Дарвина о кругосветном путешествии на корабле «Бигль». Одно письмо было посвящено пьесе Гуцкова «Уриэль Акоста». Ной описывал Серго, как молодежь Кутаиса выступила против полицмейстера Тер-Акопова, запретившего ставить эту популярную в ту пору пьесу.

В следующем году на пасхальные каникулы друзья встретились. Ной приехал из Кутаиса, Серго — из Тифлиса, где он начал учиться в фельдшерской школе при Михайловской больнице. На поляне, в глубине ущелья, Буачидзе впервые признался, что один из преподавателей сельскохозяйственного училища — это был Миха Цхакая — помог ему вступить в социал-демократический кружок. «После столкновения с Ренненкампом, — объяснил Ной, — я понял, что должны существовать люди, ведущие борьбу с самодержавием, надо их искать и найти. Читать запрещенные книги, втайне учить грузинский язык и литературу — этого еще слишком мало».

Беседа друзей закончилась тем, что Серго получил от Ноя отпечатанную на гектографе работу Ленина «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?».

Последняя встреча их произошла снова в Белогорах, незадолго до того, как боевая дружина Буачидзе захватила Сурамский туннель. Имеретинско-Мингрельский комитет известил Ноя, что к нему в уезд из Тифлиса едет опытный пропагандист, гроза меньшевиков. Вскоре Ной обнимал своего самого близкого друга — Серго...

— И как же я радовался, Сергей Миронович, когда услышал в Швейцарии, что Ленин знает и высоко ценит Серго, — сказал Ной. — Я испытывал такое чувство, как будто Владимир Ильич похвалил моего младшего брата... Но как же нескладно я вам рассказываю.

— Ничего, я попрошу сторожа вскипятить еще один самовар, — улыбнулся Киров.

Итак, из документов захваченного в плен поручика Буачидзе узнал, что это младший брат попечителя Кавказского учебного округа графа Ренненкампа. Граф приказал исключить его, Ноя, из школы, а он может, и это будет вполне законно, расстрелять его брата.

Буачидзе позвал поручика и объявил: «Ступайте к своему брату. Передайте ему, что сын мужика Григория Буачидзе снова называет графа Карла Эрнестовича Ренненкампа лжецом. Каждый раз, когда он будет вас видеть, пусть снова и снова вспоминает, как он лгал школьникам, будто дети крестьян не способны проявить какие-либо светлые чувства, бессердечны».

Поручика отпустили, и очень скоро он вновь показал себя, напомнил о «высоком благородстве» графов Ренненкампов.

У самого входа в Сурамский туннель дружинники дали бой еще одной роте Тенгинского полка. Солдат поддерживали казаки, присланные командующим Кавказским военным округом после телеграфного донесения Ренненкампа-младшего. Пришлось казаков загнать в узкую расселину между скалами. Там они и попросили пощады...

Овладев туннелем, дружинники столкнули в нем два паровоза. Больше ни один поезд из Тифлиса не мог прийти ни в Кутаис, ни в Батум, ни в Поти. Только было уже слишком поздно. Квирильско-Белогорская республика, одинокая, крохотная точка на карте Российской империи, тогда — в последние дни декабря 1905 года — неизбежно должна была исчезнуть. Первая русская революция уже была разгромлена. Буачидзе мог позаботиться лишь о том, чтобы ни одна винтовка, ни один револьвер не достались карателям. В горах нашлись надежные тайники. И чуть приметные тропы вели на запад и север. Только бы заранее знать, за какой скалой притаилась полицейская засада, за каким поворотом ждут казаки?

Буачидзе шел вдвоем с Нико Кикнадзе, земляком и школьным товарищем. Семьи их занимали далеко не одинаковое положение. Отец Ной — крестьянин, обремененный большой семьей (восемь сыновей и две дочери), Кикнадзе — наследник богатых дворян-землевладельцев.

Рискнули спуститься в долину. У самого Кутаиса, откуда-то из духана вышел жандарм, окликнул их. Встреча могла закончиться по-всякому. Хорошо, что как раз в ту минуту к духану на собственном выезде подкатил старик-доктор, знакомый Кикнадзе. Полиция иногда приглашала его на вскрытия, прибегала к его услугам для освидетельствования бродяг, и врач пользовался репутацией благонадежного человека.

Жандарма снова отправили в духан промочить горло. Словоохотливый доктор поделился последними новостями: губернский следователь по особо важным делам Сенкевич надеется сделать большую карьеру: предстоит грандиозный процесс в особом присутствии военного суда. Провозглашение мятежной Квирильско-Белогорской республики, вооруженное нападение и убийство чинов армии и полиции, захват туннеля и прочее и прочее. По каждой статье — смертная казнь!

Ной не стерпел, деликатно поинтересовался, многих ли уже арестовали. Оказалось, что Сенкевич покуда недоволен. Главари куда-то исчезли. Из Тифлиса затребовали опытных филеров; поговаривают, будто прибыл знаменитый сыщик Фукс.

Доктор покатил на фаэтоне дальше. Отошли от духана и Ной с Нико. Внезапно Буачидзе остановился, попросил друга повернуться лицом к белевшей на горизонте громаде Кавказского хребта. Показал: вон она, наша дорога.

Кикнадзе не согласился: «Пропадем там, замерзнем или сорвемся в пропасть с обледенелой тропы — зима, метели, в двух шагах ничего не видно».

Ной потребовал: «Идем! По крайней мере лишим следователя удовольствия сделать себе карьеру».

По ущельям добрались до Верхней Рачи. Ной заметно повеселел,

пообещал товарищу роскошный ужин, если они прибавят шагу и до темноты успеют в село Никорцминда. Оказывается, в 1902 году Буачидзе после окончания краткосрочных курсов по подготовке сельских народных учителей работал в Никорцминда. Как раз там он организовал первый в Рачинском уезде социал-демократический кружок.

Надежды Ноя оправдались. У крестьян удалось достать продукты и теплую одежду. Нашелся и проводник. Правда, он не ручался за успех: зимой никто еще не ходил за перевал... Перед зарей покинули гостеприимное село. Снова — сумрачные ущелья Риони и его всегда беспокойного притока Чанчахи. Над головой нависли тяжелые, серо-черные облака. Повалил снег. Где-то в стороне, за дубовыми и буковыми лесами осталось Шови. До Мамисонского перевала двадцать пять километров, все вверх и вверх по водораздельному хребту. Быстро стемнело. Завернулись в бурки, легли, прижавшись друг к другу.

Проводник рассказывал: летом здесь очень красиво. Все, какие только существуют на свете цветы и травы, природа щедро разбрасывает по альпийским лугам. Даже утренний туман, пронизанный косыми солнечными лучами, приобретает розовато-красный оттенок. Высокие травы, колеблемые ветром, напоминают море, подернутое зыбью, только несравненно ярче их краски...

Утром, как и накануне, вокруг царило сплошное белое безмолвие. Побрели цепочкой. Снег по колени, снег со вмерзшими кусками льда по пояс, завалы... Вторая ночь застала их все еще по эту сторону перевала.

Снова день, снова снег над головой, снег и лед под ногами, тысячи острых гвоздиков-льдинок вонзаются в лицо. И неожиданная радость — ветер донес лай собак. Первый осетинский аул — Калаки, в десяти километрах от Мамисона.

3.

— А о ваших владикавказских занятиях я кое-что знаю, — объявил Киров. — Мне рассказывал хозяин дома, где мы с вами сейчас беседуем, владелец газеты «Терек», господин Казаров.

— Казарашвили, — поправил Ной.

— Он долго тревожился, не появится ли у вас желание снова печатать в его типографии прокламации.

Зеленоватые глаза Буачидзе весело прищурились. Он с трудом сдерживал улыбку:

— Хочет продолжить так хорошо начатое знакомство?

Киров положил руку на плечо Буачидзе:

— Смелый вы человек!

— И вовсе нет! — покачал головой Ной. — Просто — так сложились обстоятельства...

У владикавказских большевиков была своя небольшая подпольная типография. Ее создал Ной в начале 1906 года. Печатник Василий Кудрявцев, Кикнадзе и Буачидзе часто переносили все хозяйство типографии с места на место. В последний раз они устроились в первом переулке от Александровского проспекта, если ехать к вокзалу. Полиция все-таки выследила типографию. Кое-как полуодетые подпольщики выбрались через соседний подвал — там было устроено что-то вроде подземного хода.

Снова стали добывать шрифты, искали печатную машину, такую, чтобы работала без шума. Сегодня — не удалось, завтра — не вышло, а прокламации нужны позарез. В Besлане как раз намечалась забастовка паровозных машинистов и рабочих депо. Кроме того, из Петрограда доставили

текст «Манифеста ко всем русским крестьянам». Надо было размножить и разослать его по области.

Буачидзе нервничал. Он, постоянно доказывавший подпольщикам, что безвыходного положения не бывает, что это отговорка людей, собравшихся на покой, теперь сам не находил выхода...

В глаза бросилось объявление: владелец «Терека» Казарашвили расхваливал свою новую типографию, уверял, что «качество печати гарантируется». Ной решил: пожалуй, эта типография ему подойдет. Вот и выход!

В середине дня Буачидзе и несколько рабочих вошли в типографию. Служащих конторы и Казарашвили быстро свели в одну комнату. Опустили на окнах шторы, у дверей поставили охрану. Рабочие, не говоря ни слова, посмеиваясь, быстро набрали тексты, стали печатать на двух машинах сразу.

С улицы в контору беспрепятственно впускали всех, кто заходил. Заглянул казачий офицер, — пожалуйста, и ему нашли место. Выходить, конечно, никому не позволяли. Дело длилось три-четыре часа. Одного манифеста восемь тысяч экземпляров напечатали. Закончили, вышли, заперли за собой наружную дверь...

Во Владикавказе поднялся невероятный шум. Один из «очевидцев» — казачий офицер сообщил репортерам, будто в типографии распорядилось не менее тридцати вооруженных до зубов, с масками на лицах, злоумышленников.

Наказной атаман Терского казачьего войска — начальник области — лично допрашивал Казарашвили. Даже этого крупного и ловкого дельца, владельца двух газет, нескольких типографий, домов и прочего «недвижимого имущества» во Владикавказе и в Пятигорске заподозрили в «принадлежности к социал-демократам». Только получив солидную взятку, приличествующую генеральскому чину, атаман разрешил Казарашвили вновь открыть типографию, а дальнейшее следствие приказал вести правителю военной канцелярии господину Зиновьеву. Тот тоже развил очень энергичную деятельность, но затем последовало совсем уже неприятное для властей разоблачение.

Правитель канцелярии, любимец владикавказского высшего света, самый желанный в городе жених оказался беглым бандитом, убийцей. И фамилия его была вовсе не Зиновьев. «Управление» военной канцелярией, а по существу и всей Терской областью он долго совмещал с «руководством» двумя крупными бандитскими шайками. Разумеется, участники их имели солидные «виды на жительство».

Узнав сейчас от Кирова, кем в действительности оказался господин Зиновьев, Ной Буачидзе пошутил:

— Вот у кого мне следовало покупать паспорта для подпольщиков.

...Они все больше и больше нравились друг другу — невозмутимый Киров и порывистый Буачидзе.

Внимательно глядя в глаза Ноя, Сергей Миронович спросил:

— Митинг во владикавказской грузинской школе — ваше дело?

— Там вообще часто собирались родители учеников. Вы, вероятно, знаете, что школа была построена Обществом по распространению грамотности среди грузин на деньги, собранные по подписке. В глазах грузин, живущих вне родины, это не просто школа!

— Согласен. Но тогда — десятого апреля — было нечто особенно взволновавшее весь Владикавказ. В тот день из кубанской станицы Ново-Георгиевской доставили тело Коста Хетагурова.

— К сожалению, Сергей Миронович, — заговорил Ной, — мое участие во встрече тела Хетагурова и в его похоронах самое скромное. Мне

удалось сказать несколько слов публике, бывшей на перроне в Беслае, когда железнодорожники задержали поезд... И маленькое собрание в грузинской школе. Поверьте мне, взволнованные люди сами спешили в дом, где бывал, читал свои стихи, страстно звал бороться за свободу, смелый и, я не боюсь сказать, бессмертный Коста. Он всегда был близок грузинской интеллигенции. Возможно, я выступил тогда слишком резко...

Тут же Буачидзе припомнил и рассказал Кирову, что в Швейцарии он несколько месяцев посещал кружок, основанный Лениным. Владимир Ильич не раз говорил, что плох оратор, не умеющий управлять «внутренним огнем». Пошла ли ему на пользу эта наука, Ной не мог сказать: после революции он еще ни разу не выступал на большом собрании.

Слушая его, Киров молча рылся в ящиках письменного стола. Вытащил какую-то бумагу.

— Недавно удалось достать некоторые донесения Терского жандармского управления. Посмотрите, эта телеграмма в департамент полиции, очевидно, должна вас заинтересовать.

Ной взял бумагу, стал читать:

НАЧАЛЬНИК
Терского Областного
жандармского
Управления

—
29 июня 1906 г.
№ 3715
г. Владикавказ.

Секретно.

В ДЕПАРТАМЕНТ ПОЛИЦИИ

Около двух часов дня, 29 июня сего года, вблизи гор. Владикавказа, состоялся митинг, преимущественно из рабочих, на котором присутствовало до 1000 человек. Наблюдавшие за данной местностью два городских были задержаны

7-ю неизвестными им лицами, повидимому дозорными от собравшихся. Доставленные к месту митинга, городские были посажены на землю, с таким расчетом, чтобы они не могли видеть в лицо ораторов, говоривших внутри толпы. Здесь городским была вручена брошюра, под названием «Революционное движение в России», с приказанием сидеть и читать эту брошюру.

По окончании митинга, около 6 часов вечера, рабочие разошлись, а городские были отпущены.

Донося об изложенном Департаменту полиции, присовокупляю, что за неустановлением личностей ораторов не представляется возможности приступить к производству по означенному делу формального дознания.

Полковник Лупаков.

— Должен же я был чем-то занять этих городских, — засмеялся Буачидзе. — А полицейское донесение довольно точно. Действительно, в горах, повыше Сапицкой будки, — полагаю, достаточно знакомое вам место — в одно июньское воскресенье Владикавказский комитет проводил сходку.

День выдался погожий, солнечный и не очень знойный. По всем мало-мальски доступным тропам пробирались люди. Впервые пришли рабочие свинцово-цинкового завода «Бельгийского анонимного общества», с которыми мне долго не удавалось наладить связь.

Уже хотели начинать, когда один из наших дозоров сообщил, что появились двое городских. Решили эту пару пропустить подалее и тихонько захватить.

Прошел час, другой, мы рассуждали о сокращении рабочего дня, увеличении платы, перешли на политику. У всех лица живые, веселые. Подумал: пусть и эти двое «верноподданных» чем-нибудь разумным займутся, вдруг и в их одурманенные головы светлая мысль западет. Чем черт не шутит! Подошел, дал им брошюру «Революционное движение в России», приказал: читайте вслух по очереди, потом спрошу, поняли ли что-нибудь.

Отзвучали последние такты вальса в офицерском собрании. Разъехались гости. Закрылся ресторан летнего сада «Палас». Погасли керосиновые фонари на бульваре. Тих и безлюден Александровский проспект. Спит Владикавказ, уgomонился после получки. Слава богу, прожито 20 мая 1917 года.

Нет покоя только старику-сторожу редакции «Терека». Добродушно ворча на своего любимца Мироныча, он снова тонко колет лучину, разжигает самовар. Без чая какая же беседа!

Буачидзе почему-то хотелось, чтобы Киров, впервые встреченный лишь несколько часов назад, узнал его жизнь, все понял, оценил. Хорошо, если бы одобрил!

...Конец 1906 года. Из Владикавказа надо было выбираться побыстрее. Слишком уж часто Буачидзе ловил на себе быстрые, изучающие взгляды подозрительных любителей прогуливаться по грязной, заболоченной Ильинской улице. Они заглядывали и во двор дома № 27, где Ной снимал комнату в квартире Осиповых. Один господин даже любезно посоветовал хозяйке забить вторую калитку, выходящую на пустынный берег Терека: как бы жулики, дескать, не забрались к жильцу — он, кажется, поздно возвращается...

Знакомые ингуши проводили Ноя через горы — в Грозный. Даже в «официально дозволенном к пользованию» ежегодном календаре-справочнике о Грозном было сказано: «В городе промышленности и торговли, полностью оправдывающем свое выразительное наименование — Грозный, цель жизни — нефтяной фонтан, мечта — хорошая заявка на нефтеносный участок, идеал — нефтепромышленник с миллионом в кармане».

Остаться в Грозном Ной также не мог. Только что полиция произвела обыски у учителя Бакрадзе и инженера Каракашвили. Ничего предсудительного не нашли, но обоих арестовали. Почему обоих сразу? Очевидно, нащупали следы грозненской группы большевиков.

Пришлось пробираться в Ростов и оттуда в Москву...

Вскоре после этих неприятных событий в известную в Москве книжную лавку «Сан-Ремо» заглянул приехавший с юга молодой состоятельный господин Иван Самсонович Абуладзе. Он искал какие-то редкие, очень важные для него книги и заранее заручился рекомендательным письмом, которое было адресовано не самому владельцу лавки, а продавщице Розе Шабалиной. Ее хорошая знакомая, сестра грузинского поэта, курсистка-медичка Варвара Гаприндашвили просила не оставить без внимания впервые приехавшего в Россию симпатичного земляка.

Роза Шабалина — изящная черноглазая девушка приложила максимум усилий, но в тот день нашлись всего две книги. Молодой грузинский князь просил ее не слишком тревожиться. Он охотно зайдет еще. Когда? Завтра к вечеру.

Понадобились еще более редкие книги. Господин Абуладзе познакомился с владельцем лавки, стал постоянным клиентом. Иногда он разрешал себе принести коробку конфет, букет цветов. Нежное лицо Розы вспыхивало.

Промелькнуло несколько недель. Та же Варвара Гаприндашвили явилась с печальной вестью — страшное недоразумение. Князь Иван арестован. Он в Бутырках. Но невесте, если очень хлопотать, свидание могут разрешить.

Роза носила передачи, ходила на свидания. Как же могло быть иначе, если она и Абуладзе состояли в одной и той же большевистской подпольной организации? Может быть, она только слишком часто ходила в Бу-

тырки, слишком порывисто вбегала в комнату свиданий? Что ж, ей не давно исполнилось 22 года, мнимый же князь Иван был старше всего на четыре года!

А в Грузии, в городе Чиатура, Николай Григорьевич Буачидзе получил письмо от младшего брата Самуила. Оно пришло окольным путем, минуя почту, но все фразы были очень осторожны. Какой-то «Ной находится в железной клетке», он объявил себя бродягой, не помнящим родства, а отобранный у него паспорт на имя Абуладзе — найденным на пристани. Этому Ною не поверили, и паспорт Абуладзе вместе с фотографией самого Ноя послали в Кутаис на проверку. Еще «бродяга» Ной интересовался, как поживает господин Сенкевич, закончил ли он свою работу и получил ли повышение в должности. Ответ на письмо надо было быстро послать по адресу книжного магазина «Сан-Ремо» Розалии Шабалиной.

Николай Буачидзе нашел общих знакомых с регистратором губернского жандармского управления. Регистратор «случайно» нуждался в деньгах — солидной сумме. Буачидзе так же «случайно» желал получить паспорт Абуладзе и фотографии некоего Ноя. Соглашение состоялось. Николай Григорьевич срочно выехал в Москву, через Розу передал Ною, что запрос из Бутырок уничтожен. В Кутаисе следствие о «мятежной Квирильско-Белогорской республике» в разгаре.

Поединок между Ноем и следователями московского жандармского управления закончился как бы вничью. Ною не удалось убедить их в том, что он бродяга, не помнящий родства, а следователи не смогли разгадать, кто в самом деле Абуладзе. «На всякий случай» суд приговорил Буачидзе к четырем годам каторги и бессрочной ссылке.

Отбывать наказание предстояло в Вологодской тюрьме. В Вологду тотчас же отправилась Шабалина. Она связалась с большевистской организацией. Как будто все обещало, что побег будет удачным. Еще несколько часов, и Ной был бы на свободе, рядом с любимым человеком...

Что послужило причиной провала — неизвестно. Ноя избили, заковали в кандалы, бросили в одиночку. Ко всему прибавилась мучительная неизвестность: что с Розой?

...1910 год. Начальник Вологодской каторжной тюрьмы с большим неудовольствием слушал рапорт врача. Кто бы мог подумать, что отсидевший столько времени в одиночке, давным давно не получавший ничего, кроме хлеба и горячей воды, заправленной тухлым пшеном, этот грузин Абуладзе перенесет еще сыпной и возвратный тиф, не умрет от воспаления легких.

Начальник напомнил, что всего четыре дня назад Абуладзе считали безнадежным. Врач снова подтвердил, что по всем законам медицины заключенный должен был умереть; непостижимо, как он выкарабкался. Долго он все равно не проживет...

Много лет спустя, в письме к Миха Цхакая, Ной признавался, что он и сам считал себя обреченным. И все-таки жизнь победила смерть!

В кандалы Ноя больше не заковывали, слишком уж был он худ и немощен. Повернуться с боку на бок и то сам долгое время не мог.

Наконец, каторгу заменили ссылкой в одно из самых отдаленных, глухих сел Якутии. Это намного облегчало положение, снова можно было готовить побег.

Подходящий паспорт соглашался продать один из вышедших на «вольное поселение» каторжников. Но где взять для этого пятьдесят рублей? Деньги нужны были и на дорогу — далекую и трудную. Обратиться к братьям нельзя — это немедленно навело бы полицию на подозрение. Ной припомнил, что недалеко от Белогор, на небольшой железнодорожной

станции Дарквети начальником работал друг его брата Ираклий Джаошвили. Прямых связей с подпольщиками он как будто не имел, но симпатии революционерам выражал недвусмысленно. Неужто Джаошвили не догадается, что открытку, присланную из Якутии, надо отдать кому-нибудь из братьев Буачидзе, даже если она адресована лицу, вовсе не существующему?

Ной рискнул. Написал: «Станция Дарквети, Закавказской железной дороги, Карлу Карловичу Бауэру...» Некий беспутный бродяга Ной сообщал почтенному Карлу Карловичу, что он снова остался без денег, очень тоскует и не подбросит ли ему господин Бауэр от щедрот своих.

Переписка наладилась. Весной 1911 года брат Ноя выхлопотал разрешение отправить «желающему вновь приобщиться к святой религии» книгу «Закон божий». В кожаный переплет искусно заделали триста рублей... Собрали их с большим трудом, пришлось братьям лишиться многих необходимых вещей, влезть в долги.

Наконец, во второй половине мая, весна наступила и в далекой Якутии. Река Лена освободилась от сковывавшего ее льда. Вверх по течению потянулись первые пароходы. Ной бежал!..

...Снова Грузия. Кутаис, Батум, уездные центры, десятки сел. Заочно приговоренный военным судом к смертной казни¹, Ной с обычной энергией и бесстрашием занят революционной борьбой. Он пишет прокламации, выступает на тайных сходках, громит ликвидаторов, переезжает из города в город, разыскивает нужных людей. И все с огромным риском каждый час нарваться на провокатора: все происходило в губернии, где Буачидзе в 1905 году разоружал войска, отнимал землю у помещиков, призывал к свержению царя.

Осенью 1911 года в Батуме шпики выследили Ноя, когда он ожидал парохода, идущего за границу. Он бросил багаж, бежал через Новороссийск и Одессу в Турцию. Потянулись тяжелые годы скитаний на чужбине. В Самсуне удалось устроиться преподавателем русского языка во французский колледж при монастыре грузин-католиков.

Можно было бы жить тихо, если бы только Буачидзе снова не занялся пропагандистской работой, не поднял кампанию в защиту горцев, переселившихся в Турцию с Северного Кавказа: султанские власти преследовали и мучили их еще хуже, чем царские усмирители.

Эти годы, проведенные в Турции, навсегда остались в памяти Ноя. На съезде народов Терек в начале 1918 года он, волнуясь, говорил:

— Я избородил всю Турцию и видел, как живут переселившиеся туда горцы. За ними султанские власти охотились, как за зверьми. Эмигранты находятся там в ужасном положении. Они мечтают о возвращении на Кавказ, и в этом мы им обязаны помочь...

Пришлось Ною, переодевшись монахом, покинуть Турцию и отправиться в Болгарию. В Софии Буачидзе познакомился с Георгием Димитровым и другими видными болгарскими революционерами. С их помощью ему удалось устроиться управляющим крупным именем. Солидное положение в обществе на время избавило его от назойливого внимания полиции и забот о хлебе. Димитров давал Буачидзе все более серьезные поручения. За подписью Гуриели Ной публиковал статьи против «беспримерной войны народов», против того, чтобы в угоду буржуазии «изодня в день десятки тысяч молодых, здоровых людей устилали своими трупами перевалы Карпат, поля Галиции, Франции, Малой Азии и кровью своей окрашивали воды Немана, Вислы, Сены...»

¹ Лишь в 1910 году Особое присутствие Кавказского военного суда рассмотрело шесть томов дела о «Квирильско-Белогорской республике». Буачидзе был признан «особо опасным главарем» и заочно приговорен к расстрелу. (Прим. автора).

На собраниях болгарских рабочих, в беседах с крестьянами Буачидзе терпеливо разъяснял, почему народ не должен защищать «престол и отечество». Оружие, говорил он, надо направить против своей буржуазии.

И любопытные письма из Болгарии публиковал Буачидзе под псевдонимом «С. Белогорский» в распространенном тогда в России журнале «Современный мир».

Финал был все тот же — арест, тюрьма в Софии, побег.

Так Буачидзе попал в Швейцарию. В Женеве он познакомился с Лениным.

— Встречи, переписка с Владимиром Ильичем, занятия в его кружке — это уже на всю жизнь! — твердо сказал Ной.

— В этом вам можно позавидовать, — отозвался Киров.

... Первые, еще совсем робкие лучи солнца заглянули в комнату.

— Пойдемте, Ной, — позвал Киров, — я знаю место на бульваре, откуда утром, пораньше, и перед закатом открывается чудесный вид на горы. Поспешим, вы снова увидите лесистые предгорья северного склона Главного Кавказского хребта, плоскую вершину Столовой горы и на дальнем плане — ледяные вершины Казбека. Вы, грузины, зовете его Мкинварцвери.

Ной радостно удивился:

— Вы знаете?

— А как же! Знаю, что в XVIII столетии первым покорил Казбек грузинский пастух Иосиф Мохеве. Когда-нибудь я дам вам, Ной, прочесть; я записал свои впечатления от восхождения на Казбек. Какой простор! Какое разнообразие цветов и тонов в этих скалистых утесах, бесконечной цепи гор, теряющихся где-то далеко-далеко... Как глубоко все это трогает душу и сердце человека! Грешен, люблю горы... Люблю слушать в диких горных ущельях песни затаенных надежд... Убежден — и вы любите!.. Сделаю все, чтобы вы, Буачидзе, остались во Владикавказе.

Ной заговорил не сразу.

— Сергей Миронович, я не хотел начинать этот разговор, могло показаться нескромным. После возвращения из Женевы я был у Ленина. Он спросил, каковы мои планы, где собираюсь работать — в Петрограде или поеду в Грузию? Я ответил, что если на этот счет нет никакого решения партии, то мне предпочтительнее всего Владикавказ, Терская область, трудная и чертовски интересная. И души горцев — почти никем еще не прочитанный иероглиф. У нас был обстоятельный разговор. Я привез мандат Центрального Комитета партии. Вот он!

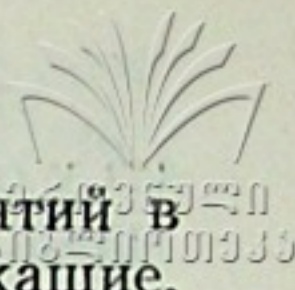
5.

Репортеры владикавказских газет нашли, что Ной Буачидзе был слишком резок и по этой причине его лекция в кинематографе «Патэ» разочаровала публику. Дамы и господа негодовали: «Мы пришли послушать интеллигентного человека, и что же мы услышали? Какие-то призывы к восстанию! Представляете, он уверял, что власть должна перейти в руки рабочих и горцев!»

Газета «Терский казак» удивлялась: «Господин Буачидзе вначале произвел впечатление вполне культурного человека. С ним интересно разговаривать. И вдруг — сюрприз! Он большевик! Непостижимо!!»

Всполошились и меньшевики с эсерами. Они категорически требовали, чтобы в воскресенье на общегородском митинге, где с докладом должен был выступить Ной, председательствовал меньшевик Н. Скрытников.

К трем часам дня актовый зал Ольгинской женской гимназии был переполнен. Пришли рабочие с завода «Алагир», из железнодорожных

мастерских, с электростанции — других промышленных предприятий в городе не было. Явились почтово-телеграфные и банковские служащие, чиновники. В передних рядах шумно уселись солдаты. Ближе к выходу поместились адвокаты, врачи, педагоги. Позади, особняком держались горцы, по преимуществу осетины и ингуши.

Скрынников чинно открыл митинг. Поздравил собравшихся с тем, что в последние дни в Петрограде социал-демократы заняли видные посты в министерствах Временного правительства. Новость была принята с заметным удовольствием.

Несколько привычных слов о земле и воле немедленно ввернул председатель Владикавказского совета эсер Гамалея. Прилипчивый и развязный, как коммивояжер, рекламирующий подтяжки и дамское белье, Гамалея пользовался популярностью среди мелких служащих, части солдат и, особенно, в профессиональном союзе домашней и ресторанной прислуги. Рабочие его не любили, да и Гамалея их сторонился.

Появление на трибуне Буачидзе собравшиеся встретили напряженным молчанием. Ной сообщил, что в объявлениях, развешанных по городу, тема его доклада указана не совсем точно. Он с удовольствием поделится и своими впечатлениями о Петрограде, но главное, о чем он хочет говорить, это — Ленин и революция.

Гамалея закричал:

— Долой! У революционеров есть один вождь — Александр Керенский.

Вскочил второй лидер эсеров — присяжный поверенный Карапет Мамулов. Еще накануне он грозил Буачидзе: «Погодите, я натравлю на вас массы так, что от вас посыпятся перышки...». Мамулов требовал:

— Лучше расскажите, как вас везли в запломбированном вагоне... Сколько вам платят враги отечества — немцы?

Буачидзе покачал головой:

— А вы, Мамулов, несколько не поумнели за те годы, что я вас не видел. Не бережете голос, охрипнете, не сможете выступать в суде, потеряете выгодных клиентов.

Во Владикавказе знали — за деньги Карапет Мамулов возьмется за любое грязное дело. Адвокаты посOLIDнее старались не подавать ему руки.

Реплика Буачидзе вызвала смех. Контакт с залом был установлен.

Собрание длилось до четырех часов утра. Последним слово попросил военный врач с аккуратно подстриженными усами и бородой, с немного прищуренными, должно быть, близорукими глазами. Высокий и плотный, он легко поднялся на трибуну, по военной привычке коротко представился: «Мамия Дмитриевич Орахелашвили, прибыл из действующей армии. Я задержу ваше внимание совсем не надолго. Хочу только от имени моих товарищей-фронтовиков предложить послать приветствие в Петроград (маленькая пауза) Ленину».

Аплодисменты, негодующие крики, гортанные возгласы горцев — все перемешалось. Скрынников поспешил объявить, что собрание закрыто. Опрокидывая стулья, грохоча сапогами, в президиум бросились солдаты 248-й Самарской дружины.

Орахелашвили легко завладел колокольчиком председателя, поставил свое предложение на голосование. Меньшевики и эсеры принуждены были отступить. Ленину послали телеграмму.

Бурлящий людской поток, наконец, увлек Буачидзе к выходу. Впереди себя Ной заметил военного врача, вызвавшего такой переполох. Он бережно держал под руку красивую учительницу-грузинку — Марию. Ли-

ца у обоих были откровенно счастливые. Буачидзе удивился. Тут же вспомнил: на днях Мария говорила, что ждет с фронта мужа. Она увлекательно рассказывала, как они, уроженцы соседних районов Грузии — Кутаисского и Самтредского, познакомились в Петербурге — Мария приносила своему будущему мужу в Военно-медицинскую академию прокламации Невского районного комитета большевиков.

...Родители очень хотели, чтобы их любимица Мария имела высшее образование. Девочкой ее отвезли в Петербург, и она, действительно, получила отличное образование, только не в той области науки и не в том порядке, как желали старики.

За участие в студенческих демонстрациях 1905 года Марию исключили из женского педагогического института, арестовали, выслали на родину. Через несколько месяцев она снова очутилась в столице. Теперь это уже не просто симпатизирующая революции восторженная слушательница юридического факультета Бестужевских женских курсов. Мария — член партии, активный работник подпольной большевистской организации.

Поздней осенью 1906 года в Петербург вернулся и Мамия Орахелашвили. Его возили в Тифлис — судить по делу Авлабарской подпольной типографии. Прямых улик не было. Мамия упорно утверждал, что, кроме медицины, он решительно ничем не интересуется. Да и давным-давно он не был в Грузии, вначале учился в Харьковском университете, затем в Военно-медицинской академии. Ложное обвинение оскорбляет его достоинство дворянина и офицера...

Суду пришлось оправдать Орахелашвили. Мамия, не теряя времени, вернулся к своим занятиям в медицинской академии и в подпольной Невской организации. С 1903 года Орахелашвили был большевиком, вел пропаганду марксизма в рабочих кружках за Невской заставой, писал статьи для подпольных газет. Одну из его статей охранка как раз и нашла при налете на Авлабарскую типографию.

Позднее Мамия служил военным врачом в Туркестане и в Персии, Мария была с ним. Оба занимались революционной работой. В 1912 году Мария поехала во Францию, закончила в Париже университет. Война на долгие годы разлучила ее с Мамией. Он был на фронте, создавал большевистские организации, налаживал доставку литературы в окопы, лечил тела и, особенно, души солдат.

Вернувшись из-за границы, Мария поселилась во Владикавказе. Ее небольшая уютная квартира рядом с дворцом наказного атамана была надежной явкой и главным штабом большевистского подполья на Тереке.

...Ной окликнул Марию, попросил обязательно подождать его во дворе гимназии.

— Не тревожьтесь, Мария, никаких дел, — чуть погодя, говорил Ной. — Просто я хочу поздравить вас обоих. Встреча двух любящих людей — что может быть лучше?

В его голосе нельзя было не почувствовать тоски: он все еще ничего не знал о судьбе Розы Шабалиной. Мария поторопилась предложить:

— Вон под липами скамейка. Присядем.

Мамия Орахелашвили усадил Ноя между собой и Марией. Мягко улыбнулся:

— Рад, рад, что встретились. Сюда ехал, думал — во Владикавказе, кроме Марии, никого знакомого. Оказывается, есть у меня и здесь друзья, близкие, надежные. Правда, Ной?

Буачидзе энергично пожал руку Мамии.

— Друг по партии, по жесточайшей борьбе, по-моему, это много больше, чем родственник по крови. Друг навсегда!

...Прошли годы, уже не было в живых Ноя Буачидзе, а любимый друг его детства Серго Орджоникидзе произнес почти те же слова: «Наша партия — это союз друзей, и если бы не было у нас дружеского отношения между собой, любви друг к другу, мы не сумели бы проделать Великую Октябрьскую революцию».

6.

Буачидзе все чаще и чаще отлучался из Владикавказа — спешил увидеть, как живет разноплеменное и многоязыкое население Терской области. Она простиралась от Минеральных вод и дикого Скалистого хребта до лиманов Каспийского моря. На ее территории — побольше иного европейского государства — было все: ледники Большого Кавказа, безграничные Ногайские степи, нефтяные вышки Грозного, рудники Садона, табуны кабардинских скакунов, кизлярские виноградники. Были казачьи станицы, где пятьдесят десятин земли считались небольшим наделом. И в тех же станицах, укрытых зеленью богатых садов, в землянках ютились иногородние — русские крестьяне, переселившиеся на Северный Кавказ. Своей земли они не имели и здесь, на желанных берегах Терека и Сунжи, Малки и Сулака. У кого водились деньги, тот брал землю в аренду у казаков. Большинство, если не в первый год, так на второй, нанималось в батраки. Вражда между иногородними и казачьей верхушкой никогда не затихала. Да и среди самих терских казаков было немало бедноты, особенно к концу войны.

Над станицами и городами громоздились горы — лесистые, снежные, или совсем гололобые островерхие скалы. Там, в недоступных каменных теснинах, в аулах, что часто лепились выше орлиных гнезд, голодали обреченные на вымирание чеченцы, ингуши, кабардинцы, осетины, балкарцы.

Именно об этих людях и рассказывал в свое время Лев Толстой такую историю. Вышел как-то поутру горец в поле пахать. Снял бурку, наладил деревянную соху, а поле тем временем исчезло. Искал человек, искал, — нету поля. Так и промучился до вечера. И только когда собрался назад в аул, обнаружил, что поле его все уместилось под буркой.

...Лето тогда выдалось сухое, знойное. Под беспощадно палящими лучами солнца, казалось, поблекла даже голубизна неба. И в степи под Моздоком Ной впервые в жизни увидел морочливое марево.

Старожилы объясняли Ною: «Сухота и марево — верные приметы близкой грозы и освежающих ливней».

Нередко тучи окутывали и ближайšie к Владикавказу горы. В городе отчетливо слышались раскаты грома. Ной уже не раз ловил себя на мысли, что погода летом 1917 года как-то очень соответствовала настроению людей да и всей обстановке на Тереке: марево и тягостная духота перед освежающим грозovým ливнем.

Вскоре после шумного собрания в Ольгинской гимназии раздраженно напомнил о своем существовании «Гражданский комитет»¹. Он признал, что граждане, находящиеся под защитой Временного правительства, не должны устраивать митинги и демонстрации. В случае крайней необходимости, «организаторы обязаны заранее подать ходатайство комиссару Временного правительства». Ощутимо ограничивалась и свобода собраний.

¹ При Временном правительстве «Гражданский комитет» во главе с гражданским комиссаром считался высшей властью на местах. (Прим. автора).

Вслед раздался грозный окрик войскового круга терского казачества, также считавшего себя высшим законодательным органом в области. Если в центре России было двоевластие — Временное правительство и Советы, то на Тереке на власть претендовали «Гражданский комитет», войсковой круг с наказным атаманом, «Союз горцев Кавказа», Владикавказская дума, Совет рабочих и солдатских депутатов.

Так что же было угодно войсковому кругу? Его приговор был строг и краток: «По усмотрению господина начальника Владикавказского гарнизона и господ станичных атаманов, лица, допустившие разные бандитские действия, подвергаются смертной казни в возможно более короткий срок». Нетрудно было понять, кого господа атаманы завтра же признают виновными в «разных бандитских действиях».

Депутаты-большевики потребовали, чтобы Гамалея немедленно созвал Владикавказский Совет. Ной собрал свой кружок рабочих пропагандистов, распределил силы для выступлений на митингах протеста. На себя Буачидзе взял железнодорожные мастерские.

С несколькими знакомыми рабочими он пришел в цех, где ремонтировали паровозы. Поднялся на тендер, предложил побеседовать. Посыпались вопросы. Рабочие требовали объяснить, из кого состоит Временное правительство, почему большевики не хотят воевать за Россию, правда ли, что он, Буачидзе, приехал во Владикавказ из Германии, на чью сторону станут большевики, если ингуши и чеченцы нападут на русских? Были вопросы и враждебные и провокационные. Ной терпеливо и обстоятельно отвечал. Говорил он тихо, неторопливо, словно делился вслух своими мыслями.

На тот же тендер, с успехом заменивший трибуну, взобрался пожилой, усатый рабочий в промасленной кепке, сдвинутой на затылок. В упор, строго оглядел Ноя. Высоким, звучным голосом с досадой сказал:

— Полной веры к вам, гражданин, не могу иметь. Удивляетесь почему? Я повторю вам сейчас личные ваши слова — «сожитительство с меньшевиками в одной организации — это незаконная связь». Говорили?

Буачидзе подтвердил:

— Да, любви здесь нет. Сожитительство незаконное, но его еще надо терпеть!

Так снова всплыл вопрос, который уже не раз обсуждался большевиками Владикавказа — расколоть или завоевать «объединенную социал-демократическую организацию»?

Буачидзе и Киров настаивали: надо выиграть время, повести за собой рабочих и тогда вышибить меньшевиков. Кто-то, в знак протеста, прислал Ною почтовую открытку. На ней большими буквами было написано:

**«Не увлекаясь, приспособляясь,
Тише вперед, рабочий народ!».**

Ной прочитал открытку вслух на занятиях кружка рабочих пропагандистов. Поблескивая живыми глазами, как бы с изумлением добавил:

— Я плохо выполняю свои обязанности. Все еще не сумел растолковать, что — на пользу революции, а что — на руку врагу. Если мы, небольшая группа профессиональных революционеров, хвастаясь своей старой принадлежностью к большевикам, уйдем из объединенной организации, покинем рабочих на попечение меньшевиков, отвернемся от наших товарищей, еще не разобравшихся в событиях и своих политических симпатиях, то это будет худшим видом дезертирства. В условиях Владикавказа такой шаг неизбежно поведет к отрыву от трудящихся и немедленному раз-

грому сил свободы казачьей и горской контрреволюцией. Ленин требует от нас совсем иного — подвести рабочих и беднейших крестьян к пролетарской революции.

Буачидзе не стал скрывать правды и от рабочих железнодорожных мастерских.

— Дайте срок, мы возьмем быка за рога! Сейчас я обязан предупредить: и в Петрограде и у нас на Тереке начинается полоса провокаций. Решение «Гражданского комитета», постановление войскового круга о введении смертной казни — это проба сил. Хотят прощупать, будете вы, рабочие Владикавказа, защищать свободу или отступите, склоните головы.

Дружно приняли решение послать делегатов на завод «Алагир» с тем, чтобы завтра совместно выйти на демонстрацию ко дворцу наказного атамана Караулова.

На следующий день и Владикавказский Совет круто изменил курс. Меншевики, эсеры, «беспартийные» казаки и даже «мусульманский вождь» Цаликов — все заявили, что они не могут признать для себя обязательным постановление «Гражданского комитета», а тем более приговор войскового круга. Совет пошел за депутатами-большевиками.

Через три дня разразилась новая провокация. Теперь уже со стрельбой, кровью, с десятками ни в чем не повинных жертв. Пьяные казаки и солдаты окружили базар во Владикавказе. Они хватали безоружных мирных ингушей, издевались, убивали. Из ближайшего к городу ингушского селения Базоркино в горы поскакали всадники. Бело-зеленые повязки на рукавах черкесок свидетельствовали об особой важности данного им поручения. Ахмет Цаликов звал всех, «кто считает себя мужчиной», идти громить Владикавказ.

Ной понимал: горцы захотят мстить за убитых на базаре. Нападение на переполненный войсками город приведет к страшной резне. Надо во что бы то ни стало удержать ингушей. Но как это сделать? Прочных связей с горцами у объединенной организации не было. Меншевиков это меньше всего интересовало.

Перед рассветом Буачидзе вышел из Владикавказа. Он благополучно миновал казачьи разъезды и, обходя колесную дорогу, тропинками приблизился к Базоркино.

Ной увидел: старая липа распростерла свои широкие ветви над весело журчащим ручьем. Зачерпнул пригоршней воду, напился. Еще зачерпнул, с удовольствием плеснул на лицо, на лоб. За этим приятным занятием Ноя и застали трое ингушей. Старший из них деловито спросил: «Больше воды не хочешь?»

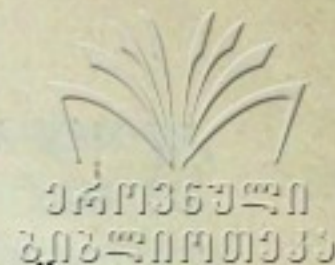
Ной поблагодарил, сказал, что у него есть дело к почетным старикам. Он знал, что по обычаям ингушей последнее слово всегда за седобородами мудрецами.

Ни о чем больше не спрашивая, ингуши молча отвели Ноя на противоположный конец аула к старику Сеиду. В кунацкой у Сеида — комнате, специально предназначенной для приема гостей, — и состоялась первая встреча самых уважаемых, почетных стариков-ингушей с человеком, назвавшим себя большевиком. Старики, ничем не выдавая интереса, слушали Ноя, просили извинения, уходили, снова возвращались. Несколько раз до кунацкой доносился отдаленный шум толпы. С гиканьем и свистом под окнами проносились на разгоряченных конях молодые ингуши.

На следующий день Сеид объявил:

— Цаликов хочет газават, священную войну против русских. Ингуши говорят: нет! Ты приходи еще, думать будем. Твоя правда — трудная...

Почетные старики проводили Буачидзе далеко за Базоркино.

Ной все еще не имел постоянного пристанища, хотя бы такой маленькой комнаты, как в Женеве на Рю де Клуз. Чаще всего он ночевал на клеенчатом диване в столовой своих старых друзей Чхубиани — у них Буачидзе не раз укрывался от полиции еще в 1906 году.

Люди, хорошо знавшие Ноя, недоумевали: откуда такое противоречие — постоянная, очень умелая забота о других и на редкость небрежное отношение к себе. Быть может, это «логика» известного героя Леонида Андреева, утверждавшего: «Люди живут плохо — значит, я тоже должен плохо жить». Едва ли! За подобную «философию» Ной в Женеве долго сердился на Миха Цхакая и заставил его принять помощь.

Все годы в Швейцарии, до самого возвращения в Россию, Буачидзе был бессменным председателем Комитета помощи политическим эмигрантам. Русская колония удивлялась его изобретательности и энергии. Нико Кикнадзе, с которым Ной снова встретился в Женеве, друг Ленина Вячеслав Карпинский, многие из старой большевистской гвардии вспоминали: «Ной близко принимал к сердцу нужды друзей. Однажды, получив деньги от брата из Чиатура, он их тут же разделил между наиболее нуждавшимися политэмигрантами, а сам нанялся косить сено...»

Должно быть, и Ленин держался того же мнения. Покидая Швейцарию, Владимир Ильич предложил Буачидзе задержаться в Женеве и взять на себя хлопоты, связанные с возвращением в Россию второй группы эмигрантов. На вокзале в Берне Ленин предупреждал Буачидзе: будьте архиосторожны, архисдержанны. Ной нес всю ответственность перед Центральным Комитетом за отъезд и благополучное прибытие на родину большого числа политэмигрантов.

На устройство своей жизни времени никогда не оставалось ни в подполье, ни в эмиграции, тем более сейчас, во Владикавказе. После Базоркино понадобилось срочно ехать на нефтяные промыслы в Грозный, оттуда в Кабарду. Снова несколько бурных собраний во Владикавказе и в паровозном депо станции Беслан, потом — новая встреча с почетными стариками в Ингушетии, поездка в далекое Дигорское ущелье.

В Дигоре Ноя ждал Георгий Цаголов. Совсем еще молодой, ему тогда было не больше двадцати лет, он успел пройти хорошую школу. Студент юридического факультета Московского университета, Цаголов еще в январе 1917 года вместе с другими большевиками защищал от конной полиции рабочую демонстрацию на Тверском бульваре. В феврале участвовал в боях за Манеж, был ранен.

В начале лета Георгий Цаголов приехал на Терек. Вместе с отцом, бывшим священником, лишенным сана и сосланным в отдаленный монастырь за участие в крестьянских волнениях, и с несколькими другими общественными деятелями, Цаголов создавал партию осетинской бедноты: «Кермен» — так звали легендарного народного героя осетин. В недалеком будущем эта партия должна была слиться с большевиками.

Буачидзе и Киров с самого начала поддерживали Цаголова. Они не боялись того, что «Кермен» имела не очень четкую программу, в частности — по национальному вопросу.

— Для нас, — подчеркивал Ной, — главное, что «Кермен» открывает путь к осетинской да и ко всей горской бедноте. Это чрезвычайно важно!

В труднодоступном Дигорском ущелье Буачидзе рассказывал крестьянам о Ленине, о большевиках, объяснял, почему горцы должны навсегда покончить с национальной враждой, раздирающей Терскую

область. Только объединившись в один крепкий союз, рабочие, горцы, иногородние, казачья беднота смогут завоевать власть, а с нею и землю.

— Вы, горцы, — говорил Ной, — встречаете путника душевным приветствием: «Приход твой к счастью». Но далеко не всему, что гость рассказывает, не всякому красивому слову вы верите. Другое дело — опыт собственной жизни. Так пусть же вспомнят старики, как «родные» осетинские князья и помещики захватывали общественные земли, пастбища, на которые не смели посягнуть даже царские власти. Точно так же разорили свой народ и кабардинские феодалы. Сердце сжимается от боли, когда вспоминаешь, что произошло на Зольских лугах.

...Был 1913 год. Промотавшиеся кабардинские помещики и коннозаводчики решили обогатиться. Они объявили своей собственностью высокогорные луга, пастбищные земли всей Большой Кабарды. Наместник Кавказа Воронцов-Дашков, а за ним и сам царь поспешили выразить свое полное согласие. Ничего не подозревавшие кабардинские крестьяне в обычное время погнали скот на Золку. Отряды стражников преградили путь чабанам. Тринадцать тысяч крестьян, шестьсот тысяч голов скота остановились. Коровы, лошади, овцы растянулись на сто километров. Не было ни воды, ни кормов. Волчьи стаи на глазах у людей рвали баранов...

Охваченные законным гневом кабардинцы рванулись вперед и разметали отряды стражников. Скот хлынул на луга. Тогда по просьбе помещиков и коннозаводчиков начальник Терской области с трех сторон двинул пехотные дивизии, казачьи и артиллерийские полки. От Владикавказа, от Пятигорска, от Моздока пошли войска громить восстание ограбленных горцев, которым руководил кабардинский юноша, сын табунщика и сам табунщик Бетал Калмыков.

У горцев были только охотничьи ружья, у царских дивизий — пулеметы и пушки. Осиротели тысячи и тысячи детей кабардинских крестьян. Ощутимо приумножили свое богатство несколько десятков кабардинских помещиков и коннозаводчиков.

Тогда же, в 1913 году, Сергей Киров разыскал в пещерах на Кинжалгоре Бетала Калмыкова и других руководителей восстания. Новая встреча произошла во Владикавказе знойным летом, когда сухота и марево предвещали близкую грозу и освежающие ливни. Теперь Киров был не один. Он познакомил Бетала Калмыкова с Ноем Буачидзе.

Пройдет не так уж много времени, и на съезде народов Терека Бетал Калмыков от имени кабардинской делегации предложит признать Советскую власть, приветствовать Ленина, о котором он впервые услышал от Ноя. А Буачидзе станет первым председателем Совета Народных Комиссаров Терской республики.

8.

Из Дигорского ущелья Ной вернулся совсем больным. Ночью у него горлом шла кровь. Рано утром Чхубиани послали за Мамия Орахелашвили, понимая, что другого врача Буачидзе к себе не допустит. Но и Мамия добился немногого. Вечером Ной заставил дежурившую возле него Евдокию Полякову нанять извозчика и поехал на митинг в Апшеронские казармы.

Встревоженные друзья решили действовать по-иному. Киров как-то неожиданно завел разговор о том, что чувствует себя очень виноватым перед матерью и отцом Ноя. Они столько лет не видели сына и так много пережили из-за него, что Ноем следовало все-таки сначала навестить стариков, а потом вернуться во Владикавказ... Ну, да ошибку не поздно исправить и сейчас!

Тут уж Ной устоять не мог. Он очень любил родных. Где бы Ной ни был, как бы трудно ни складывалась его жизнь, он всегда старался успокоить, подбодрить их. Его особенно тревожила судьба младших братьев. Своим бисерным почерком — крохотными и очень ясными буквами Ной писал брату Петру:

«30/1 — 1912 г., Турция.

Друг мой! И пусть они, наши младшие, наша надежда, пока еще не поздно, подумают серьезно о своем положении. Я понимаю круг их мыслей. Но что же, коли они хотят быть «человеками», коли они желают стать лучшими строителями того великого и сложного здания, что называется жизнью, — все это должны перебороть и, поднявшись, стать на крепкие ноги, а не шататься на ходулях, как теперь предпочитают некоторые интеллигентные господа...

В одиночной камере каторжной тюрьмы я также раздумывал о пути, по которому должны пойти наши младшие. Убежден, они должны готовиться к борьбе и началом всего явятся обширные знания. Мне хотелось быть их первым наставником, самому их учить. Нечего говорить, что такие побуждения усиливали мое стремление к свободе. Я бросался было и к железной решетке, и к штыкам, и застенок пробовал ломать, но все вотще!

...А что молодежь смыслит в музыке? В игре, пении, танцах? А спортом занимается? Мне представился раз случай с риском, понятно, удрать от жандармов на велосипеде. Увы, я не умел ездить...».

«1914 год. София.

Сердечный привет молодежи от старика!

Что делаете и как живете? Видно, что учебный план не получен от меня. Проходите ли языки, по каким учебникам? Какие учебны выбрали из математики?

Рекомендую прочесть книгу «Национальный вопрос с.-д. партии» О. Бауэра. Выводы и замечания даны не в нашем духе...».

«1915 год. Женева.

Здравствуй, брат!

Если, действительно, хочешь что-нибудь понять в жизни — читай, учи языки, снова читай. Познакомься с Ломоносовым (отец русского печатного слова), Пушкиным (отец русской поэзии, художества), Лермонтовым, Тургеневым, с Гоголем, Достоевским, Белинским, Грибоедовым, Гончаровым, Добролюбовым, Чернышевским, Некрасовым, Писаревым, Успенским, Надсоном, Чеховым, Толстым, Горьким, Андреевым, Сологубом, Бунинным, Куприным, Вересаевым, Телешевым.

Из иностранцев: Шекспир, Байрон, Франс, Гюго, Гете, Ибсен, Шиллер, Бальзак, Гауптман, Мольер, Лондон...».

...Итак, Ной не устоял перед соблазном повидать родных. В первый и в последний раз в своей жизни он ехал по личному делу, просто на отдых. Впрочем, Грузия в ту пору была не очень подходящим местом для отдыха.

На улицах Тифлиса офицеры из «батальона смерти» арестовывали большевиков. Для «верности» они сверялись со списком, составленным

для комендантского управления эсером Ребрухом. Разгоралась жестокая борьба большевиков с грузинскими меньшевиками, националистами, кандидатами в местные бонапарты. И, прежде чем Ной попал в свое селение Парцхнали, обнял мать, ему пришлось выступить на нескольких митингах.

Крестьянский дом старика Гиго — так сельчане обычно называли отца Ноя Григория Буачидзе — не мог вместить даже небольшой части гостей. Родственники, друзья, совсем не знакомые крестьяне с утра до позднего вечера навещали Ноя, задавали всевозможные вопросы, требовали самого подробного рассказа о событиях в Петрограде и Тифлисе, спрашивали, когда вернутся с фронта сыновья и когда будут делить землю... Ной говорил о близости настоящей революции, той, что покончит с войной, отдаст власть в руки народа.

К концу недели Буачидзе заторопился обратно во Владикавказ. На день он задержался в Белогорах. Вместе с братом Андреем, будущим ученым, директором сельскохозяйственного института, трагически погибшим в 1937 году, Ной обошел все памятные уголки, будто предчувствовал, что это последнее прощание, что уже больше никогда не удастся ему побывать в старой школе, помечтать на поляне в глубине ущелья — укромном месте, где мальчики Ной и Серго обменивались самыми сокровенными мечтами.

9.

На узловой станции Михайлово¹ Буачидзе, наконец, удалось купить петроградские газеты — и то девятидневной давности. Теперь до самой Мцхета, где предстояло искать попутную машину, а не будет — так фаэтон, Ной погрузился в чтение. Он отбрасывал одну газету, жадно хватал другую, о чем-то задумывался, снова шелестел листами.

Претендовавшие на солидность «Новое время» и «Русская воля», болтливая кадетская «Речь», бульварно-черносотенное «Живое слово», меньшевистские «День» и «Новая жизнь», листок правых эсеров «Воля народа» и, наконец, «Биржевые ведомости» и «Вечерняя биржевка» наперебой кричали о чудовищной дерзости большевиков, осмелившихся созвать в Петрограде VI съезд своей партии. И это всего лишь через три недели после того, как Временное правительство одержало «столь славную и окончательную победу». Оно расстреляло мирную демонстрацию рабочих и солдат, разгромило редакцию «Правды», запретило большевистские газеты. Прокурор Петроградской судебной палаты издал приказ об аресте Ленина.

Левые, беспартийные, «промышленно-торговые», либеральные, просто бульварные газеты требовали немедленно арестовать участников съезда, наконец, найти Ленина. «Вечерняя биржевка», всегда славившаяся своей близостью к полиции и охранке, авторитетно свидетельствовала, что сыщики сбились с ног, но, увы, не в состоянии найти место, где заседает большевистский съезд. Меньшевистский «День» напоминал, что Ленин всегда был чрезвычайно умелым конспиратором...

Буачидзе неплохо читал между строк, и сейчас, держа на коленях кипу газет, он внезапно почувствовал, что мучившая его уже много дней тревога за жизнь Ленина неизмеримо уменьшилась. Ной больше не сомневался: съезд партии не поддастся на провокацию, не допустит, чтобы Ильич явился на суд. Это же так ясно — «суд» немедленно превратится в расправу с вождем революции!

¹ Михайлово — сейчас станция Хашури. (Прим. автора).

Ной не колебался и в другом. Залпы, прозвучавшие третьего июля в Петрограде, покончили с идеей о мирном переходе власти в руки народа. Еще в Швейцарии, когда Ленин работал над своими «Письмами издаля», и позднее в Петрограде Буачидзе не раз слышал от Владимира Ильича, что вполне возможен мирный путь развития революции. Владимир Ильич утверждал: «Взяв всю власть, Советы могли бы... обеспечить мирное развитие революции, мирные выборы народом своих депутатов, мирную борьбу партий внутри Советов, испытание практикой программы разных партий, мирный переход власти из рук одной партии в руки другой».

Расстрел июльской демонстрации, все события, следовавшие в Петрограде вслед за этим, убедительно свидетельствовали, что пролетариат вынужден был братья за оружие.

— ...Нам надо как можно быстрее связаться с Петроградом, — говорил Ной Буачидзе двумя днями позднее на собрании Владикавказской группы большевиков. — Можно не сомневаться, что VI съезд нашей партии созван Лениным для выработки новой тактики. В нынешних условиях это может быть только курс на вооруженное восстание!

Чуть погодя Ной продолжал:

— У нас, в самой запущенной во всех отношениях Терской области, где рабочие составляют только маленький оазис среди всего другого населения — казачества, иногородних, горцев, порою не сознающих свои интересы и слепо подчиняющихся национальным фанатикам, — будет, конечно, свой календарь. События будут развиваться по тем же законам, но далеко не в те же самые сроки, что в Петрограде и центральных городах. Легко может случиться, что уже разоблаченные в рабочих центрах претенденты на власть, всевозможные «партии» и группы еще будут играть роль у нас.

Киров с места бросил:

— Достаточно известного примера генерала Половцева, который слишком увлекся удушением революции и после июльских дней очутился во Владикавказе, и не рядовым лицом, а желанным гостем. Ему поручили формирование национальных горских полков.

— Совершенно справедливо, — подтвердил Буачидзе. — После бурных событий в Центральной России, к берегам Терека, на хранимые богом курорты Минеральных Вод ветер революции выбрасывает много дряни... Я думаю, — закончил Ной, — мы попросим Сергея Мироновича поехать в Петроград и установить связь с Центральным Комитетом партии. Очень надеюсь, и с Лениным!

...Вскоре после отъезда Кирова в Петроград небольшая дружная группа владикавказских большевиков пожинала первые плоды своих усилий. В сентябре после новых выборов председателем Совета рабочих и солдатских депутатов стал Мамия Орахелашвили. В состав президиума вошли Ной Буачидзе, Сергей Киров, Мария Орахелашвили, Георгий Цаголов.

Меньшевики и, особенно, эсеры, привыкшие хозяйничать во Владикавказском Совете, как в собственном доме, страшно обозлились. Главным виновником всех своих бед и огорчений они считали Ноя Буачидзе. Изгнанные из президиума Совета Гамалея и Карапет Мамулов написали донос начальнику Терской области: как же так, в Петрограде давным-давно отдан приказ об аресте Ленина, а здесь, во Владикавказе, его агент, также приехавший в Россию при помощи врагов отечества — немцев, заседает в президиуме Совета!

Запрятать Ноя в тюрьму эсеры очень хотели еще и потому, что были объявлены выборы в Учредительное собрание. Список номер семь — список большевиков — открывался фамилией Буачидзе.

Товарищ прокурора Ксептер, а затем и сам прокурор барон Бернгоф вызывали Ноя, задавали ему множество всевозможных вопросов, но ордер на арест выдать все-таки не рискнули. Прокурор опасался, что, принимая во внимание чрезвычайную популярность господина Буачидзе, такой шаг накануне выборов даст нежелаемые результаты.

Меньшевики действовали несколько иначе. Они решили призвать Буачидзе и других большевиков к «партийной дисциплине». Как обычно, в актовом зале Ольгинской женской гимназии собралась «Объединенная социал-демократическая организация». Буачидзе с места в карьер заявил:

— Беру на себя смелость сказать, что пришло время взять быка за рога и задать вам, здесь сидящим, вопрос: «С кем вы пойдете дальше — с большевиками или с меньшевиками?» После VI съезда Российской социал-демократической рабочей партии большевиков, взявшей курс на пролетарскую революцию, существование объединенной организации невозможно. Массы должны знать, кто их друг, кто враг!..

В результате размежевания большевистский список на выборах в Учредительное собрание завоевал самое большое число голосов. Так же убедительно свои политические симпатии, все растущее доверие к большевикам владикавказцы продемонстрировали и при выборах в городскую думу. Большевики получили почти половину всех мест. Тридцать восемь из восьмидесяти шести. Эсеры с трудом провели пять депутатов. Меньшевики — лишь одного.

И самое веское свидетельство: к концу октября Владикавказская большевистская организация имела в своих рядах почти две тысячи человек. Меньшевики насчитывали около полусотни.

И тогда совсем уж необычный сюрприз Ной решил преподнести Горское правительство. В лице трех своих китов — нефтепромышленника-миллионера Тапа Чермоева, князя Решида-хана Капланова и генерала Джабагиева — оно любезно предложило Буачидзе портфель министра труда. Сообщение об этом немедленно появилось во всех владикавказских, пятигорских и грозненских газетах, было перепечатано в Тифлисе, Баку, Екатеринодаре и Ростове.

В гостиницу «Бристоль» — резиденцию правительства — отправились Ной и Вазген Будагов. Церемония заняла немного времени. Буачидзе скромно сообщил, что кто-то, кажется, Жорес, высказывал справедливое соображение: «Лучше говорить правду, чем быть министром». В скобках стенограф отметил: «Больше речей не было. Господин Буачидзе и его спутник откланялись».

Несколько строк написал и сам Ной — брату в Грузию: «Много шума подняли о моем министерском poste. Глупцы, я знаю, что мне здорово и что плохо. Я швернул им их портфель и многое выиграл от этого. А если я все же «нищий», бесприютный и опальный, — это общая судьба подобных мне людей... В конечном счете все же победу одержал я, восторжествовала моя линия».

В ночь с 25 на 26 октября Владикавказский Совет собрался на чрезвычайное заседание совместно с революционными организациями города. В зал удалось попасть и репортеру газеты «Вперед». Ломая карандаши, он торопливо писал:

«Первые минуты председательствовал Карапет Мамулов, его быстро сменила Мария Орахелашвили.

Буачидзе заявил, что Временное правительство не раз провоцировало революционную Россию... Он читает отрывки из письма, полученного им от Кирова.¹

¹ Киров был избран делегатом II съезда Советов и находился в Петрограде. (Прим. автора).

Попов (эсер), заведующий почтовой конторой: Сегодня телеграф сообщил, что Петроград почти полностью в руках большевиков. Сообщение подписано министром почт...

Ильин (большевик): Где это воззвание?

Попов: Оно задержано. Почтовые и телеграфные служащие всегда будут бороться... (шум, крики: «Долой его, вон!»).

Мария Орахелашвили: Предлагаю послать на телеграф караул из солдат Самарской дружины...— После короткой паузы она неожиданно громко провозгласила: Да здравствует власть, направленная к народному благу!

Рискин (меньшевик): Власть Учредительному собранию! (крики «Долой его!»).

Буачидзе: Выступление большевиков есть результат здорового революционного инстинкта. Большевики не фантазеры. Они, и только они знают, что нужно народу!

Вся политика Временного правительства была направлена во вред интересам народа. Быть может, это особенно наглядно было видно у нас, на Тереке.

В сущности, после февраля произошла только незначительная смена административных лиц. Вместо старых названий появились новые названия, а все остальное осталось нетронутым. Революция только начинается...

От себя репортер коротко добавил: собрание длилось непрерывно тридцать один час. Большевики провели свою резолюцию. Она гласит: «Общее собрание рабочих и солдатских депутатов с восхищением преклоняется перед героической борьбой революционных масс и свидетельствует свою преданность новому пролетарско-крестьянскому правительству. Да здравствует революционная Россия!»

10.

На втором этаже гостиницы «Бристоль» — в апартаментах князя Капланова — делили Терскую область. В конечном счете сиятельные участники торга согласились передать всю полноту власти на территории казачьего войска наказному атаману, а в горах — Терско-Дагестанскому правительству князя Капланова и миллионера Чермоева. Оно было сформировано только что, здесь же, в гостинице.

Меньшевики и эсеры тотчас же объявили, что «Владикавказский Совет обязан оказать всю необходимую помощь правительству объединенной демократии двух соседних областей против разъедающих революцию элементов». В ответ Буачидзе предложил признать власть Совета Народных Комиссаров России и послать об этом телеграмму в Петроград.

Утром 31 декабря владикавказские газеты сообщили, что предложение Ноя принято. Решено также созвать I съезд Советов Терской области.

Князь Капланов немедленно приказал офицерам «дикой дивизии»² разгромить Совет. Масштабы и фамилии генералов и министров были другие, а во всем остальном это очень походило на заговор Корнилова в Петрограде. Снова полки «дикой дивизии» и казачьи сотни против революции.

¹ «Дикая дивизия» была сформирована последним наместником Кавказа великим князем Николаем Николаевичем из ингушей, чеченцев, осетин и других горцев. (Прим. автора).

В 8 часов 15 минут вечера, сразу после того, как Мамия Орахелашвили открыл заседание президиума Владикавказского Совета, под окнами замелькали всадники, слышались крики. Топот солдатских сапог раздался на лестнице. В зал ворвались офицеры и солдаты второго полка «дикой дивизии».

— Именем Терско-Дагестанского правительства, — вопил завсегда-тай игорных притонов князь Алдаков, — руки вверх! Руки вверх! Ни с места!

Мамия бросил быстрый взгляд на Буачидзе. Ной, не поднимая рук, внешне спокойно сидел в кресле. Только багровые пятна, покрывавшие его лицо, выдавали внутреннее волнение.

Алдаков с револьвером в руках подскочил к Буачидзе.

— Встать, руки вверх, застрелю!

Ной не пошевелился.

Бывший полицмейстер Иванов оттолкнул Алдакова:

— Не торопитесь, князь. В честь наступающего Нового года господа большевики будут повешены перед дворцом наказного атамана... Пока отведите их в штаб.

Всадники-горцы держались довольно пассивно, зато офицеры неистовствовали. Они избивали захваченных депутатов, рубили саблями мебель, рвали в клочья боевые знамена, сохраненные подпольщиками еще с 1905 года.

Буачидзе, Орахелашвили и других большевиков — членов президиума Совета повели в казарму. По дороге, в Верхне-Осетинской слободке на конвой внезапно напали вооруженные осетины — члены партии «Кермен» — и несколько рабочих из железнодорожных мастерских. Ной и его друзья были спасены. Надолго ли?

Всю новогоднюю ночь во Владикавказе не затихала стрельба. Полки «дикой дивизии» окружили центр города. Под предлогом поисков сбежавших большевиков пьяные бандиты врываются в дома, убивали, насиловали.

Наказной атаман, всегда имевший под руками казачьи сотни и артиллерийские дивизионы, сейчас ни во что не вмешивался. В его дворце ярко горели огни, своим чередом шел новогодний бал. Со спокойной душой веселились и министры Терско-Дагестанского правительства. Все отвечало соглашению, достигнутому в гостинице «Бристоль».

Покуда «дикая дивизия», оправдывая свое название, лила кровь, грабила и жгла Владикавказ, казаки резали горцев, обстреливали артиллерийским огнем аулы под Грозным. Расправа началась с убийства шейха Дени Арсанова и почетных стариков-чеченцев, приглашенных на очередные мирные переговоры. Всех их подло перебили из засады. В ответ горцы спалили дотла станицу Кахановскую, казаки разгромили три аула. И пошло!..

Пятого января реакционно настроенные казаки снова заполнили улицы Владикавказа. «Дикая дивизия» ушла куда-то в горы. Резня, грабежи и пожары перекинулись за Терек. Пронизывающий резкий ветер, дувший со снежных гор, раскачивал под окнами резиденции Терско-Дагестанского правительства трупы повешенных ингушей, чеченцев, осетин-мусульман. Миллионер Тапа Чермоев советовал коллегам-министрам для укрепления нервов удвоить обычную порцию коньяка...

Миновал еще один день. Виселицы появились у вокзала. Белоказачьи наклеивали на стены домов, на наглухо опущенные железные шторы магазинов какие-то желтые бумажки. Вазген Будагов принес два таких листка Ною, обосновавшемуся в Молоканской слободке.

Ной прочел:

«ВОЗЗВАНИЕ

К гражданам города Владикавказа.

Революция окончена, большевики уничтожены. Это говорю вам Я — главноначальствующий над городом.

Вы должны знать, что всякая агитация поведет со стороны НАСТОЯЩИХ ХОЗЯЕВ области к жестокой расправе. Все это вместе создаст снова страшную разруху в городе и тогда уже не придется мечтать о покое, налаженной жизни и проч.

После 9 часов вечера никто не смеет появляться на улице. С 7 часов до 9 хождение может иметь место только посередине улицы.

В любое время запрещено собираться в группы более трех человек. По неисполняющим эти требования огонь будет открыт без предупреждения.

Остерегайтесь, иначе снова СМЕРЧ налетит на город и немногие из вас увидят прекрасную кавказскую весну!

Подлинное подписал: Начальник гарнизона, генерального штаба полковник Беликов.

Верно, начальник администр., - оперативного отделения полковник Сергеев».

Вот когда Ною Буачидзе в полной мере пригодились его талант и огромный опыт организатора и руководителя боевых дружин. Нужно было как можно быстрее, в самые ближайшие часы, создать оборону Молоканской, Курской, Верхне-Осетинской слободок. Там, в маленьких домишках, в саманных мазанках ютилась большая часть трудового населения Владикавказа.

Организация большевиками отрядов самообороны, героизм, проявленный во множестве неравных схваток с белоказаками, постоянная готовность отдать свою жизнь ради торжества революции — все это связало прочной дружбой партию и массы. Влияние ушедших в новое подполье большевиков росло.

К середине января Владикавказ оказался разделенным как бы на две половины. В центре бесчинствовали офицерские банды. Упивался властью «главноначальствующий» полковник Беликов, творил расправу бывший царский полицмейстер Иванов. Газета «Терский казак» с удовольствием сообщала: «Наблюдается усиленный спрос на кухарок, горничных и бонн. Многие состоятельные беженцы из Петрограда приобрели собственные дома».

В слободках, особенно за Тереком, отряды самообороны установили порядок. Буачидзе собирал силы для близких и решающих боев. Вторым подпольным центром большевиков стал Пятигорск. Там полулегальную партийную организацию возглавлял Киров, вернувшийся к этому времени из Петрограда. А за пределами этих двух городов события приняли совсем дурной оборот.

«По Сунженской линии, — сообщали газеты, — сплошной фронт. Станицы и аулы грабят, убивают и жгут друг друга. Густой едкий дым пожарами окутывает и нефтяные промысла. Артиллерийская, бомбометная и пулеметная стрельба ведется повседневно. Соседние осетинские и ингушские села точно так же сидят в окопах, направив винтовки друг на друга. На железной дороге — бои казаков с солдатами, возвращающимися с Кавказского фронта».

Даже Грозненский военно-революционный комитет, не разобравшись на первых порах в сути дела, направил часть красногвардейцев в помощь казакам, действовавшим против чеченцев ближних к городу аулов. Такую же ошибку руководители грозненской партийной организации чуть было не допустили и в августе 1917 года. Тогда Ноя вызвал в Грозный старый большевик, организатор профсоюза рабочих нефтепромыслов и нефтеперегонных заводов К. Б. Осипов. На заседании окружного комитета в

недостроенном здании немецкой кирхи и в личных беседах Буачидзе настаивал:

— Будьте чрезвычайно осторожны в разрешении национального вопроса. Не забывайте, что, с одной стороны, вас, авангард рабочего класса всей Терской области, окружает контрреволюционное казачье офицерство, с другой — чеченские националисты, так же люто ненавидящие революцию. Малейшим вашим промахом воспользуются и наказной атаман Караулов и нефтепромышленники, миллионеры Чермоев и Бамматов.

Сейчас, в январе, ошибку Грозненского военно-революционного комитета исправили сами рабочие. Красногвардейцы, разобравшись в чем дело, быстро покинули позиции, вернулись на нефтяные промысла. Все же горские националисты, по преимуществу офицеры той же «дикий дивизии», не преминули воспользоваться опрометчивостью грозненских революционеров.

Националисты уверяли: вот вам доказательство того, что Советы не сегодня так завтра начнут вместе с казаками войну против горцев, совместно будут громить аулы. Нечего больше раздумывать, пока не поздно, надо уничтожить большевиков!..

Казачьи атаманы охотно поддерживали эту провокацию. Помимо всего другого, они рассчитывали под прикрытием мнимого союза с Советской властью перетянуть на свою сторону возвращавшиеся с Турецкого фронта полки Кавказской армии, которые действительно стояли за большевиков.

Дальше других пошел в те дни председатель Моздокского военного комитета казачий полковник Рымарь. Он предложил немедленно созвать в Моздоке «Всеобщий демократический съезд народов области Терского казачьего войска». По идее Рымаря на съезд следовало допустить, разумеется, в небольшом числе, так, чтобы они растворились между казаками, и представителей от политических партий и горских народов, за исключением ингушей и чеченцев.

Этот терский «предпарламент» формально признает Советскую власть, получит от нее деньги и оружие и тут же объявит войну чеченцам и ингушам. А уж в ходе «законной» войны можно будет расправиться и с другими горскими народами, и, конечно же, с большевиками. Чтобы не раздражать рядовое казачество, не вредно будет бросить лозунг: «Да здравствуют Советы, очищенные от большевиков». В Моздоке он, Рымарь, уже переименовал управление атамана в «военно-революционный комитет». Попробуйте после этого возразить, что умный казачий полковник не в состоянии убить одним выстрелом сразу двух зайцев! И уж во всяком случае это не старомодный погромщик Беликов...

Идею Рымаря полностью одобрили бежавшие из Петрограда и с фронта генералы и политические деятели, уже выброшенные в центральной России на свалку истории.

Установили и дату съезда — 25 января 1918 года.

...Владикавказская и Пятигорская организации большевиков почти единогласно высказались за самое активное участие в съезде, чтобы использовать его как трибуну, попытаться повернуть ход событий на пользу революции.

11.

Член владикавказской делегации, известный в ту пору на Тереке общественный деятель и публицист, впоследствии редактор газеты «Народная власть», Дмитрий Коренев записывал свои впечатления:

«Моздок стоит у грани, за которой уже пламенеют грозные отсветы военного пожара. Атмосфера гражданской войны и всех ужасов, связанных с нею,

врывалась в самую работу областного съезда, ею окрашены первые речи депутатов, страстность их отношений к тому или иному вопросу.

Только что на станцию прибыл второй поезд с беженцами из Хасав-Юрта. Там с ночи идет настоящий бой. Железная дорога и вокзал захвачены чеченцами. Но последних, по слухам, выбили уже дагестанцы.

Между полустанком Кади-Юрт и Гудермесом спущен с рельс эшелон солдат. Сколько погибло при этом — неизвестно. Несколько поездов, относительно которых было сообщено, что они вышли из Хасав-Юрта, сюда так и не пришли.

Ясно, что в последние дни пожар перебросился на Сунжу и на кумыкскую плоскость, то есть в Хасав-Юртский округ. Не потому ли на съезде отсутствуют кумыки? Они считались нейтральным народом, по крайней мере!

Нет чеченцев, нет ингушей!

Солидная группа представителей Кабарды (30—40 человек) держится поразительно благородно, с огромным достоинством. Кабардинцы просят верить, что они искренние друзья русских и сторонники мирной культурной жизни. Готовы умереть за свободу.

Последовательная и смелая демократичность ярко проглядывает в речах представителей Осетии. Во всех своих заявлениях они примыкают к социалистическому блоку — крайне левой фракции съезда.

Этот блок — явление совершенно неожиданное. В его составе представители Владикавказской, Пятигорской, Грозненской, Кисловодской и Кизлярской демократических организаций. Они ведут отчаянную борьбу, главным образом, с казачами — носителями активных воинственных планов.

В приветственной речи лидер социалистического блока, депутат Буачидзе поставил ребром вопрос о мирном сотрудничестве с ингушами и чеченцами.

— Те народы, — сказал Буачидзе, — которые не пойдут сейчас с русской демократией, погибнут.

Съезд горит и волнуется от речей и раскалывается, раскалывается на две, противоположные по своим устремлениям, части.

— Война! — стремление одних.

— Мир, мир и мир! — стремление других.

Волнуется море голов в облаках табачного дыма.

Как трудно и с каким напряжением приходится бороться социалистическому блоку, чтобы спасти положение и удержать съезд на позиции, достойной демократии! Теперь больше, чем когда бы то ни было, видно, в какой страшный тупик затянута Терская область в своих трагических противоречиях.

Где выход? Сумеет ли съезд — предпарламент Терской республики — последняя надежда пострадавших, истомленных, истекающих кровью, тысячу раз обманутых трудовых масс — сумеет ли съезд положить конец националистическому пожару? Или — страшное слово — война?

Усиленно говорят, что Буачидзе имеет предложить съезду избрать какой-то новый орган власти — Народный Совет! Человек он умный, обаятельный, однако самых крайних взглядов. Себя совершенно не жалеет. Может ли он в таком случае дорожить интересами и жизнью других?

Председатель съезда Дмитриенко, казак Моздокского отдела, сообщил, что поступило внеочередное заявление чрезвычайной важности от военной секции и командующего полковника Рымаря. Съезд прерывает текущую работу и постановляет обсудить это заявление при закрытых дверях.

Закрытое заседание длилось очень долго и сопровождалось бурными инцидентами. Но резолюция, внесенная Буачидзе и принятая в закрытом заседании, оглашается при открытых дверях, публично.

Содержание ее:

1) Обратиться с призывом ко всем народам, населяющим Терскую область, принять участие в работах съезда.

2) Послать немедленно делегацию к ингушам и чеченцам и ко всем народам, представителей которых нет на съезде, с предложением мирного разрешения всех вопросов, волнующих их.

3) Избрать комиссию для немедленного составления декларации и всемерного, самого широкого распространения ее среди населения Терской области.

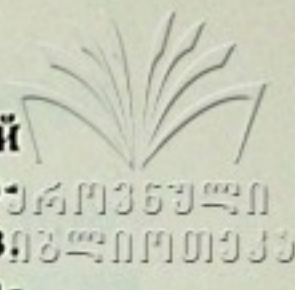
4) Приказ о наступлении отменить.

Затем, при открытых уже дверях, по требованию части казачьих депутатов, резолюция была пересмотрена вновь и часть того, что происходило в закрытом заседании, стало явью.

Вопрос был поставлен определенно: война или мир?

Часть съезда — социалистический блок, кабардинцы, осетины и казаки Пятигорского отдела — настаивала на том, что прежде чем объявить войну, надо исчерпать все возможности мирного улаживания националистических конфликтов.

Казаки же других отделов требовали объявления войны ингушам и чеченцам.

Когда социалистический блок указывал, что в руках демократии Терской области еще не было такого могучего средства, как народный съезд, это не производило никакого впечатления на воинственно настроенную часть делегатов

Угрожающие возгласы стали раздаваться по адресу социалистов и делегатов Пятигорского отдела.

Но все-таки и второй раз «Резолюция мира» была принята, правда далеко не подавляющим большинством голосов. В знак протеста полковник Рымарь и его заместитель есаул Пятирублев сложили свои полномочия, покинули съезд.

Оглашена телеграмма Терского Войскового Правительства, присланная по прямому проводу. Войсковое Правительство просит депутатов войскового круга, участников съезда, пожаловать на круг в станицу Марьянскую для организации твердой власти в области.

Почти без всяких прений съезд постановляет:

«Предложить Войсковому Правительству прибыть на съезд в Моздок для сдачи отчета».

Под гром аплодисментов принимается поправка какого-то депутата-казака:

«Предложить бывшему Войсковому Правительству...»

Что-то непонятное происходит за стенами моздокского кинематографа, где уже пятый день работает съезд. Делегаты, близкие к полковнику Рымарю, те, кто больше всего настаивал на объявлении войны чеченцам и ингушам, шумно требуют признать власть Совета Народных Комиссаров. Ссылаются на наказания своих станиц.

Кабардинцы и осетины подозревают, что казаки преследуют какую-то свою тайную, злую цель. Фракция иногородних тоже сомневается, откуда вдруг такая горячая симпатия казачьих старшин к советской власти?

Первые проблески взаимного доверия снова сменяются крайней подозрительностью. Если новая трещина углубится, съезд будет сорван или пойдет по пути, который окончательно дискредитирует демократические возможности на Тереке.

Ждем, что скажет социалистический блок. Ему, как говорится, все карты в руки. Буачидзе даже лично знаком и дружен с председателем Совета Народных Комиссаров Ульяновым-Лениным.

Сегодня, 29 января, 132 делегата подписали предложение признать центральную советскую власть. Решили до голосования заслушать мнение социалистического блока.

Социалисты выставили докладчиком нашего уважаемого владикавказца Сергея Мироновича Кирова. Вначале его часто прерывали негодующими возгласами, а проводили долгими аплодисментами. Все четыреста делегатов согласились с Кировым, что наша первая задача — «Объединение, объединение и объединение. Если трудовой казак не будет жить мирно с трудовым горцем, то и Совет Народных Комиссаров нам не поможет».

Значит, сначала мир, объединение, участие в работе съезда представителей всех без исключения народов, населяющих Терскую область, и тогда, в спокойной обстановке, подчиняясь только своим убеждениям, признание власти Совета Народных Комиссаров России...

Я слышал, Буачидзе говорил депутатам, окружившим его после заседания: большевики никогда не были сторонниками легких побед. Мы не желаем действовать так, чтобы дать хоть кому-нибудь повод говорить, будто социалисты раскалывают народ. Объединение и мир — это самое лучшее признание советской власти.

Если нам не удастся объединить вас теперь, то вы придете к этому путем новых страданий, ошибок, через неделю, через месяц.

Тороплюсь, уезжаю с мирной делегацией в Чечню. Буачидзе, действительно, выступил с предложением создать Терский Народный Совет и в его составе обязательно предоставить места чеченцам, ингушам, кумыкам.

Новый орган народной власти должен сразу заняться решением таких трепещущих вопросов, как земельный, национальный, продовольственный, повести борьбу с хозяйственной разрухой.

Снова склоняюсь к той мысли, что Буачидзе очень душевный человек. Делегаты и многочисленная публика у входов с благодарностью приняли его слова: «Когда мы приехали на съезд, нам говорили: если вы посмеете заикнуться о мире, о дружбе с ингушами или чеченцами, казаки вас растерзают. В прошлом нас уже терзали в царских тюрьмах, на каторге, наших товарищей расстреливали, вешали. Решили, пусть пострадаем и теперь, но выполним свой долг».

И вы, сам народ, поняли нас, раскрыли нам свои чистые сердца. Сила власти — вы сами, ваша поддержка».

Второго февраля 1918 года в городе Пятигорске член Народного Совета и председатель Коллегии по охране общественного и революционного порядка в Терской области Ной Буачидзе подписал декрет № 1.

«Всем революционным советам рабочих, казачьих, солдатских и крестьянских депутатов, всем станциям Владикавказской железной дороги, городским, станичным, аульным и хуторским самоуправлениям, согласно воле съезда народов в Моздоке, подчиняться исключительно Терскому Народному Совету. Ему вручена вся полнота военной и гражданской власти.

Распоряжения находящегося во Владикавказе самозванного Терско-Дагестанского правительства исполнению не подлежат».

Другой написанный Ноем декрет обязывал все органы власти «энергично заботиться» о том, чтобы к 16 февраля в Пятигорск смогли прибыть делегаты Второго съезда народов Терской области.

Раньше других приехали кабардинцы. В солнечный день снежные вершины их гор были хорошо видны с балкона комнаты, где работал Буачидзе.

Бетал Калмыков сейчас же отправился к Ною. Могучий и крупный — скала-человек — Бетал осторожно, со скрытой мужской любовью обнял маленького ростом Ноя, поцеловал. Ною Калмыков также очень нравился. Он много ждал от Бетала и радовался каждой новой встрече с ним.

— Как думаешь, Бетал, чеченцы и ингуши пришлют делегатов? — не без тревоги спросил Буачидзе.

— Я знал, такой вопрос обязательно будет, — живо отозвался Калмыков. Понизив голос, хотя в комнате никого посторонних не было, Бетал продолжал: — Я посылаю одного кунака к Асланбеку Шерипову. Не надо объяснять: прежде чем горячий, смелый юноша становится мужчиной, проходит время. Он вначале не знает, где настоящая дорога, разные тропы пробует. Так и Асланбек в «Горский Союз» попал, рядом с Чермоевым и Каплановым сидел. Когда понял, в лицо им бросил: «Не дам обманывать наш чеченский народ. Вы клянетесь именем Шамиля, он бы давно отрубил вам головы!» Я говорю, Асланбек Шерипов приедет. Ничего, что дорога опасная, — через казачьи станицы. Будут чеченцы, тогда и ингуши обязательно придут. Они, как мы, кабардинцы, с балкарцами. Два народа — одна семья!

— И я, Бетал, очень верю, что чеченцы и ингуши будут с нами. Хочешь, я открою тебе маленький секрет. Мы с Кировым ходили в гостиницу, выбрали комнаты для делегатов этих двух народов. На втором этаже рядом с вами, кабардинцами. Не ошиблись мы?

...К открытию съезда прибыло 569 делегатов — представителей от казачества, горцев, национальных районов, солдат, «Всероссийского Совета крестьянских депутатов».

Чеченцев и ингушей не было.

Сразу после короткой приветственной речи Ноя Буачидзе фракция казаков внесла предложение: «считать ингушей и чеченцев отмежевавшимися от других народов и потому враждебных как Российской власти, так и народам Терека».

Председатель съезда сказал, что голосование будет проведено после того, как представители всех групп огласят свои декларации. Впереди еще много заседаний.

Ингуши вошли в зал как раз во время выступления председателя казачьей фракции есаула Померанцева. Два десятка стройных, суровых, вооруженных «до зубов» людей. В начале пути их было больше. Трех

офицеры убили во Владикавказе. В степи за станицей Змейской похоронили еще одного...

Лишь после долгих и трудных переговоров ингуши согласились приходить на заседание съезда без винтовок. Зато первый делегат Чечни Асланбек Шерипов не имел при себе даже неперменного кинжала. С самого начала он держался доверчиво, охотно вступал в разговоры, заразительно смеялся. Но когда Асланбек одним неслышным прыжком перенесся со своего места на трибуну, перед съездом предстал грозный и беспощадный, ни перед чем не отступающий человек. И тогда совсем не трудно было поверить, что в горах и в долинах, на Сунже и на Тереке слово Шерипова имеет огромную цену, а о его храбрости складывают легенды.

Пройдет шесть-семь месяцев, и во время знаменитой стодневной обороны Грозного Серго Орджоникидзе скажет молодому чеченцу: «Молодец, Шерипов. Я видел, как ты умеешь бить врага словами с трибуны.¹ Теперь я увидел, что и в бою ты так же храбр и решителен. Хорошо провел операцию. Только советую впредь таких штук не повторять. Нельзя скакать по улице под пулеметным огнем. Твоя жизнь еще очень пригодится и рисковать не к чему».

«Я понимаю», — согласится Асланбек, вскочит на коня и поведет своих чеченцев в новую атаку...

13.

Ной хорошо знал этот казенный кирпичный дом на Евдокимовской улице во Владикавказе. Внизу, на почте, ему случалось бывать. Но сейчас начальник караула предложил подняться по винтовой лестнице на третий этаж.

В самом конце коридора, в небольшой комнате, у аппарата сидел старик-телеграфист. Он строго через пенсне оглядел вошедших: чем могу служить? Ной назвал себя, сказал, что пришел говорить по прямому проводу с Лениным.

Старик быстро застучал ключом. Побежала лента... Внезапно аппарат замолк. Буачидзе стеснялся спросить, что случилось. Волнение, как будто без причины охватившее его с утра, усилилось. С каждой минутой становилось все труднее ждать. Левая рука потянулась тереть бороду.

Отчетливо вспомнилась робкая петроградская весна, шумные встречи друзей, только что вернувшихся с царской каторги, или как он, Ной, из эмиграции, бурлящий с утра до ночи двухэтажный особняк Кшесинской, последний перед отъездом на Терек разговор с Лениным... Как же быстро промелькнули эти десять месяцев! А было ли хотя бы десять спокойных дней? В мандате Центрального Комитета говорилось, что он послан для разъяснения среди широких масс политики Российской социал-демократической рабочей партии большевиков. Как же теперь отнесется Ленин к тому, что агитатор Буачидзе стал главой правительства новой Советской республики? На заседании большевистской фракции Пятигорского съезда товарищи утверждали, что мандат Центрального Комитета как раз обязывает Ноя стать во главе Совета Народных Комиссаров.

— Гражданин Ленин спрашивает, кто у аппарата во Владикавказе? — наконец донесся до Ноя голос телеграфиста.

— Отвечайте: Буачидзе, Юрий Фигатнер — Народный комиссар

¹ С. Орджоникидзе впервые познакомился с Шериповым на IV съезде народов Терской республики. (Прим. автора).

внутренних дел, Захарий Палавандашвили — член Терского Народного Совета.

Ленин попросил рассказать обо всем, что товарищу Нюю представляется необходимым. У Буачидзе был заранее написан сжатый рассказ о Моздокском и Пятигорском съездах, о том, что казачество и горские народы дружно высказались за Советскую власть и неразрывную связь с Россией. С правительством миллионера Чермоева и князя Капланова, продолжавшим именовать себя центральной властью Терской и Дагестанской областей, окончательно покончено. Несколько часов назад помещение этого правительства опечатано его же «государственной печатью». Бежавшие министры прихватили с собой кассу Терского казачьего войска.

Созданные большевиками в начале января отряды самообороны трудового населения владикавказских окраин успешно разоружают офицерские сотни. В долинах и в горах постепенно наступает мир, но еще кое-где вспыхивают отдельные очаги войны. Накануне приезда во Владикавказ делегатов Пятигорского съезда и правительства Терской республики националисты организовали столкновение осетин и ингушей. В районе Ольгинская — Базоркино еще продолжается перестрелка.

Главари меньшевиков и правых эсеров все более сближаются с казачьими атаманами. Они курсируют между английской военной миссией во Владикавказе и поместьем полковника Рымаря под Моздоком.

Сейчас усилия направлены на быстрейшее проведение земельной реформы. Некоторые станицы, например, Сунженская и Тарская — это бывший аул Онгуш, откуда и название «ингуши» — будут освобождены от казаков и возвращены горцам. Казаки сразу же получают пахотные земли в Пятигорском округе, им дадут субсидию для устройства на новом месте.

Также неотложно восстановление железнодорожного движения от Грозного и особенно от Моздока через Гудермес на порт Петровск.¹ По этой линии пойдут хлеб и продовольствие для Баку.

Владимиру Ильичу сообщение Нюя показалось недостаточным. Он попросил ответить на вопросы. Буачидзе с радостью ухватился за возможность продолжить этот крайне нужный ему разговор по прямому проводу. Нюй перестал виновато поглядывать на часы и, совсем как при бывших встречах с Лениным в Женеве или в Берне, живо объяснил, при каких обстоятельствах была признана власть Совета Народных Комиссаров и какую отповедь дали горцы меньшевикам; в каком положении пролетариат Грозного, что делается для ликвидации пожаров на нефтяных промыслах; какими вооруженными силами располагает Терская республика.

Ленина беспокоило: достаточно ли энергично большевики Терека решают земельный вопрос, почему медлят, не создают национальные военные части, налажена ли достаточно хорошая связь с партийными организациями близлежащих областей России и Закавказья; установил ли уже Буачидзе контакт с Чрезвычайным комиссаром Кавказа Степаном Шаумяном; что известно о положении в Грузии?

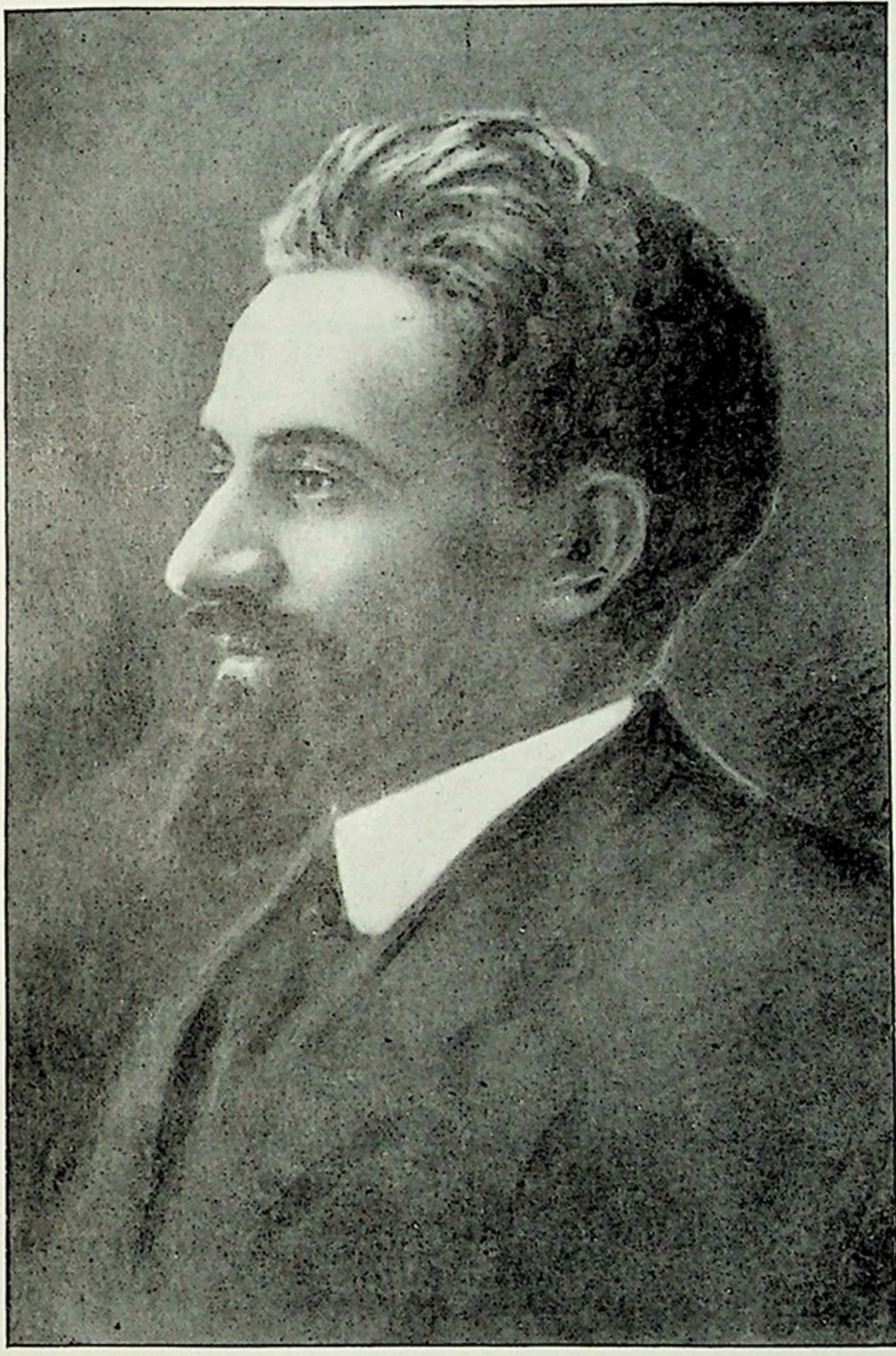
Тогда же телеграфная лента донесла до Нюя Буачидзе слова Ленина, впоследствии облетевшие весь мир:

«Мы, партия большевиков, Россию *убедили*. Мы Россию *отвоевали* — у богатых для бедных, у эксплуататоров для трудящихся. Мы должны теперь Россией *управлять*».

Учась управлять, Буачидзе еще не раз приходил в небольшую угловую комнату на третьем этаже Владикавказской почтово-телеграфной

¹ Порт Петровск — сейчас главный город Дагестана — Махач-Кала. (Прим. автора).

8

ს. ბუაჩიძე (ნოი).

РОССИЙСКАЯ ФЕДЕРАТИВНАЯ
СОВЕТСКАЯ РЕСПУБЛИКА

УДОСТОВЕРЕНИЕ

Терскій Областной Советъ
Народныхъ Комиссаровъ

16 мая 1918 г.

№ 234

Гор. Владикавказъ

Выдано настоящее удостовѣреніе тов. Сергѣю КИРОВУ въ томъ, что онъ командируется въ Москву къ Совету Народныхъ Комиссаровъ съ особо-важными порученіями, всѣ желѣзнодорожныя и военно-революціонныя власти обязаны содѣйствовать скорѣйшему продвиженію его.

Предсѣдатель Советъ

Народныхъ Комиссаровъ

Буачидзе (Ноем)

Удостоверение, выданное С. М. Кирову Председателем Терского Областного Совета Народных Комиссаров С. Буачидзе (Ноем) в 1918 году.

конторы. Старик-телеграфист вызывал Москву, и Ной с волнением ждал, покуда быстро бегущая лента сообщала: у провода Ленин.¹

14.

Совет Народных Комиссаров Терской республики издавал свою газету — «Народная власть». Во второй половине марта и в апреле 1918 года она сообщала: Ликвидация осетино-ингушского фронта... Заключение мира между ингушами и казаками... Ликвидация пожаров на Грозненских нефтяных промыслах... Восстановление свинцово-цинкового завода «Алагир»... Пахота и сев на ранее пустовавших землях... Трудовое крестьянство получает бесплатно семена... Национальные съезды — в Нальчике кабардинцев и балкарцев, в селе Христиановка — осетин, в Назране — ингушей. Войсковой съезд казачества приветствует Советскую власть...

Здесь же печатались декреты Совета Народных Комиссаров: «О передаче казенных, удельных, церковных и частновладельческих земель в распоряжение местных советов для немедленного распределения между трудовыми крестьянами без различия национальностей и пола», «О восьмичасовом рабочем дне и национализации всей промышленности и банков», «Об учреждении штаба Красной Армии в городе Владикавказе», «О формировании, обучении и политическом воспитании бойцов и командиров отряда китайских добровольцев».

В своем первом обращении к китайским добровольцам — рабочим Грозного, Владикавказа и Нальчика, рыбакам из Астрахани — Буачидзе писал:

«Ваши соотечественники, китайцы, проживающие в Петрограде, в грозный час единодушно сказали: «Китайские рабочие должны понимать, что судьба революции в Китае тесно связана с судьбой русской рабочей революции. Только в тесном единении с трудящимися России возможна победа революции в угнетенном Китае. Да здравствует единство рабочих всего мира!»

В апреле, когда триста бойцов китайского отряда научились стрелять, получили военную форму и винтовки, Ной вручил им Красное знамя Совета Народных Комиссаров. Вслед за своим командиром, бывшим матросом Пау Ти-саном каждый доброволец дал торжественную клятву: «Революционная Россия стала нашей второй родиной. Мы клянемся быть ее верными бойцами, солдатами революции». В первых же боях китайцы подтвердили, что клятва их свята. И на Северном Кавказе, и под Астраханью красногвардейцы-китайцы всегда стояли насмерть. Командование с полной уверенностью в успехе посылало их на самые важные участки.

В революционные и свои национальные праздники китайцы устраивали концерты, пели песни далекой родины, играли на тростниковых дудочках, танцевали под удары барабанов, состязались в ловкости. Непременным гостем у них был Буачидзе.

Ной часто бывал и в сводном отряде грозненских рабочих. Это был первенец, основоположник вооруженных сил Терской республики. Еще в феврале Буачидзе направил в Петроград с письмом к Ленину одного из первых грозненских революционеров, члена партии с 1904 года К. Б. Оси-

¹ Покойный Филипп Евсеевич Махарадзе, бывший в начале 1918 года членом бюро Кавказского краевого комитета партии и Народным комиссаром финансов Терской республики, вспоминал: «Несмотря на то что Терская республика была отрезана от центра многочисленными фронтами, связь с Москвой поддерживалась и Владимир Ильич говорил с Буачидзе по прямому проводу и по радио. Это чувствовалось даже в отношении Ноя к нуждам населения». (Прим. автора).

пова. Ной просил Владимира Ильича выделить оружие для грозненских рабочих.

Осипова принял Председатель Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Свердлов. Яков Михайлович сказал, что Ленин, Народный Комиссар по делам национальностей Сталин и он обсудили письмо товарища Ноя. Его предложение принято. Сейчас время крайне трудное, враг рвется к Петрограду, каждая винтовка на счету, но для грозненских рабочих правительство выделит оружие из последнего. Через несколько дней Осипов получил эшелон с винтовками, боеприпасами и легкими пулеметами, а также пять миллионов рублей.

На станции Минеральные Воды Буачидзе встретил эшелон с оружием и сам занялся его дальнейшей судьбой. Осипов, вернувшись в Грозный, сообщил бюро Окружного Комитета партии: «Я обстоятельно рассказал Буачидзе о своей поездке в Петроград, о беседах со Свердловым и вручил письмо Владимира Ильича Ленина, адресованное товарищу Ною... Буачидзе просил передать большевикам Грозного, что теперь все зависит от них. Оружие уже есть. Из грозненских рабочих можно создать первоклассные вооруженные силы, и наша партия будет иметь на Тереке солидную опору».

При Грозненском совете тотчас же начала работать военная коллегия во главе с Михаилом Левандовским, впоследствии одним из крупнейших работников Красной Армии. В отряды записывались лишь те, кто имел рекомендацию от рабочих коллективов или партийной организации. Вскоре Грозный увидел красноармейскую пехоту, конницу и артиллерию.

В мае Буачидзе уже мог сообщить Ленину, что его поручение выполнено: Терская республика имеет национальные части — чеченскую, кабардинскую, осетинскую, имеет отряды добровольцев — рабочих и казаков, имеет красногвардейцев — грузин и китайцев. Грузинский отряд привел по Военно-Осетинской дороге, через Мамисонский перевал, народный герой, бесстрашный Саша Гегечкори.

Происходили в те дни и другие события.

В ночь на 20 апреля член Пятигорского военно-революционного штаба, бывший кустарь-сапожник Нижевясов по заданию руководителя «объединенного меньшевистско-казацкого центра» Бигерахова поднял мятеж. Пьяные приспешники Нижевясова арестовывали и расстреливали большевиков и советских работников. Случайно избежавший расправы руководитель большевистской организации Григорий Анджиевский добрался до станции Минеральные Воды. Оттуда он послал телеграмму во Владикавказ — Буачидзе и в Екатеринодар — Исполкому областного Совета.

Ной выехал в Пятигорск. Туда же подошел поезд главнокомандующего революционными силами Северного Кавказа А. И. Автономова. На вокзале в вагоне Автономова Буачидзе встретился с Нижевясовым, потребовал безоговорочного подчинения Советской власти. Нижевясов начал стучать кулаком по столу и грозил Буачидзе и Автономову арестом и расстрелом. «Живыми вы из Пятигорска не уйдете! — кричал авантюрист. — Пушки двух батарей уже наведены на вокзал».

Угроз Нижевясова не испугались. Его тут же обезоружили и заперли в купе. Тем временем к вагону подошло несколько десятков мятежников. Чтобы избежать кровопролития, Буачидзе заставил Нижевясова крикнуть в окно вагона: «Все идет по-хорошему, приказываю всем отправиться на места».

Сам Ной без оружия и охраны пошел на Подкумск в казарму артиллеристов-мятежников, отличавшихся особой приверженностью к Нижев-

вясову. Встретили Буачидзе враждебно, сорвали с него шляпу, оскорбляли, угрожали самосудом. Ной возможно спокойнее сказал, что к смертной казни его приговорил царский военный суд еще после первой русской революции. «Убить меня вы всегда успеете, я полностью в вашей власти, будьте же людьми, дайте произнести последнее слово».

Согласились, что это желание справедливое. Ной получил возможность говорить. Потом уже сами артиллеристы проводили Буачидзе до поезда Автономова...

Порядок в Пятигорске был восстановлен, но вскоре возникли серьезные разногласия между Буачидзе и Анджиевским. Солдат-фронтовик, оказавшийся в Пятигорске после ранения, Григорий Анджиевский был прекрасным человеком, очень преданным революции, но совсем неопытным партийным работником. Анджиевскому показалось, что Терская партийная организация, Буачидзе и Народные Комиссары ведут неправильную национальную политику. В одном из своих выступлений, перед довольно широкой аудиторией, Анджиевский заявил: «Терский Народный Совет и Совнарком, беря вправо, равняются на правые соглашательские партии и реакционное казачество».

Буачидзе снова поехал в Пятигорск. На городском партийном активе он доказывал, что «нельзя работать опрометчиво. Нельзя, наконец, идти напролом и на все смотреть только со своей пятигорской колокольни. Во Владикавказе тоже сидят коммунисты. Но они учитывают, что Кавказ — это не центральная Россия и что отсталость местных национальностей и их национальная рознь требуют от нас некоторых компромиссов».

Партийный актив поддержал Ноя Буачидзе. Работа Совета Народных Комиссаров и его председателя получила высокую оценку и на областной партийной конференции, состоявшейся вскоре в Грозном. В числе других за резолюцию, выразившую «полное доверие политике и тактике тов. Буачидзе как председателя Терского Совета Народных Комиссаров», голосовал и Григорий Анджиевский.

И все-таки Ной чувствовал, что Анджиевский не убежден до конца, что в душе он еще сохраняет сомнение.

— Знаешь что, Григорий, — предложил Буачидзе, — поезжай в Москву, добивайся приема у Ленина или у Сталина. Откровенно выскажи все свои сомнения, мысли, так же честно изложи мои позиции. Пусть наши руководители решат — я всегда подчинюсь и, если в чем ошибся, честно исправлю. В национальном вопросе, особенно у нас на Тереке, малейшая путаница — и та очень опасна!

Анджиевский побывал у Ленина. Вернулся в Пятигорск, созвал партийный актив и доложил: «Я, товарищи, ошибался. Ленин не только раскритиковал мою линию, но сказал, что политика Буачидзе — единственно возможная. Национальный вопрос на Кавказе можно решать только так».

15.

Ной тяжело болел. Наконец, рано утром 20 июня он поднялся и направился в Совет Народных Комиссаров.

На большой поляне рядом с бывшим кадетским корпусом Буачидзе увидел толпу, окружившую аэроплан. Откуда бы это?

Он подошел и вскоре познакомился с двумя летчиками — Александром Руссановым и Николаем Просвириным. Оказалось, сегодня в 5 часов 15 минут утра они поднялись с военного аэродрома под Тифлисом и в 7 часов 8 минут сели вот здесь на поляне. Летели над Главным Кавказским хребтом на высоте 3.870 метров. Кажется, никто раньше на такое не ре-

шался, но и обстоятельства были чрезвычайными. Они — военные летчики, — не могли изменить присяге и служить интервентам, оккупировавшим Грузию. Летчики отдают себя в распоряжение Советской власти.

— Вот и чудесно! — воскликнул Ной. — От имени народной власти я говорю вам спасибо, русские офицеры. К вам сейчас же приедет комиссар по военным делам товарищ Бутырин.

День начинался радостно. В приподнятом настроении Буачидзе начал принимать посетителей. Одной из первых в кабинет вошла уже не молодая женщина. Увидев Ноя, остановилась, всплеснула руками: «Батюшки, неужели это вы?»

Ной поспешил обнять владелицу квартиры, где он жил в 1906 году, Любовь Владимировну Осипову.

— Почему же вы опять к нам не пришли, или теперь свою квартиру имеете, хозяйка-то есть?

Ной смутился:

— Хозяйки у меня еще нет, Любовь Владимировна, но скоро обязательно будет. Жду, приедет моя невеста!..

Несложное дело Осиповой было благополучно разрешено, и Ной пошел проводить ее до крыльца. Навстречу спешил Яков Бутырин, красный, взволнованный.

— В Апшеронские казармы проникли две сотни неизвестно откуда появившихся казаков, — издали крикнул Бутырин. — Они подбивают красноармейцев взять пушки, идти совместно на ингушей.

— Едем туда скорей! — тотчас же решил Ной.

Вместе с Бутыриным они сели в автомобиль и поехали на Тифлисскую улицу, в казармы. Навстречу попался открытый автомобиль английской военной миссии. Полковник Пайк приложил руку к фуражке.

Во дворе казармы шумел митинг. Ноя узнали, приветствовали, солдаты помогли ему взобраться на стол, заменявший трибуну.

— Куда и против кого вы собрались идти? — спросил Ной. — Разве вы не видите, что перед вами не трудовые казаки, а провокаторы. Каждый, кому дорога наша республика рабочих, солдат, крестьян, казаков и горцев, сейчас пойдет на свое место и даст возможность народной власти спокойно вести дела...

Из группы казаков-провокаторов раздались выстрелы. Ной Буачидзе упал. Бутырин доставил его в госпиталь. Врачи нашли три пулевые раны. Не приходя в сознание, Ной умер.

22 июня Терская республика прощалась с главой своего правительства, бесстрашным солдатом ленинской гвардии — товарищем Ноем. Над толпой, запрудившей Александровский проспект, кружился аэроплан. Верные своей присяге, офицеры русской армии, военные летчики сбрасывали обращение Терской большевистской организации к населению Владикавказа.

Газета «Терская правда» просто и очень точно написала: «Надо так любить, чтобы так умереть».

Н. Новицкий

...ПЛЮС ЭЛЕКТРИФИКАЦИЯ

Военно-Грузинская дорога... Поэзия гор, сверкающих в вышине снегов, стремительно бегущих в долины потоков...

Многие великие русские люди впервые въезжали в Тбилиси со стороны Военно-Грузинской дороги. Этот знаменитый тракт, как и раньше, словно река в озеро, впадает в столицу Грузии, заканчиваясь на одной из ее площадей. Ехали раньше по Военно-Грузинской — вспомните Пушкина, Лермонтова, Льва Толстого — либо верхом, либо на перекладных, ночевали в заезжих, постоянных дворах, жгли здесь лучину, зажигали коптилки, дивились непроглядной тьме, спускавшейся по ночам с гор. Одни лишь звезды мерцали в вышине...

А пробовали ли вы подъезжать теперь к Тбилиси поздним вечером или ночью? Со стороны столицы Грузии на вас надвигается электрическое зарево, жарко пылающее над городом, а по обе стороны дороги черный бархат гор расшит бесчисленными блестящими электрических огней. То горят в селениях горцев лампочки, зажженные энергией Жинвальской, Пасанурской, Чохской и других сельских ГЭС. Как и все советские люди, народ Грузии называет лампочки сельских ГЭС лампочками Ильича. Их теперь сотни тысяч в селах республики,

и они ярко горят и высоко в горах, и в долинах рек, и на морском побережье.

...По Военно-Грузинской дороге вы подъехали, в наши дни, к Мцхета. И первое, что вы видите на фоне древней столицы Грузии, — гидроэлектрическую станцию и величественный памятник тому, чье имя носит эта станция. Перед нами живой, яркий символ новой, социалистической Грузии.

Когда сейчас вспоминаешь пионеров электрификации Грузии, тех, кто первым взялся за воплощение в жизнь ленинских идей, нельзя не вспомнить об Иване Дмитриевиче Шадре. Иван Дмитриевич был скульптор, человек искусства. Но, как и старых инженеров, его увлекла, захватила широта большевистских планов и замыслов. И ему захотелось создать скульптурный портрет того, кто был вдохновителем этих планов. Так родился памятник Владимиру Ильичу Ленину на Загэсе.

Как и многие русские люди, Иван Дмитриевич еще с детства помнил и любил лермонтовские строки из «Мцыри». Но до своей работы над памятником В. И. Ленину он не видел этого, может быть, самого поэтического уголка Грузии. Поездка в Тбилиси, во Мцхета помогла довершить ему творческий замысел. Скульп-

птор задался целью создать памятник, который навечно вошел бы в новый пейзаж Мцхета, где на фоне высоко вознесенного на гору монастыря, у слияния Арагви и Куры, возникла первая в Грузии крупная гидроэлектростанция. И эта задача была блестяще решена.

Вот уже много лет мы любимся творением Шадра — одним из первых в стране монументальных памятников Владимиру Ильичу. В половодье река набухает. Осенью над Мцхета шумят грозы, сверкает молния. Зимой нередко наметает много снега. Но в любую погоду, при любом освещении — в солнечный день или ночью в лучах мощных рефлекторов — памятник одинаково выразителен: перед нами волевая, устремленная вперед фигура Ильича. И кажется, что так он, этот памятник, всегда и стоял здесь, в древней столице Грузии. Он, действительно, неотделим теперь от пейзажа Мцхета, от Загэса.

Здесь, у Загэса, хорошо оглянуться на весь бурный и стремительный, как ее горные реки, путь, пройденный Грузией за годы Советской власти. Электричество преобразило лицо древней грузинской земли.

История развития гидроэнергетики в Грузии неразрывно связана с историей энергетики всей России. Да иначе и быть не могло. Крупнейшие русские специалисты и ученые не могли не видеть колоссальных запасов «белого угля» в Грузии.

Интересна история первой гидроэлектростанции Грузии. Она была пущена в эксплуатацию на курорте Боржоме 15 января 1899 года. Первая очередь Боржомской ГЭС имела мощность в 140 лошадиных сил.

В составленном и изданном в Петербурге в 1899 году отчете «Электричество в Боржоме» высказывалось пожелание, «чтобы в Боржоме, где так удачно, впервые в России, практически применены Пельтоновы колеса и водяная сила с таким значительным падением (500 фут.), такая бы получила соответственное и выгодное применение к разработке и выделке природных богатств, которыми так щедро одарен Боржом...» В этом же отчете говорилось о том, что Боржомский район «...может располагать громадной водной силой в несколько сот тысяч лошадиных сил». Полученную электроэнергию предлагалось использовать для осветитель-

ных целей в Тбилиси и для создания электрической тяги на Закавказской железной дороге. В первую очередь, имелась в виду электрификация Сурамского перевала, начальный пункт которого — Хашури находится в 30 километрах от Боржоме. Но только в 1911 году на Сурамский перевал была направлена специальная экспедиция, на основе заключений которой был составлен проект электрификации перевала. Однако тем дело и кончилось.

Специальное бюро по электрификации Сурамского перевала было создано при Управлении Закавказской железной дороги лишь после победы Советской власти в Грузии. Работа по электрификации дороги развернулась одновременно со строительством и пуском крупных гидроэлектростанций. А маленькая Боржомская ГЭС осталась станцией для местных, курортных нужд.

Вдохновленные светом ленинского замысла энергетического преобразования нашей страны, движимые чувством братской дружбы к грузинскому народу, в Грузии неоднократно бывали выдающиеся советские энергетика А. В. Винтер, Б. Е. Веденеев, Г. И. Графтио и М. А. Шателен. Они консультировали ход сооружения и эксплуатации станций. Б. Е. Веденеев и А. В. Винтер помогали энергетикам Грузии в разрешении технических вопросов, связанных с объединением энергосистем, а с именем М. А. Шателена связано создание Тбилисского научно-исследовательского института сооружений и гидроэнергетики (ТНИИСГЭИ). Г. И. Графтио, строитель Волховской и Свирской ГЭС, приезжая в Грузию, консультировал энергетиков по вопросам эксплуатации Загэса, Рионгэса и других станций.

И есть еще одно имя, без которого нельзя писать историю энергетики Грузии. Это имя одного из специалистов той ленинской плеяды ученых, которая закладывала основы нашей современной мощной советской энергетики, — Виссариона Алексеевича Чичинадзе.

С первых дней Советской власти в Грузии В. А. Чичинадзе пошел за большевиками, пошел так же, как это сделали Винтер, Веденеев, Александров и другие специалисты-энергетики.

Никто так не знал сказочных энер-

Памятник В. И. ЛЕНИНУ
у плотины Земо-Авчальской гидроэлектростанции.
Фотокомпозиция К. Крымского.

гетических возможностей Грузии, как Виссарион Чичинадзе — инженер с широчайшим кругозором, умевший смотреть далеко вперед. Старшее поколение грузинских энергетиков хорошо помнит этого высокого, подтянутого, стройного человека, блестящего оратора, умевшего зажигать аудиторию увлекательным рассказом о замечательных перспективах индустриализации республики на базе ее электрификации. Да, Советская власть дала этому инженеру работу по плечу!

— Я требую от вас смелости мысли, размаха, — говорил своим ученикам профессор Чичинадзе. — Помните всегда, что вы живете в Грузии — стране с неисчислимыми запасами «белого угля», в республике рек...

Это же говорил Чичинадзе и на Загэсе имени В. И. Ленина, строительством которой он руководил от первого и до последнего дня.

Виссарион Алексеевич Чичинадзе был затем председателем ВСНХ Грузии, Уполномоченным Наркомтяжпрома в республике. Но было бы ошибкой считать, что круг его интересов, как инженера, был ограничен только Грузией. Возглавляя Гидроэлектропроект, Чичинадзе консультировал, в частности, такие стройки, как Свирьгэс.

* * *

В. И. Ленин, будучи хорошо знаком с природными богатствами Кавказа, считал, что здесь можно широко развить электрификацию на базе использования колоссальных запасов «белого угля». Поэтому он ставил, как первоочередную задачу, развитие электрификации. По распоряжению В. И. Ленина Грузии было выделено для строительства Загэса 700 тысяч рублей золотом.

Массовым воскресником трудящихся Тбилиси 10 сентября 1922 года началось строительство деривационного канала Земо-Авчальской гидроэлектрической станции. Организатором и руководителем этого воскресника был Серго Орджоникидзе. Пуск станции 26 июля 1927 года превратился в Грузии в народное торжество. Многие квартиры трудящихся Тбилиси получили электрический свет. Была создана энергетическая база для ввода в эксплуатацию новых предприятий столицы Советской Грузии.

«Рабочий класс и крестьянство Грузии и Закавказья, — сказал М. И. Калинин на митинге, посвященном открытию Загэса, — с чувством большого удовлетворения могут отметить свою первую значительную победу над силами природы».

На следующий день после пуска Загэса состоялась закладка Рионской гидроэлектрической станции имени И. В. Сталина.

Загэс сыграла крупную роль в подготовке кадров энергетиков Грузии, была для них первой практической школой. Они составили затем основное ядро строителей Рионской, Аджарисцхальской, Храмской, Сухумской и других гидростанций. Ряд новых технических решений, осуществленных на строительстве Загэса, нашел свое применение в последующей практике строительства гидроэлектростанций в Грузии.

Все крупные электростанции республики ныне объединены в единую систему. Она была создана в 1934 году. Тогда в «кольцо электростанций» входили лишь Загэс и Рионгэс. По мере строительства и ввода в эксплуатацию новых электростанций росла и расширялась и система Грузэнерго. Нынешнее Управление Грузэнерго Совнархоза Грузии объединило более двадцати крупных электростанций. Ко всему этому надо добавить, что к Грузэнерго в 1954 году была присоединена линия от Мингечаурской ГЭС — крупнейшей электростанции братского Азербайджана.

Линия передачи от Мингечаурской ГЭС положила начало объединению двух энергосистем — Грузинской и Азербайджанской. Первый опыт их совместной эксплуатации полностью себя оправдал. В дальнейшем к ним будет присоединена и Армянская энергосистема. Образуется, как это предусмотрено Директивами XX съезда КПСС, объединенная Закавказская энергетическая система, знаменующая собой более высокую и надежную культуру эксплуатации электростанций трех республик. Это будет важным шагом к будущему объединению с другими энергетическими системами страны — сначала с энергосистемой Северного Кавказа, а затем и со всей Единой высоковольтной сетью Европейской части СССР.

С момента пуска Загэса техника управления электростанциями в Грузии шагнула далеко вперед. Сейчас

управление всеми станциями Грузэнерго осуществляется из единого пункта, при этом внедрена автоматизация почти всех агрегатов, установлены новые виды релейных защит и автоматики на подстанциях и линиях электропередачи. Это особенно важно в сложных условиях рельефа Грузии, где линии передачи нередко проходят на высоте до двух тысяч метров над уровнем моря.

Республика рек — Грузия покрыта сейчас густой сетью гидроэлектростанций. Среди них выделяются каскады ГЭС, действующие и строящиеся на Куре и Риони. Созданы также регулирующие горные станции со своими мощными водохранилищами. Большинство крупных гидроэлектростанций Грузии представляет собой сложные, оригинальные по замыслу инженерные сооружения.

В чрезвычайно трудных горных условиях, вдали от железной дороги было осуществлено строительство Храмской ГЭС. Это одна из мощных горных высоконапорных гидроэлектростанций Европы.

Некогда, в доисторические времена, в этих краях находилось большое озеро, в которое впадала река Храми. С течением времени вода пробилась себе путь сквозь скалы, и озеро исчезло, утекло. Осталась громадная впадина, котловина. Строители преградили путь реке Храми каменной плотиной в том месте, где река выходит из котловины. Снова появилось озеро. Но создать водохранилище и воздвигнуть плотину было только первой частью проблемы. Другая часть, не менее важная, состояла в том, чтобы подвести воду из искусственно созданного озера к турбинам. Для этого был проложен туннель и смонтирован металлический трубопровод.

Храмская ГЭС — регулирующая гидростанция. Назначение ее состоит в том, чтобы в период осенне-зимнего маловодья восполнять недостачу гидроэнергии в кусте электростанций Грузии. За лето в озере накапливается вода, которая затем, в течение зимы и осени, расходуется для выработки большого количества электроэнергии.

В шестой пятилетке должна быть пущена в эксплуатацию Храмская ГЭС № 2, являющаяся второй ступенью каскада ГЭС, сооружаемых на реке Храми. Строительство ее проте-

кает тоже в сложных условиях. Но строители лучше вооружены сейчас техникой, быстрее рушат скалы, пробивают в них туннели. Храмская ГЭС № 2 будет использовать отработанные воды ГЭС № 1 и воды попутных горных речек. Чуть поодаль от здания ГЭС № 1 будет воздвигнута бетонная плотина. Она поднимет уровень отработанных вод Храмской и соседней сельской Дашбашской станции и образует бассейн емкостью до 300 тысяч кубометров. Отсюда водные потоки, в которые волеются попутные речки, пройдут по туннелю, создающему большой напор, и с высоты по трубопроводам устремятся к турбинам. Огромная сила падающей воды будет преобразована в сотни миллионов киловатт-часов дешевой электроэнергии.

Вслед за Храмской в Грузии появились и другие регулирующие ГЭС. С пуском их резко увеличилась подача электроэнергии в промышленные центры республики, особенно в зимние месяцы, повысилось качество работы всей системы Грузэнерго.

Высоко в горах расположено небольшое ущелье Шаори. Сюда весной, когда тают снега, устремляются потоки вешних вод. Много воды несет по склонам гор в долину Шаори и во время характерных для Западной Грузии обильных дождей. Однако все эти огромные запасы влаги внезапно исчезают. Исследования показали, что они теряются в карстовых отложениях и затем впадают в подземные реки.

Задержать просачивание этих вод под землю, создать крупное водохранилище с тем, чтобы затем постепенно сбрасывать воды с большой высоты и использовать возникающую при этом энергию, — такова цель, которую поставили перед собой несколько лет тому назад строители одной из самых высоконапорных гидроэлектростанций в нашей стране — Шаори-ГЭС.

Второй ступенью Шаори-Ткибульского каскада является Ткибульская ГЭС, вступившая в строй в 1956 году.

Оригинальными по своему инженерному замыслу являются и другие ГЭС Грузии как действующие, так и строящиеся. В черте Тбилиси на реке Куре сооружена Ортачальская ГЭС, особенность которой состоит в том,

что гендздание станции находится в теле, в бычках плотины. Спаренными, сдвоенными являются Гуматские ГЭС, из которых ГЭС № 2 вступила в эксплуатацию в 1956 году. На строительстве Ладжанурской ГЭС, — а она будет первой в республике подземной ГЭС — осуществляется переброска вод рек Цхенис-Цхали и Ладжанури в Риони по принципу «река в туннеле». На перепадах Верхне-Магистрального канала Самгорской оросительной системы построены три Самгорских ГЭС — Сацхенисская, Тетрисхевская и Марткобская. Таким образом, энергетика Грузии со всем многообразием ее сложных станций, часто непохожих друг на друга, представляет собой своеобразную энциклопедию электрификации.

Самым результативным за время гидроэнергостроительства в Грузии был первый год шестой пятилетки. В течение этого года трест «Грузгидроэнергострой» ввел в эксплуатацию десять гидроагрегатов. Их общая мощность равна примерно мощности трех с половиной Загэсов. Три с половиной Загэса за один год — таковы масштабы гидроэнергостроительства в Грузии в шестой пятилетке!

А как выглядит сегодня сама Загэс? Работа идет бесперебойно. Станция тридцать лет в строю и все это время действует, как хорошие часы.

На Загэсе много ветеранов производства. Это те, кто пришел сюда еще в дни строительства, а затем, когда станция была пущена в эксплуатацию, остался на ней и проработал все эти тридцать лет. Судьба у них одинакова: были они сначала, как тогда называлось, чернорабочими, а потом стали производственниками высокой квалификации. Владимир Михайлович Татуашвили теперь старший электромонтер, Иван Артемьевич Кипиани — мастер машинного цеха, а Давид Васильевич Геладзе, с гордостью рассказывающий о том, что он в 1922 году в числе первых ударил киркой на месте нынешней ГЭС, стал мотористом гидроцеха. В прошлом году ушли на пенсию И. О. Чохонелидзе, З. Г. Окруашвили и другие старые загэсовцы.

Из инженеров первого призыва на станции сейчас нет никого. Пройдя школу Загэса, они ушли на другие электростанции республики. Первыми дежурными инженерами Загэса были нынешние главный диспетчер

Грузэнерго Совнархоза Грузии К. Ф. Гагнидзе и заместитель главного инженера треста «Грузгидроэнергострой» С. К. Кавкасидзе. Сколько поколений грузинских специалистов-энергетиков прошло через эту станцию, приобретя здесь богатый опыт работы! Сейчас самым молодым является здесь дежурный инженер Д. Л. Санеблидзе, два года назад окончивший Грузинский политехнический институт.

Загэс стала школой большого производственного опыта и для друзей из стран народной демократии. Замечательна дружба загэсовцев с албанскими энергетиками. В 1955 году около Тираны вошла в эксплуатацию ГЭС имени В. И. Ленина. С полным правом эту станцию можно назвать «албанским Загэсом», ибо и она носит имя Владимира Ильича Ленина, и значение ее для Албании такое же, как Загэса — для Грузии. Больше года провели на Загэсе пять молодых энергетиков из Албании. Здесь они приобрели специальности машинистов по гидротурбинам и электротехников. Руководство станции прикрепило к ним преподавателя русского языка. А вместе с русским они обучались и грузинскому языку. И сейчас учителя получают от своих учеников письма из Албании, в которых русские слова нередко перемежаются грузинскими. На Загэсе побывала находившаяся в Тбилиси группа специалистов албанского энергетического хозяйства — его главный директор Вакефли Ираклий, главный диспетчер Папа Иосиф, главный инженер ГЭС имени В. И. Ленина Чармаджи Панды. Разумеется, учителя послали через членов делегации свои приветы ученикам в Тирану.

Когда-то Маяковский писал о заводах, вырабатывающих счастье. Станция вырабатывает не только киловатт-часы электроэнергии. Здесь рождаются замечательные человеческие чувства любви, дружбы, братства. Сюда еще не раз будут ездить учиться наши друзья из-за рубежа!

Первая турбина Загэса — ленинградская, с Металлического завода имени И. В. Сталина. Она, как и все другое оборудование, и поныне отлично несет свою службу. Станция работает безотказно. Но сегодняшняя Земо-Авчальская ГЭС мало похожа на ту, которую трудящиеся Тбилиси увидели тридцать лет назад в

день ее пуска. Мощность ее утроилась. ГЭС теперь полностью автоматизирована. Рядом со станцией вырос поселок, напоминающий своими коттеджами и садами маленький курорт. Поселок связан с Тбилиси автобусной линией...

* * *

В 1920 году на пуске первой в стране сельской ГЭС в селе Кашино присутствовал В. И. Ленин. «Ваша деревня Кашино, — сказал тогда Владимир Ильич Ленин, — пускает электрическую станцию. Замечательное дело! Но это только начало. Наша задача в том, чтобы вся наша республика была залита электрическим светом...»

Грузинские крестьяне, как и кашинские, раньше зажигали у себя коптилки или жгли лучину. Но уже в первые годы после установления Советской власти в республике началась электрификация грузинской деревни. Теперь русскую деревню Кашино в Грузии вспоминают каждый раз, когда пускают в эксплуатацию новую сельскую ГЭС. И как и кашинцы, крестьяне нашей республики радостно говорят: «Вот и загорелись у нас лампочки Ильича!». А вслед за лампочками Ильича появляются в деревне радио, холодильники, телевизоры... Вспоминаю, что одну из первых телепередач из Тбилиси я смотрел, сидя в доме колхозника в селе Велисцихе Гурджаанского района.

Вот несколько цифр: в 1937 году в Грузии насчитывалось 10 сельских ГЭС. Дальше темпы нарастали исключительно быстро. В 1940 году было уже 24, в 1950 — 157, в 1952 — 229, в 1955 — 234 и в 1956 году — 236 сельских электростанций. В республике электрифицировано уже более двух тысяч колхозов. В последние годы широкое развитие получило строительство межколхозных ГЭС. Около 30 колхозов, например, принимают участие в сооружении Чхороцкугэс, которая будет самой крупной из сельских станций. А на конец 1965 года намечена сплошная электрификация сельских районов Грузинской ССР.

Сельская электрификация имеет в Грузии свою индустриальную базу. Создан специальный электромеханический завод. Значение его уже давно вышло за пределы республики.

Так, например, трубопроводы с маркой Тбилисского электромеханического завода установлены в Латвии на Спруктагэс, Весетагэс и Нидрицагэс. В последнее время завод освоил выпуск закрытых металлических подстанций, удешевив их стоимость почти в три раза. Много потрудился уже завод и для целинных земель. Там, где ГЭС, — там и орошение. Завод освоил производство оборудования и для ирригационных систем: изготовлены тысячи ползунковых скреперов для выравнивания орошаемых земель. Этот механизм с успехом используется и в Самгори, и на Алтае, и во многих других уголках нашей страны.

В 1956 году выработка электроэнергии в Грузии увеличилась в сравнении с 1913 годом в 120 раз. Колоссальный рост! Это значит, что сейчас каждые три дня в республике вырабатывается столько электроэнергии, сколько ее ежегодно давали перед первой мировой войной все электростанции Грузии. И все же в республике ощущается нехватка электроэнергии. Почему? Да потому, прежде всего, что Грузия в целом совершенно не та, какой была в досоветские годы. Ныне это — республика металлургической, автомобильной, станкостроительной и других весьма развитых и весьма энергоемких отраслей промышленности. Наконец, гигантски шагнула вперед культура, а культура — это тоже электричество.

Немало сделано и в области энергетики, но в то же время нет еще такого положения, когда темпы развития энергетики опережали бы темпы развития всех остальных отраслей промышленности. Например, металлургия в Грузии вырвалась далеко вперед и по темпам развития обогнала энергетику.

В последнее время предпринимаются большие усилия к тому, чтобы обеспечить, как того требуют решения XX съезда КПСС, опережающие темпы развития энергетики.

1958 год будет годом пуска Гуматской ГЭС № 1. В этом же году на строительстве Ладжанурской ГЭС будет осуществлен переброс вод реки Цхенис-Цхали в Риони, и выработка уже существующих двух ГЭС Рионского каскада — имени Сталина и Гуматской № 2 — резко увеличится. Пуск Ладжанурской ГЭС назна-

чен на 1959 год. В 1960 году должна дать ток Храмская ГЭС № 2. Дефицит электроэнергии тогда немного смягчится. Но он — это надо сказать прямо — не будет ликвидирован полностью.

Давайте, посмотрим вперед: ведь у нас еще много неосуществленных инженерных замыслов, в том числе и замечательных по своей смелой и реальной силе наметок Виссариона Алексеевича Чичинадзе. Строители уже сегодня в большинстве своем, например, за скорейшее начало работ по возведению Варцихской ГЭС на Риони. Технический проект этой крупной станции готов, и строители жаждут начать дело прямо с 1958 года, почти одновременно с началом работ на Дарьяльской ГЭС. Большая степень готовности отличает и проект Намохванской ГЭС, — тоже на Риони. И это не последнее слово Риони. Выше Ладжанури имеется возможность создать еще три станции. Таким образом, в общей сложности Рионский каскад сможет обогатиться еще по крайней мере пятью гидроэлектростанциями. Скорейшее осуществление этих замыслов позволит уже в будущей пятилетке окончательно стабилизировать энергетический баланс Грузии.

Создание Совнархоза Грузии дало возможность лучше управлять энергетикой республики, решительнее двигать вперед ее развитие. Внешне как будто бы перестройка руководства промышленностью не коснулась энергетической системы. Было Грузэнерго, стало Управление Грузэнерго Совнархоза Грузии. Тот же аппарат, те же люди. На самом же деле повысилась ответственность этого аппарата, и он намного приблизился к производству, к подлинным нуждам народного хозяйства республики. Так, быстрыми темпами осуществляется сейчас переход на радиорелейную схему, то есть передачу сигналов и словесных распоряжений по радио, благодаря чему упрощается и становится надежнее связь с любой электростанцией, входящей в систему Грузэнерго. Наконец, все увереннее прокладывают себе дорогу автоматика и телеуправление. Если сейчас в Грузии имеются две крупные станции «на замке» — Сухумгэс и Ацгэс, то скоро их станет намного больше. А

это означает высокую культуру эксплуатации ГЭС. Добавьте еще к этому телевизионные экраны, которые также в самом недалеком будущем появятся в Управлении и на станциях, и тогда еще яснее станет, что эксплуатация крупных электростанций прочно стоит в Грузии на пути технического прогресса.

Всепроникающая роль электричества высоко подняла значение инженера-энергетика. В Грузии это как-то особенно чувствуется. Есть своя закономерность в том, что правительство и Совнархоз республики возглавляют инженеры-энергетики. Не только на командных постах в энергетической и других отраслях промышленности, но и на руководящей партийной и общественной работе немало инженеров - электрификаторов. Приезжаешь, порой, в сельский район, беседуешь с секретарем райкома, и вдруг узнаешь, что он энергетик, воспитанник Грузинского политехнического института. Не удивительно, что у такого партийного руководителя больше вкуса к вопросам электрификации.

В Грузии за последние годы выросло новое поколение инженеров-энергетиков: проектировщиков, строителей, эксплуатационников. Все они прошли большую школу черновой практической работы на энергостройках республики. Вот, например, каков творческий путь нынешнего управляющего трестом «Грузгидроэнергострой» Ираклия Михайловича Мгебришвили: преддипломная практика на строительстве Храмской ГЭС, работа в качестве техника с момента пуска этой станции в эксплуатацию. Затем — прораб, начальник участка, главный инженер на строительстве Сухумской ГЭС и уже в последние годы — главный инженер на стройках Ортачалской и Ткибульской ГЭС. Пять-шесть ГЭС на счету у целого ряда других командиров энергетического строительства в Грузии.

Новый большой оперативный творческий простор открывает перед инженерной мыслью сооружение Дарьяльской ГЭС. Уже не золотая россыпь огоньков сельских ГЭС, а целое зарево электрического света вспыхнет в самом недалеком будущем на Военно-Грузинской дороге. По мощности своей эта станция со-

ставит даже не пять, а значительно больше Загэсов.

Широко известен знаменитый рисунок М. Ю. Лермонтова «Дарьяльское ущелье с замком Тамары». Свою величественную красоту, воспетую Лермонтовым в стихах и запечатленную в оригинальном рисунке, Дарьяльское ущелье сохранит и тогда, когда стремительный Терек, пробивший себе путь сквозь горы и скалы, станет богатейшим источником электрической энергии. Путь Тереку преградит мощная плотина. Воды реки широко разольются и образуют Казбегское водохранилище. Оно обеспечит регулирование работы ГЭС. Воды отсюда будут поступать к турбинам по бетонному трубопроводу. Таким будет новый, индустриальный пейзаж Военно-Грузинской дороги. Головные сооружения Дарьяльской ГЭС будут находиться на территории Грузии, а генздание — на территории Северо-Осетинской АССР. Это будет ГЭС дружбы.

В Дарьяльском ущелье царит оживление, которое, как всегда, предшествует началу подготовительных работ и созданию крупных гидротехнических сооружений. А в Тбилисском отделении «Гидроэнергопроекта» полным ходом идет составление проекта Дарьяльской ГЭС. Учитывая материалы Дарьяльской экспедиции, проектировщики решают сложные задачи по созданию станции. Особенность этой ГЭС, как и действующих Храмской № 1 и Ткибульской, в том, что она будет вырабатывать электроэнергию в осенне-зимний период, когда реки мельчают, а потребности в электроэнергии возрастают.

По последним подсчетам Института энергетики Академии наук Грузинской ССР, общая потенциальная мощность рек Грузии составляет 15 миллионов киловатт. Около 35—40 процентов всех ресурсов гидроэнергии приходится на небольшое количество мощных рек — Риони, Ингури, Куры, Храмы и других, что весьма важно с точки зрения крупного гидроэнергостроительства. Но дальнейшее развитие гидроэлектростроительства в Грузинской ССР связано и с особенностями, со специфичной энергетических ресурсов республики — неравномерностью стока и большим разнообразием режимов да-

же близко расположенных друг от друга рек. Например, Риони и Ингури — недалеко друг от друга, но как не схожи они между собой! Поэтому одной из важнейших задач в деле дальнейшего развития гидроэнергетики Грузии является изучение режимов рек с целью повышения мощности гидроэлектростанций в периоды маловодья. Эта задача теперь уже решается с точки зрения интересов и требований объединенной энергосистемы Закавказья, а затем с учетом создания энергосистемы Кавказа и ее присоединения к Единой энергетической системе Европейской части СССР.

Институт энергетики Академии наук Грузинской ССР в продолжении ряда лет работает над этой проблемой. Совместно с Водноэнергетическим институтом Академии наук Армянской ССР и Энергетическим институтом Академии наук Азербайджанской ССР им разработаны вопросы объединения энергосистем Закавказских республик в одну систему и ее связи с энергосистемой Северного Кавказа.

Но развивать дальше гидроэнергетику в Грузии с ее капризными, разнообразными по своему режиму реками — это значит, в первую очередь, создать мощные источники регулирующей энергии. Исследования, проведенные Институтом энергетики Академии наук Грузинской ССР, свидетельствуют о том, что имеются большие, еще недостаточно изученные, но многообещающие возможности. Так, например, установлено, что на реке Куре в Аспиндзском районе путем постройки высокой плотины можно создать водохранилище объемом более одного миллиарда кубометров, которое позволит осуществить многолетнее регулирование стока реки в этом месте. Там же может быть построена мощная гидроэлектростанция. Большие возможности для создания емких водохранилищ имеются и в бассейне реки Риони. Ряд водохранилищ можно создать на реке Цхенис-Цхали. Высокие плотины могут быть построены и на других реках — Ингури, Арагви, Кодори, Чорохи, что позволит значительно увеличить ресурсы дешевой регулирующей энергии в республике.

Таким образом, будущее гидроэнергетики Грузии совершенно ясно: когда неравномерный сток большин-

ства горных рек Грузии будет подчинен нашей воле, или, как говорят энергетики, зарегулирован, можно будет построить весьма эффективные каскады гидростанций с общей выработкой в десятки миллиардов киловатт-часов в год.

Через 10—15—20 лет на территории Грузии появится много новых крупных ГЭС, высоких плотин, искусственных морей - водохранилищ! Для осуществления этой гигантской работы накоплен обширный подготовительный материал. Но он еще не суммирован, хотя настало время создать четкий, выверенный, разработанный во всех деталях перспективный план дальнейшего развития гидроэнергетики Грузии с учетом покрытия дефицита электроэнергии в ближайшие годы и лучшего использования запасов «белого угля» в республике. Тут надо собрать воедино материалы и Института энергетики, и Тбилгидэпа, и «Грузгидроэнергостроя» и других научных, проектных и строительных организаций. А предварительные наброски плана должны быть вынесены на широкое обсуждение общественности. Ясное дело, что такая работа может и должна быть осуществлена Совнархозом совместно с Госпланом республики.

* * *

Недавно я побывал на одном из участков государственной границы. Маленькая речушка разделила на

двое село. Одна его часть — на нашей земле, другая — на земле соседнего государства. По вечерам советское село залито электрическим светом, в клубе демонстрируются кинофильмы, из радиорупоров далеко окрест разносится веселая музыка. А на той стороне — тьма. Электрический свет горит лишь в офицерском доме и в доме местного богатея: электроэнергию дает движок американской переносной электростанции.

И подумалось мне тогда, что вот такой, какой я вижу деревню соседнего государства, утонувшую во тьме тьмуцей, была и грузинская деревня сорок лет назад. И с новой силой вспомнился мне призыв Владимира Ильича, обращенный к коммунистам Грузии и всего Кавказа, — развивать производственные силы края, «белый уголь». Возникли передо мной картина пуска Загэса в 1927 году и следом картина 1956 года, когда было пущено три с половиной Загэса. И увидел я далее панораму широко развернувшейся по всей республике строительной битвы за то, чтобы вводить в действие не менее пяти Загэсов ежегодно...

Да, свет ленинских идей с каждым годом разгорается все ярче! Ленинская научная формула коммунизма — Советская власть плюс электрификация всей страны — стала величайшей движущей силой, знаменем нового строя, навсегда утвердившегося на родной земле.

Население дореволюционной Юго-Осетии было почти сплошь безграмотным. Сейчас в области работает педагогический институт, 5	специальных средних учебных заведений, 335 общеобразовательных школ, в которых обучается 19.980 учащихся. В 1957 году толь-	ко специальные средние учебные заведения области выпустили более 400 молодых специалистов.
---	---	--

Георгий Маргвелашвили

ПОДЛИННОЕ БОГАТСТВО ПОЭЗИИ

(СТАТЬЯ ТРЕТЬЯ)

Говоря о подлинном богатстве грузинской советской поэзии, мы показали, что источником ее обновления и расцвета были глубочайшие сдвиги в истории человечества, — а, следовательно, и в истории Грузии, — порожденные Великой Октябрьской социалистической революцией. Великий Октябрь был закономерным итогом, завершившим процесс многолетней совместной борьбы всех народов бывшей Российской империи против эксплуатации и гнета самодержавия. Именно поэтому бессмертный подвиг российского пролетариата, свергнувшего власть буржуазии и впервые в истории человечества осуществившего диктатуру трудящихся, оказался примером и образцом для всех других отрядов великого революционного фронта. Разумеется, воздействие идей Октября на художественную интеллигенцию не всегда было мгновенным, а тем более прямолинейным, но во всех случаях оно было неодолимым и плодотворным. Все лучшее, все честное, все благородное, все подлинно творческое, что было в этой интеллигенции, не могло не вовлечься рано или поздно в орбиту могучего воздействия социалистических идей и социалистической действительности. Мы проследили этот сложный процесс на примере творчества старшего поколения грузинских писателей, таких, как Галактион Табидзе, Иосиф Гришашвили, Александр Абашели, Сандро Шаншиашвили, или их сравнительно более моло-

дых современников — Георгия Леонидзе, Тициана Табидзе, Паоло Яшвили, Валериана Гаприндашвили.

Не менее ярким и показательным был процесс становления грузинских поэтов, творческий путь которых начался вместе с рождением Грузинской Советской республики. К их числу относятся поэты, начавшие работу с разных исходных творческих позиций, но впоследствии сплотившиеся на общей идейно-творческой платформе социалистического реализма — Симон Чиковани, Алио-Мирцхулава, Карло Каладзе. Творчества первых двух поэтов мы уже касались в предыдущей статье. Здесь же остановимся на творчестве еще одного крупного представителя «второго призыва» грузинской советской поэзии — Карло Каладзе, а также на поэтических биографиях писателей, идейное и творческое формирование которых приходится уже на конец двадцатых годов. Это — Ираклий Абашидзе, Александр Гомнашвили, Григол Абашидзе.

Под одним из первых стихотворений Карло Каладзе — «Дуб и буря» стоит дата 1921 год — дата рождения Грузинской Советской республики. Уже в первых своих произведениях Карло Каладзе, как и его поэтические сверстники, стремился отразить величие революции и социалистических преобразований в нашей стране. Однако в двадцатые годы им были написаны некоторые произведения, в которых чрезмерная и неоп-

«снимается» в начальных строфах стихотворения, построенных по принципу «отрицательного параллелизма». Поэт находит более соответствующие современному восприятию и видению приёмы, помогающие ему раскрыть тему артиллерийской дуэли, как поэтическую тему ожесточённой схватки, поединка между Зверем и Человеком, Смертью и Жизнью.

Радость мирного созидательного труда, дыхание новой большевистской весны чувствуется в послевоенных стихах Карло Каладзе («В родном краю»). Герои его стихов «вновь в родном краю», они самоотверженно трудятся во славу своей республики. И сам поэт охвачен тем волнующим, окрыляющим весенним чувством, которым он в былые годы делился со своими читателями в таких произведениях, как «Весна на Пикрисгора»:

Смотри, виноградник зовет нас
с тобой,

Шумит под горою миндаль.

Скорей бы открылся у яблони цвет
хи чашечки груш появились на свет!

В стихах поэта воскресает пейзаж родного края, вновь появляется в них юношеский задор. Но главное — жажда труда. Советскому человеку ненавистен «бесполезный и голый мир пустырей». Своим трудом мечтает он преобразить лицо земли:

На то и земля, чтоб на множество лет
Руки человеческой чувствовать след.

В центре послевоенного цикла три тесно связанных друг с другом стихотворения — «Творцы весны», «В гостях у героев» и «Звезды героя». Стихи эти раскрывают то основное, ведущее, устремленное к будущему, что характеризует жизнь советских людей: радость творческого труда, романтику преобразования действительности. Стихи эти пейзажны без сухого описательства, остро тенденциозны без голой риторики, в них чутко обрисованы живые человеческие образы и в них дает себя чувствовать искренняя, глубокая лирическая взволнованность поэта.

Перед нами новый человек новой деревни. Как далеко ушёл он от своих дедов и прадедов, от героев старых книг о деревне! Более того, какая огромная дистанция легла уже между ним и хотя бы Гвади Бигвой из романа Лео Киачели, фигурой во многом типичной для деревни двадцатых и первой половины тридцатых годов. Сколько в нём воли, сколько силы, какая ясность взгляда на жизнь! Даже многоопытные старики рады с ним посоветоваться и поспорить, поделиться мыслями и чувствами. Он —

подлинный художник, преобразующий окружающий мир, подчиняющий себе стихийные силы природы. Люди такого склада могут преодолеть и преодолевают любые трудности, любые препятствия, они действительно «творцы весны», как гласит заглавие одного из стихотворений этого цикла.

В стихотворении «В гостях у героев» та же тема — тема творческого труда — воплощена в новых образах:

Значит не напрасно жили
Люди в этих мирных гнёздах,
Урожай такой взрастили,
Что их славой полон воздух,
И хотя лишь землю рыли,
Не в пыли они, а в звёздах.

Образ Золотой Звезды, украшающей грудь Героя Социалистического Труда, переходит и в стихотворение «Звезда героя». В конкретных и вместе с тем обобщающих образах рисуется в этом стихотворении судьба рядового сельского труженика. Ему уже семьдесят лет. «Много лет и много пашен» остались за его спиной, но «звезда его судьбы» всегда была далёкой и недосыгаемой:

... Наша слава трудовая
Не была тогда известна...

... Нынче судят справедливо:
Труд — он подвиг величавый,
Волны кукурузной нивы —
Волны чести, волны славы.

Так далёкая, мифическая «звезда судьбы» стала реальной, ощутимой звездой на богатырской груди Героя Социалистического Труда. Поэт показывает, как изменилось и обогатилось в наше время само представление о чести и славе.

Одно из наиболее значительных послевоенных произведений Карло Каладзе — стихотворение «По мирным дорогам Грузии». Оно подводит итог многим темам и мотивам, намеченным в других его стихах. Может показаться, что в этом стихотворении дана лишь выразительная пейзажная зарисовка: блестящее в созидательном шуме селение, волны быстрой аджарской реки, изумруды вешних полей и голубые горы, дорога, точно аркан, переброшенная сквозь горные цепи, мост на этой дороге и возвышающийся над этим мостом памятник Ленину. Но пейзаж в описании Каладзе не носит самодовлеющего характера — он оживлен могучим движением народа, устремленного к труду и борьбе:

Ты на каждом холме в восхищенье
Остановишь внимательный взгляд, —
Весь народ там в труде и движенье,
Только древние крепости спят.

Это всенародное движение направляется «мудрого Ленина простертой рукою». Поэт ведет нас по мирным дорогам Грузии, он не просто фиксирует путевые впечатления, а глубоко осмысливает виденное, связывает настоящее с прошедшим и будущим; обозревая мирные дороги Грузии, он помнит о черных днях войны, он помнит и об истории, о «варварах», срывающих лозы с терпеливо возделанных скал». И читатель понимает, что дело не только в виноградниках Аджарии, а в тех великих испытаниях, которые выпадали на долю наших народов. Географические границы раздвигаются — и во весь голос звучит тема Советской родины, тема весны человечества, тема рождения коммунизма. И тут с большой художественной силой проявляется одна из лучших особенностей поэтического мастерства Каладзе — умение придать самым конкретным деталям изображения глубокий обобщающий смысл, умение так раскрыть поэтический образ, что наряду с его конкретным, непосредственным, зрительно представляемым контуром выступает и его обобщающее, в лучшем смысле этого слова, символическое значение. Так, описанные поэтом горная дорога, и мост, и грузинская весна предстают перед читателем как дорога к коммунизму, как мост, перекинутый от настоящего к будущему нашей страны, как «всенародная весна» этого коммунистического будущего:

Ты несешься дорогой крутою,
Выше, выше! И вдруг, как живой,
Мудрый Ленин с простертой рукою
На вершине встает пред тобой...

... И на мост с высоты пьедестала
Вождь глядит, как внимательный
друг,

И напеву речного хорала
Внемлют горы, вставая вокруг.

Как мечта, воплощенная нами,
Этот мост всенародной весны
Здесь повис меж прошедшими
днями
И великим грядущим страны.

Мчишься ты по высоким подъемам,
Устремленный к труду и борьбе,
Ленин издали жестом знакомым
Открывает дорогу тебе.

И летишь ты с веселою песней, —
Ты ведь знаешь, что наша весна
Этой мудрой рукою чудесной
Для Отчизны твоей создана.

Первые стихи Ираклия Абашидзе появились в печати в 1928 — 29 годах. Большие исторические перемены произошли к этому времени в нашей стра-

не. Не случайно 1929 год вошел в историю как год великого перелома. Мощное наступление социализма на все отжившее, старое — вот что определяло характер этого времени. Наступательный дух — вот что отличало не только труд рабочих и крестьян, но и каждую ноту, написанную передовым композитором, каждый мазок, сделанный смелой рукой молодого художника, каждую стихотворную строчку, отчеканенную советским поэтом.

Что в первую очередь бросается в глаза, когда сейчас перечитываешь стихи Ираклия Абашидзе, написанные в те годы? Чистота и сила голоса. По этим стихам, не зная автора, читатель мог угадать черты комсомольского поколения, которое смело и уверенно вышло на передовую линию великого фронта борьбы советского народа за социализм. У этого поколения все было впереди, его не тяготил груз старого, груз прошлого. Двенадцатилетними парнишками хлопали в ладоши юные представители этого поколения, встречая в 1921 году армию-освободительницу — армию рабочих и крестьян, и тут же оглушали трехпалым свистом улепетывающих меньшевиков. Позже эти детские впечатления, помноженные на приобретенные знания и опыт, отстоялись стихами — стихами об Октябрьской революции, о грузинском Октябре — феврале 1921 года, о революционном обновлении грузинской земли. «Февральские дни, снежные февральские дни. Юное сознание взбудоражено романтикой боевых конниц и гарнизонов, заканчивающих свои походы», — ведет поэт как бы дневниковую запись в одном из первых своих стихотворений.

Да, чистота и сила голоса. Ясные образы, ораторская интонация, ноты призыва, четкими штрихами намеченные контуры современника — героя индустриализации и коллективизации. В поэзию Ираклия Абашидзе входит образ военнообязанного — поэта и гражданина, осознавшего до конца свой долг перед Родиной и народом. «Будь там, где ты нужен эпохе, озаренной пламенем штурмов и атак. Эпоха кличет тебя, как героя, как военнообязанного, — на бой!». Стихотворение это носит характерное название — «Будь героем!».

В лирической поэзии нас в первую очередь привлекает и волнует судьба лирического героя, судьба современника поэта. Судьба современника! В первых же своих стихотворениях старался Ираклий Абашидзе решить эту важнейшую и первейшую задачу поэзии. В этом отношении наиболее характерно датированное 1931 годом известное его стихотворение «Баллада спасения». В стихотворении нет специфически балладного сюжета и композиции. Чисто эпиче-

Тень её осеняла бойца и рубаку,
Побежденного вновь выводила
на бой.

Вместе с кровью бойцов
прилипла к рубахам,
На османских галерах
играла с волной.

Лишь она, лишь сиянье её вековое,
Озарив каторжанам
безвыходность мглы,
По сибирскому тракту
брело под конвоем,
Вместе с ними
закованное в кандалы.

Лишь в народе жило
негасимое пламя,
В пастуха воплотясь,
обратясь в кузнеца.
Вместе с ним выходило
на бой с палачами,
На последний,
решительный бой — до конца.

Сколько воинов смелых
во имя народа
Умостило костями
окровавленный край,
Чтобы крылья свои
распростерла свобода,
Чтобы подлинным маем
расцвел этот май!

Здесь подчеркивается, что «весна» является мечтой и конечной целью только для трудящихся, только для народа. И не только целью. Метафора Ираклия Абашидзе еще больше усложняется и углубляется — «весна» становится образом самого народа. Смысл этой метафоры прост и мудр: только тот достигнет великой цели, «желанный весны», кто носит частицу этой «весны» в себе, в ком теплится хотя бы искорка «негасимого пламени». Теперь поэт может вернуться к истокам своей метафоры — к первоначальному, конкретному смыслу «весны», включившему уже в себя новое, глубокое содержание:

И свершилось! Настал этот
праздник желанный,
Вот стоит он
и машет крылатой листвою,
Розы, выстроясь в ряд,
как знамен колыханье,
Осеняют невиданное торжество.

Стихотворение завершается строками, выражающими его основную идейную суть:

Солнце названо солнцем,
роза розой зовется,
Человек человеком
считается вновь.

Коснемся также одного частного, но весьма существенного вопроса, известным образом связанного с рассматриваемой проблемой, — вопроса историче-

ской тематики или, вернее, исторического пейзажа в поэзии Ираклия Абашидзе.

Историческая старина, развалины древних храмов и замков — органическая, неотъемлемая часть грузинского пейзажа. В поэтическом цикле «Дманиси» Ираклий Абашидзе воспринимает, однако, эти остатки старины не в историко-патриотическом аспекте; его интересует противопоставление старого и нового, мертвого и живого, безлюдно-пустынной природы и природы, согретой жизнью и деянием человека. «Авто» и «Дманиси» — основные образы первого стихотворения цикла — являются своеобразными символами, выражающими эти два ряда — полную жизни современность и мертвую старину. Образная система стихотворения здесь предельно ясна и четка, лирическая композиция стиха — резко контрастна. С одной стороны, «быстрокрылое авто» — «ловкое и стремительное», «живой металл», «трепещущее звонкое железо», а, с другой стороны, — «пустынный покой», «одинокое каменное гнездовье», «молчаливый замок», «край могильных плит», где не найти живого уголка.

Лирический сюжет стихотворения напоминает мотивы «Портсигара» Маяковского: так же, как там, упавший в траву серебряный портсигар высокомерно взирал на наивную и нетронутую природу, так и здесь «быстрокрылое авто», столкнувшись с безжизненным пейзажем развалин, на секунду застыло, как бы оторопев, ощутив непривычную тяжесть, но вновь заиграла у него в жилах-трубах кровь-бензин, застучало сердце-мотор и, гордое сознанием своей силы и красоты, оно покинуло «замершую в развалинах» дманисскую землю. «Авто и Дманиси», несмотря на некоторую урбанистическую отвлеченность образов, — одно из лучших и наиболее интересных стихотворений Ираклия Абашидзе как по замыслу, так и по художественному воплощению.

Сходные мотивы разработаны и в других стихотворениях этого цикла — «Камни Дманиси», «Должно быть мечтают».

В первых военных стихах Ираклия Абашидзе преобладают интонации призыва, прямого, непосредственного обращения к бойцам, к товарищам. Это и понятно. Такой характер носила тогда почти вся советская поэзия.

Позднее в стихи советских поэтов мощным потоком вторглись конкретные образы и картины фронтовой жизни, в поэзии стал явственнее вырисовываться полнокровный, реалистический образ героя войны. Ираклий Абашидзе также нащупал контуры нового героя, нарисовал не одну фронтовую картину и не один портрет фронтовика. В стихах поэта зазвучал мужественный монолог самого воина. Именно в стихотворениях этого плана достиг поэт вершины своего

творчества военных лет. Таково известное стихотворение Ираклия Абашидзе «Капитан Бухаидзе», пронизанное духом подлинно народной героики, продолжающее лучшие традиции грузинского фольклора и вместе с тем являющееся ярким поэтическим выражением советского патриотизма. Стихотворение это перекликается со стихами Александра Твардовского «Я убит подо Ржевом», где также найдена поразительно впечатляющая форма монолога погибшего воина, его разговора с оставшимися в живых.

Опыт военных лет оставил глубокий след на всей советской литературе. Не то, чтобы произошла какая-либо переоценка ценностей, но неоспоримо, что осмысление многих явлений значительно углубилось, поднялось на новую ступень, что дает нам право говорить не только о тематическом, но и об идейно-проблемном своеобразии советской поэзии периода Отечественной войны. То изменение или, вернее, развитие, которое претерпела советская и, в частности, грузинская поэзия, особенно отчетливо сказалось в разработке патриотической тематики. И в данном случае пафос времени определил все своеобразие разработки этой важнейшей темы на новом этапе жизни нашей страны.

«Песня жатвы», «Цветет Гурия», «Ночи охотника» — под этими заглавиями известны наиболее значительные послевоенные циклы стихов Ираклия Абашидзе. Все эти произведения посвящены мирному труду советского народа после Великой Отечественной войны. Здесь мы встречаем и темы, волновавшие поэта на протяжении всего его творчества, но, разумеется, время наложило на стих свой отпечаток. В этих стихах на новую высоту поднято, например, разрешение и воплощение таких тем, как природа, пейзаж. Мы помним, какая активная функция возлагалась на пейзаж в более ранних произведениях поэта, помним и то, что пафос отношения его лирического героя к природе определялся характерной для той эпохи целевой установкой — восстановить в поэзии «человеческое восприятие природы», вернуть свои имена «солнцу» и «розам». Теперь, когда все эти творческие завоевания окончательно утвердились в советской поэзии, перед советскими поэтами во весь рост встали новые задачи, продиктованные самой жизнью. Советский народ приступил к осуществлению грандиозных народно-хозяйственных планов. И в стихи Ираклия Абашидзе, так же как и в творчество всех передовых писателей страны, мощно вторглась эта новая, богатая, таящая огромные творческие возможности художественная тематика. «Преобразование природы» — вот слова, которые в значительной степени определяли пафос нового времени, а, следовательно, и поэ-

зии. Эта тема красной нитью проходит через послевоенные произведения Ираклия Абашидзе и в первую очередь через наиболее значительную его книгу — «Песня жатвы». Своеобразной разработкой этой темы отличаются стихотворения поэта «Иванэ Махнишвили», «К нивам Ширази» и другие. В этом последнем стихотворении Ираклий Абашидзе нашел весьма оригинальное решение темы покорения природы человеком: он обратил внимание не только на то, что обузданная, преобразованная природа принесет человеку удесяттеренную пользу, но и на то, что человеческий труд украсит саму природу, спасет ее от «беспризорного» существования, обогатит брошенные на «произвол судьбы» поля.

Радостное и жизнеутверждающее мироощущение определяет звучание лучших стихов Ираклия Абашидзе. Лирический герой его поэзии вновь радуется красоте природы и человека, всему прекрасному, что доступно его уму и чувству.

Но красота красоте рознь. За внешней привлекательностью иногда может скрываться пустота, фальшь, бесплодие. Ираклий Абашидзе знает, что «красота правдива не всегда». Что же дает подлинную силу красоте? Что роднит ее с правдой? Когда она не обманывает поэта? Вот четкий и ясный ответ на эти вопросы:

Красота правдива не всегда.

Но я знаю, эта не обманет.

Что прекрасней хлеба и труда?

Хлеб и труд царят над Алазанью!

Хлеб, мир, труд — вот что определяет эстетическую ценность песен, стихов, всего, что может быть красивым и прекрасным. Не нужно понимать поэта буквально и примитивно — речь идет не о хлебе, который мы покупаем в магазинах, а о творческом труде народа, создающего все прекрасное на земле, все духовные и материальные ценности.

Труд, мир, дружба — вот основные мотивы поэзии Ираклия Абашидзе. Труд немыслим без мира и дружбы, дружба рождается только в совместном труде. Многие стихотворения Ираклия Абашидзе посвящены глубокой разработке этой темы. Пишет ли он о волжском крае, о Сталинграде или об Украине или республиках Средней Азии — везде и всегда поэт выступает вдохновенным певцом дружбы народов:

Владыки рати двигали в походы,

И меч висел над нашей головой.

Цари сжигали земли, а народы

Стремилась к братству, к дружбе вековой.

Как счастлив я, что столько братьев кровных

Есть у меня, питомца дальних рек,
Что мне в глаза туркмен глядит любовно,

Что крепко руку жмет мне брат-узбек.

Ираклий Абашидзе поэт свободного дыхания и предельно естественной интонации. Он лучший продолжатель поэтической традиции одного из основоположников грузинской советской поэзии — Галактиона Табидзе. Но ему более близок чисто интонационный принцип построения стиха, чем музыкально-мелодический. Не встретим мы у него и патетической приподнятости, столь характерной для романтического стиля Табидзе. Ираклий Абашидзе — мастер поэтического разговора, прямого обращения к собеседнику, живого поэтического рассказа. Редко кто, как он, умеет подчинить все компоненты стиха разговорной, задушевной интонации лирического героя.

Почти одновременно с Ираклием Абашидзе выступил в грузинской поэзии **Александр Гомнашвили**.

Картина многообразия в грузинской советской поэзии обычно иллюстрируется на примере творчества мастеров старшего поколения, однако не менее интересно проанализировать с этой точки зрения и работу поэтов, творческая деятельность которых приходится на тот период в истории советской литературы, когда уже отошла в прошлое пестрота литературных школ и направлений, когда уже совершилось окончательное объединение всех советских писателей на основе общей идейно-творческой платформы социалистического реализма. Разница в поэтической манере, в тематике и проблематике их творчества уже не могла быть объяснена их «литературным происхождением», ссылками на «особую» атмосферу двадцатых годов и другими аргументами подобного рода. Анализируя творчество этих писателей, со всей очевидностью и наглядностью можно выявить то исключительное многообразие, которое было обеспечено советской поэзии творческим методом социалистического реализма. Причем, речь должна идти не только об отличии творческих манер, стилей. Нет. Многообразие охватывает гораздо более широкую сферу, ибо общность основных идейных установок, общность мировоззрения отнюдь не исключает различия — и порой весьма чувствительной — в мироощущении писателей, в их духовном мире, в их темпераменте, эмоциональном складе, в их пристрастиях, более того, в их взглядах на те или иные явления действительности. Так, например, почти в одно и то же время выступили в грузинской поэзии Ираклий Абашидзе, Григол Абашидзе и Александр Гомнашвили. Формировались они почти в одно и то же время, наиболее зрелая пора их творчества начинается примерно с середины тридцатых годов и приходится в основном на военные и послевоенные годы. Однако трудно найти среди грузинских поэтов этого поколения трех

мастеров, настолько отличающихся друг от друга по кругу творческих интересов, по биографической основе их поэзии, в результате — и по творческим манерам, по почерку, по стилю.

Александр Гомнашвили — большой и тонкий знаток грузинского фольклора. Выходец из горной части Грузии, продолжатель традиций Важа Пшавела — он принес с собой героический дух и суровый, мужественный колорит родного края. Но традиции Важа Пшавела и горского фольклора восприняты поэтом творчески. Здесь — и перекличка и своеобразная полемика. Иначе и не могло быть. В самых глухих районах Грузии начали разрушаться вековые устои, изменились люди, их быт, их нравы, в какой-то степени изменился даже пейзаж высокогорных сел.

В эти дни должна и песня
Грохотать, звенеть, как взрывы,
Рассыпать алмазов груды,
Горных лилий вороха.
Если будут наши песни
Старым ладом вечно живы
Кто ж откроет нам в пустыне
Залежь нового стиха?

И поэт смело открывает «залежь нового стиха», он находит яркие и точные слова для раскрытия «новой души» древнего края, для обрисовки ее преображенного пейзажа. В стихах поэта часто мелькают имена и образы героев фольклора или поэм Важа Пшавела, но это не литературная реминисценция, а смелая и удачная попытка показать старого героя в новой жизни, в сегодняшнем дне и тем самым подчеркнуть как преемственную связь, так и контрастность его вчерашней и сегодняшней судеб. Как бы отвечая тем поэтам, которые пытались противопоставить лучшим традициям классической поэзии, традициям Важа Пшавела новые варианты концепции «чистого искусства», изрядно сдобренные большими дозами далеко не «чистой» богемщины — поэтизацией пьяных кинто и карачохели (представителей своеобразной торговой богемы старого Тбилиси), Александр Гомнашвили страстно декларирует свою веру в народ, в его способность создать новый героический эпос, основанный на трудовом героизме масс, строящих социализм:

Не верьте, если скажут, что у
Миндии
В груди не сердца звон, а птичий
хор,
Что вместе с Важой умерло наитие
И что замолк отныне эпос гор.
Не верьте, что удел наш днем и
ночью
Горланить песни пьяного кинто.
И пусть навек запомнит «птичка
божья»

причудливо - строгая вязь орнамента Опизари, чем воздушные линии кинц-висского ангела, готового, кажется, вот-вот отлететь от стены, чтобы слиться с лазурью картлийского неба.

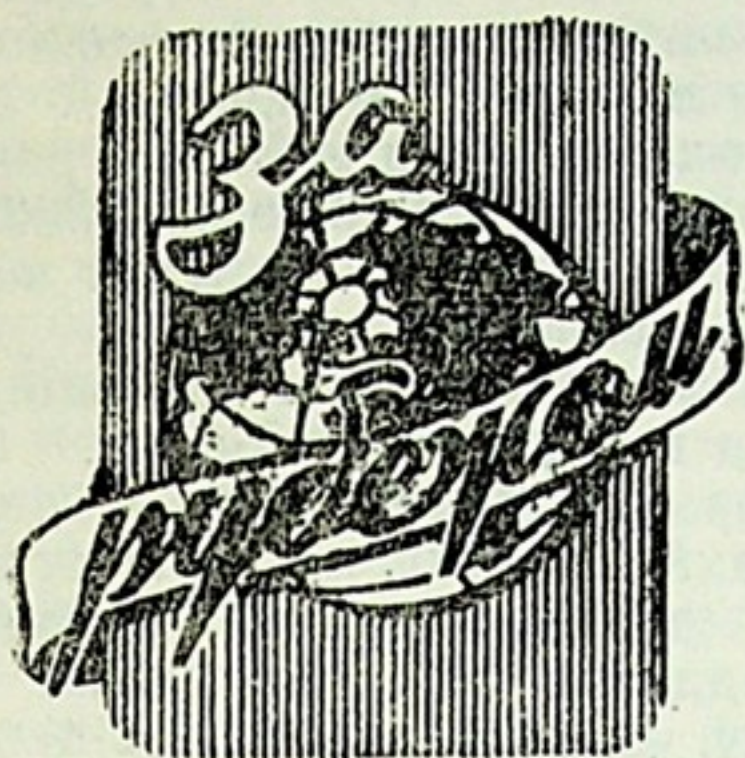
Крупным шагом вперед в области композиции и сюжетного построения поэмы явилась новая поэма Григола Абашидзе «Мать» («Видение Зарзмы»), написанная в 1946 году. Как ни одно из эпических произведений Григола Абашидзе, поэма «Видение Зарзмы» согрета горячим лирическим дыханием, и драматизм ее проявляется не только в сюжетном развитии и эпической обрисовке характеров, но и в чрезвычайно экспрессивном субъективно-лирическом начале, образующем своеобразный психологический фон и лирический подтекст повествования. Сюжет поэмы построен на поэтическом рассказе о матери, которая разыскала в Севастополе и перенесла в родное село прах неизвестного солдата, которого она приняла за сына, якобы погибшего в бою. Но даже после счастливого возвращения сына мать продолжает оплакивать ставшую дорогой ей могилу. В поэме нет прямолинейных сентенций. Оплакивая могилу безвестного русского воина, мать обуреваема глубоко личным чувством.

Ее порыв — поистине глубинный психологический импульс, переживание, связанное с ее судьбой, с ее жизнью, с ее мучительными мыслями о той, другой, русской матери, у которой она, сама того не ведая, отняла могилу сына, лишив ее даже печальной возможности оплакать родимого. Как ей близко и знакомо, как ей понятно воображаемое горе чужой и далекой женщины! Ведь еще совсем недавно она сама была в ее положении. Далекой? Да. Но чужой ли? И вот тут-то раскрывается объективный политический смысл сугубо личного переживания матери-грузинки. Она стара, но в ней живут не только святые традиции древности, не только отголоски того благородного чувства, которым была охвачена когда-то эпическая героиня гениального народного сказания о юноше и тигре, — душа ее за последние четверть века, прожитых ею, обогатилась тем самым «чувством семьи единой», которое мы в переводе на политический язык зовем дружбой народов и которое стало для нас не только основой основ общественно-государственной жизни, но и неотъемлемой, органической частицей всего нашего духовного существа, незаметным, но животворящим ферментом, питающим наше сердце и мозг.

Больших творческих удач добился Григол Абашидзе в создании крупных поэтических циклов. Имеем в виду книги «На южной границе» и «Ленин в Самгори», опубликованные в 1949—1950 годах.

Тема стихотворного цикла «На южной границе» — борьба за мир. В основу цикла «Ленин в Самгори» легла тема коммунистического преобразования нашей страны. В обоих случаях Григол Абашидзе берет конкретные участки великой борьбы и великой стройки советского народа; он разоблачает происки поджигателей войны на южных границах нашей Родины и он рисует величественные картины строительства Самгорской ирригационной системы, призванной превратить пустынную и засушливую область в плодороднейший край Советской Грузии.

Форма цикла, выбранная поэтом, явилась для него далеко не случайной. Нам известна склонность Григола Абашидзе к эпосу. Форма цикла расширила его возможности, позволила поэту средствами лирики добиться эпического изображения, добиться еще большей глубины и всесторонности в раскрытии темы. Особое внимание обращает поэт на разработку формы цикла, на разработку его композиции, на спаянность цикла отдельными, общими для всех стихотворений, мотивами. Каждое стихотворение в таком цикле носит особую, необходимую для цикла в целом, функцию. И, наконец, самая большая трудность заключается в том, что как композиция цикла в целом, так и построение каждого отдельного стихотворения должны быть полностью подчинены основному единому поэтическому замыслу, воплощению той идеи, которая вдохновила писателя. Поэтический цикл — форма ко многому обязывающая, так как в нем некоторые, казалось бы, чисто композиционные недостатки, очень часто ведут к крупным идейным просчетам. Композиция в цикле — это исчерпывающая разработка всех главных участков данной темы: недостроена какая-то часть, нарушена композиция — и здание может рухнуть, или, в лучшем случае, произведет впечатление недостроенного. Это можно проиллюстрировать процессом работы самого Григола Абашидзе над циклом «На южной границе». В первом издании этого произведения, при всех его несомненных достоинствах, все же ощущался один значительный пробел в раскрытии темы: убедительно показав читателю Турцию «доктрины Трумэна», поэт оставил вне поля своего внимания Турцию Назыма Хикмета и Сабахаттина Али, Турцию турецкого народа, стонущего под двойным гнетом отечественных и иностранных поработителей. В дальнейшей работе над циклом поэт восполнил этот существенный пробел, достигнув тем самым идейной, а также композиционной четкости и завершенности. В своем окончательном виде композиция цикла выглядит следующим образом: поэт приветствует закованную в цепи, но борющуюся Турцию («Наш привет»), далее он говорит о другой

СЕМНАДЦАТЬ ДНЕЙ В БОЛГАРИИ

Жителю Грузии Болгария напоминает родину. Она ему близка не только из-за своей героической истории, трагического прошлого, но и из-за отчетливой схожести природы: и здесь поднявшиеся до неба горы и привольно раскинувшиеся равнины, бурные реки и сменяющие друг друга холмы, сады и виноградники, зеленые альпийские луга и часто неприступные крутые скалы. Каждому, кто сюда приезжает из Грузии, кажется, что он здесь уже много раз бывал, видел и эти села, и эти леса, не раз ступал по этим раздольным полям. Такое чувство охватывает вас и тогда, когда вы встречаетесь с болгарскими стариками-пастухами или с крестьянами, объединившимися в сельских кооперативах. Их обычаи и характер, их гостеприимство, несомненно, напомнят вам Грузию.

В Болгарию я приехал впервые в декабре прошлого года, как член делегации Союза писателей СССР. В составе нашей делегации были также украинский писатель Михайло Стельмах, русский писатель Николай Чуковский, дагестанский поэт Расул Гамзатов и русский драматург Виктор Розов.

Представители Болгарского Союза писателей нас очень тепло встретили в Софийском аэропорту. Профессор Дынеков, секретарь Союза писателей, обратился к нам с речью. Он сказал, что особенно рад приветствовать на болгарской земле посланцев советских писателей в радостный канун Нового года.

С аэродрома, который непосредственно примыкает к столице — от городского центра он находится всего в трех километрах, — нас, членов делегации, повезли в гостиницу «Болгария», лучшую в Софии. На другой же день мы начали знакомиться с городом.

София. — мы пробыли здесь четыре дня — один из древнейших славянских городов. И как вообще у всех больших, имеющих многовековую историю городов, у Софии нет единого облика. Районы легких двухэтажных домов сменяются здесь кварталами недавно построенных зданий, своей монументальностью напоминающих архитектуру новой Москвы. Но общим для всей Софии является то, что она буквально утопает в зелени. Вряд ли вы найдете другой город, столь же богатый парками, аллеями, садами. Это обилие зелени и придает

городу его своеобразную красоту. Сразу обращают на себя внимание и софийские улицы — они покрыты не асфальтом, как у нас, а красивыми квадратными камнями кирпичного цвета. Асфальтированных же улиц очень мало.

И, наконец, самое главное. Мы имеем в виду большой размах городского строительства. В Софии мы осмотрели недавно выстроенные здания Государственной публичной библиотеки, Государственного университета, оперного театра, Полиграфического комбината, здание Центрального Комитета Коммунистической партии Болгарии. Мы видели кварталы новых многоэтажных домов, которые выросли вокруг заводов и фабрик имени Ленина, Сталина, Димитрова, Коларова. Видели, каким большим творческим трудом дышит сегодня жизнь социалистического города.

София — политический, экономический, административный и культурный центр Болгарии. Здесь много высших учебных заведений, музеев, театров.

В оперном театре мы слушали оперу польского композитора Станислава Монюшко «Галька», а в театре музыкальной комедии — «Прекрасную Елену». Были мы и на спектаклях Софийского драматического театра. Смотрели пьесу «У подножья Витоци» классика болгарской литературы П. Яворова. Пьеса, рассказывающая о трагической судьбе простых людей в старой Болгарии, была горячо принята зрителями, долго аплодировавшими прекрасной игре актеров.

В Софии мы были и во втором драматическом театре, где шла пьеса «В добрый час!» члена нашей делегации Виктора Розова. Она и здесь имела большой успех.

Посетили мы редакции столичных журналов и газет, осмотрели Музей революции, оставивший неизгладимое впечатление. В его экспозиции — многочисленные картины, диаграммы, фотоснимки, ярко рисующие борьбу болгарского народа за свою свободу и независимость, героизм его лучших сынов — партизан в борьбе с фашизмом.

Народ свято хранит в своем сердце имена героев. Об этом говорят

партизанские дома-музеи в городах и селах Болгарии, многочисленные памятники в парках и скверах. Не случайно нам сказали в Музее революции: каждое болгарское село, каждый город — подлинный музей партизанского движения.

В один из вечеров мы совершили поездку за город, к горе Бояно. От Софии она недалеко, всего в двух километрах. На склоне горы стоит маленькая древняя церковь. Как сказано в надписи, она построена в 1259 году. Внутренние стены церкви покрыты фресками, выполненными с необыкновенным мастерством. Это самые древние фрески из всех, сохранившихся в монастырях и соборах Болгарии.

Гора Бояно — любимое место отдыха трудящихся Софии. Захватив с собой еду на весь день, они каждое воскресенье поднимаются сюда целыми семьями. Люди идут узкими тропинками, близкими, прямыми путями по небольшому ущелью. Вдоль тропинок, через каждые десять метров, стоят березовые скамейки, очень простые и в то же время оригинальные и красивые. Раньше здесь отдыхала софийская аристократия. Теперь же хозяевами страны навсегда являются трудящиеся...

Был уже вечер, когда мы возвращались в Софию. И удивительно: на гору смотрело зеркальное небо, светили яркие звезды, а София была в тумане. Впрочем, наши спутники объяснили, что это еще одна особенность города.

Попали мы, как говорится, «с корабля на бал»: в гостинице «Болгария» был устроен банкет в честь группы артистов советского балета, выступавших в те дни в Софийском оперном театре. В группу входили О. Лепешинская, В. Преображенский и другие артисты балета (были в этой группе и два артиста из Тбилисского театра оперы и балета А. Двали и В. Гунашвили). С речью к хозяевам обратилась Ольга Лепешинская.

— По-русски и по-болгарски слово «Родина», — сказала она, — звучит одинаково. Произносим мы одинаково и слово «брат». Да, мы братья, самые настоящие братья. Братское тепло мы чувствовали в Болгарии на каждом шагу...

Многими нитями связаны между собой и Грузия с Болгарией. Для доказательства достаточно назвать такой большой культурный очаг грузин, как монастырь Петрицони в Болгарии (с. Бочково).

Нетрудно уловить большое сходство между болгарскими и грузинскими музыкальными мелодиями. Когда мы слушали болгарские песни, в особенности народные, мне казалось, что я слушаю наши народные песни. А когда болгары слушали куплеты из «Кето и Котэ», то и они, в свою очередь, тоже заметили это сходство.

Из Софии мы выехали в Пловдив — второй по величине город Болгарии. Он находится в ста километрах южнее Софии, с которой его соединяют железная дорога и широкое асфальтированное шоссе.

Середина декабря, но дни стоят теплые, солнечные. Машина быстро мчится по сказочной аллее — иначе не назовешь шоссе, обсаженное рядами яблонь, дуба и акаций. Листья на деревьях уже облетели, но ветер поднимает их с земли и крутит по дороге. На память невольно приходят строки Галактиона Табидзе:

Ветра стук, ветра звон, ветра стон,
Ветер листья несет с высоты...

Остались позади окраины Софии, ее сады и парки; наконец, город совсем скрылся в туманной дымке. Меняются картины природы: чем дальше к югу, тем теплее становится воздух, а равнина все шире и шире.

С нами едет болгарский поэт Тодор Харманджиев (в Софии нашим постоянным спутником была поэтесса Лиляна Стефанова, окончившая в Москве Литературный институт. Она не жалела ни сил, ни энергии, чтобы мы увидели как можно больше, чтобы полней познакомились с жизнью ее страны. Н. Чуковский даже шутливо назвал молодую поэтессу «воспитательницей дедского сада» — по аналогии с «детским садом»).

Тодор Харманджиев — большой знаток прошлого своей страны, хороший, остроумный рассказчик. Не случайно факты истории то и дело сменяются хлесткими анекдотами, в которых народ с такой силой заклеил порабощителей, высмеял жадность, трусость турецких мулл.

Харманджиев переходит к стихам. Он читает наизусть стихи Пушкина,

Блока... А машина продолжает свой бег вдоль склонов Родопских гор, по Фракийской равнине, пересекает реку Марицу, бурливую, как Арагви. Еще несколько километров, и мы въезжаем в Пловдив. Улицы его заполнены народом, особенно центральная — имени Василя Коларова. Я сразу вспомнил наш проспект Руставели. Но, по правде говоря, столько народу я никогда не видел на проспекте Руставели, хотя улица в Пловдиве меньше, гораздо меньше, чем проспект в Тбилиси.

Едва устроились в гостинице — и снова в город, на его шумные улицы. Справа от улицы имени Василя Коларова начинается подъем, который ведет в сторону горы Бунарджико. Отсюда весь город, как на ладони. На горе Бунарджико воздвигнуто два памятника — обелиск в честь освобождения Болгарии в 1878 году, а рядом — на монументальном 10-метровом постаменте возвышается 12-метровая фигура русского солдата, который держит в руке автомат. На памятнике написано по-болгарски: «Слава непобедимой Советской Армии, армии-освободительнице».

Когда мы спустились с горы, была уже ночь. Вдруг наше внимание привлекло непривычное зрелище. В конце улицы стояли такси, а за ними целая вереница извозчиков. Позднее мы узнали, что фаэтоны, как средство городского транспорта, сохранились по всей Болгарии.

Следующее утро мы посвятили осмотру Пловдивского музея, в экспозиции которого много интересных предметов каменного, бронзового и античного периодов. А в десять часов мы уже выехали в село Перуштица. Оно находится километрах в десяти от Пловдива. В селе — большое виноградарское кооперативное хозяйство. Здесь же — государственное виноградарское хозяйство и большой винный склад. Вообще виноградарство, особенно в последние годы, получило в Болгарии очень сильное развитие. Теперь здесь собственного вина хватает не только для внутреннего потребления, но оно, наряду с табаком, стало одним из важных предметов экспорта.

Во второй половине дня мы выехали в Петрицони. Монастырь этот

в Болгарии называют Бочковским. Он находится в 30-ти километрах от Пловдива, с которым его связывает асфальтированное шоссе. Проехав город Асеновград, известный своими минеральными источниками, вы попадаете в ущелье, по которому течет река Чапеларска. Места эти напоминают то Боржомское ущелье, то вид с хребта Лихи. В 10—15 километрах от Асеновграда ущелье обрывается, и глазам предстает широкая лощина, которая надвое делит Родопский хребет. Мы съехали с шоссе и, свернув направо, пересекли Чапеларску.

Вскоре показалась монастырская аллея — мы приехали в Петрицони. Сошли с машины, сняли головные уборы и с благоговением подошли к железным воротам. Справа от ворот на стене заметна надпись: «1083». Это дата построения монастыря.

В воротах нас встретили два послушника, которые и ввели нас в монастырскую ограду. Здесь стоит двухэтажное каменное здание. Справа от него, вдоль стены, идут подсобные постройки монастыря. Мы повернули направо, вошли в одно из зданий, на втором этаже которого нас встретил помощник настоятеля монастыря Николай. Он пригласил нас к уже накрытому столу и сразу же принялся за исполнение должности тамады. Приказав молодым послушникам наполнить наши бокалы черным вином, Николай обратился ко мне: «Это вино — древнее, нашего монастыря, может, его лозу когда-то завезли сюда грузины. Хорошее вино, попробуйте». И действительно, вино очень хорошее, похоже на наше «Ркацители». Гостеприимный хозяин провозглашает все новые тосты. Затем он начинает рассказывать нам историю монастыря, построенного грузинами в 1083 году. «Тогда здесь было около сорока монахов-грузин, — сказал он. — В 1390 году турки разорили и разрушили монастырь, который удалось восстановить только в 1602 году. До наших дней дошел привезенный грузинами большой крест, на котором надпись — «дзлеваи» (по-грузински «осилить»). Кроме того сохранилась икона с грузинской надписью. Побывавшие недавно в Болгарии грузинские

ученые А. Шанидзе и Н. Бердзенишвили расшифровали и прочитали эту надпись. Впрочем, — говорит Николай, — это вам, вероятно, уже известно».

Мы спешим осмотреть монастырь и торопим тамаду. Николай, согласившись, наконец, нас отпустить, направляет с нами старшего послушника, окончившего богословский факультет и хорошо знающего историю монастыря. Он сразу показал нам ту икону, на которой сохранилась грузинская надпись. Надпись гласит, что икону сделали два грузина-священника — братья Атанасе и Окропири (Афанасий и Златоуст).

Обращает на себя внимание внутренняя роспись монастыря, выполненная в 1843 году Захарием Зографом. Послушник говорит, что лица, изображенные на фресках, являются портретами реально существовавших людей. С этим мнением согласился и Тодор Харманджиев.

Поднимаемся на второй этаж. Оттуда, говорит наш проводник, лучше виден купол и венчающий его крест. Действительно, поднявшись, мы заметили на куполе крест желтого цвета, высотой более метра.

Мы спросили и о грузинском уставе Петрицонского монастыря, но оказалось, что он ныне хранится в Софии.

Вышли из монастыря на улицу. Я взглянул на поднявшиеся до неба горы, и моему взору представились те грузины-подвижники, которые когда-то пришли в эти края, к этим высоким горам, так напоминающим далекую Грузию. Пришел сюда Иоанэ Петрици, чтобы славой покрыть грузинскую философскую мысль, пришли сюда труженики грузинского слова. И вот, через десять веков, пришли сюда мы, сыновья братских народов, чтобы с любовью почтить их имена. Я стоял на той земле, где ходил Иоанэ Петрици, где ночами не спали переписчики грузинских рукописей, грузинские книжники, одетые в черные одеяния монахов. Имена многих из них история даже не сохранила. Эти люди, всю жизнь отдавшие переписке грузинских рукописей, сами предпочли остаться неизвестными. Но труд их поистине бесценен.

Балканские горы (Стара-Планина) надвое делят Болгарию. Южная часть страны — это край равнин, чудесных долин рек Марицы и Тунджи. Отсюда, с долины Марицы, наш путь шел к городу Вазовграду, родине Ивана Вазова, знаменитого писателя, глашатая идей болгарского национально-освободительного движения.

Уничтоженный в 1875 году, когда турки сожгли весь город Сопот (так раньше назывался Вазовград), дом Ивана Вазова был восстановлен лишь в 1932 году.

Это небольшое одноэтажное здание с маленьким двориком, окаймленным изгородью из вербы. Во дворе растет несколько яблонь, а перед домом, у балкона — большая виноградная лоза (только в Мингрелии я видел такую огромную лозу сорта «Изабелла»). В доме всего четыре комнаты. В гостиной стоит низкая тахта, во второй комнате — письменный стол, за которым Вазов писал. На кухне — ткацкий станок. Со стороны улицы к дому примыкает большой зал, где прежде была винная лавка. Здесь теперь устроен музей, в котором хранятся рукописи Вазова, его книги, изданные на разных языках, портреты писателей — современников поэта.

Имя Вазова болгарский народ чтит с большим уважением и любовью. Это мы особенно ясно почувствовали в Софии, на вечере, посвященном столетию болгарского театра. Впрочем, нет. С проявлением любви к народному поэту мы столкнулись еще раньше, когда получили на вечер пригласительный билет. В его правом углу были написаны слова Георгия Димитрова о назначении театра, а в левом — слова Ивана Вазова.

После торжественного заседания была показана картина из пьесы Ивана Вазова «Под иггом», сцена в училище, которая завершается патриотической песней о будущем Болгарии. Песня была подхвачена всем залом. Это была подлинная демонстрация любви к большому национальному писателю, свидетельство неумирающей силы его произведений.

Имена Ивана Вазова и Христо Ботева — священные имена для каждого болгарина. Мы убедились в этом еще раз, побывав в Калофере, на родине Христо Ботева, и осмотрев экспозицию музея, который ныне устроен в доме, где родился поэт. Во дворе, перед домом Христо Ботева, установлен бюст поэта, на пьедестале памятника высечены слова: «Бессмертен тот, кто свою жизнь отдал за свободу». Это слова Христо Ботева.

Ни Дом-музей Ботева, ни Дом-музей Вазова не оставляют впечатления особой, нарочитой грандиозности. Но их ясную простоту, эти рукописи, книги, стихи поэтов — всю экспозицию музеев невозможно забыть, они навсегда остаются в памяти, дают глубокое и яркое представление о величайших писателях болгарского народа. В первой комнате Дома-музея Христо Ботева вы прочтаете слова революционного поэта: «Все угнетенные и трудовые люди, где бы они ни жили, — братья». А рядом стенд, который рассказывает о том, как Христо Ботев в 1876 году со своим вооруженным отрядом отплыл по Дунаю, чтобы бороться за освобождение родной страны от турецких захватчиков. Около двухсот вооруженных болгар, впереди которых шел Христо Ботев, высадились на берег реки и направились к городу Вратца. Однако под натиском превосходящих турецких военных сил Ботеву и его отряду пришлось отступить в глубь Балканских гор. В неравном бою Христо Ботев, 28-летний революционер и поэт, был убит. Мы прошли как раз по той дороге, по которой за Ботевым погнался отряд врагов. У дороги высятся камень с надписью, гласящей, что 4 мая 1876 года отсюда за Христо Ботевым погнался вооруженный турецкий отряд. Сбылось предчувствие поэта:

Быть может, погибну в битве,
Но хватит мне той награды,
Что скажет народ когда-то:
Он умер, бедняга, за правду,
За правду и за свободу!

От города Калофера тянутся склоны Балканских гор. Дорога ведет к Шипке, на вершине которой воздвигнут обелиск в память о героях боев у Шипки. Здесь в 1877 году, во время русско-турецкой войны, русские

солдаты еще раз покрыли славой свое оружие.

Волна русско-турецкой войны докатилась и до побережья Грузии. Как раз в это время (в 1878 году) была возвращена грузинская земля, захваченная турками, был освобожден Батуми. Через три столетия турецкого господства Аджария, у населения которой не смогли убить любовь к родине и грузинскому языку, была вновь возвращена матери-родине. Освобождение Болгарии русской армией было встречено грузинской общественностью с большой радостью.

Покинув подножье Шипки, мы направились в город Тырново, расположенный на реке Янтра.

Как любой древний город, Тырново застроен, в основном, одноэтажными, крытыми черепицей кирпичными домами. Узкие, извивающиеся, как лоза, улицы связывают его маленькие районы. Когда глядишь с реки Янтра, то приютившиеся на склоне гор домики напоминают птичьи гнезда.

Ночь провели в гостинице «Интурист». На другой день осмотрели достопримечательности города и раскинувшееся неподалеку маленькое село, которое здесь называют албанским селом. Проживают в селе, кроме албанцев, также болгары и румыны. Нам показали дом, выстроенный еще в XVI веке. Теперь его полностью восстановили и превратили в музей. Директор музея утверждал, что в этом доме бывал Скандербег, готовивший отсюда восстание в Албании.

В городе Тырново мы просмотрели очень интересный документальный фильм, в котором была запечатлена многотысячная демонстрация на улицах Софии. На экране — площадь, полная народу, перед Мавзолеем Димитрова бесчисленные знамена, транспаранты; народ дает клятву своему родному правительству, что он до конца будет верен делу социализма, сорвет все происки империалистических грабителей, старающихся отнять у трудящихся стран народной демократии свободу и вновь накинуть на них ярмо рабства.

В другом документальном фильме была показана демонстрация болгарской молодежи в защиту мира и демократии. На экране вспыхивают слова: «Никакая сила не может за-

ставить нас, молодежь, сойти с избранного нами ленинского пути. Заветы Георгия Димитрова нерушимы, дружба Болгарии и Советского Союза тверда, как скала».

Всюду, в каждом селе и в каждом городе Болгарии, мы находили подтверждение этим искренним словам, мы видели плакаты, лозунги, призывы: «Труд и бдительность, труд и мир!» Мы на каждом шагу убеждались, что не существует силы, которая могла бы заставить болгарский народ отказаться от его великих завоеваний.

На третий день нашего путешествия, утром, мы выехали в город Плевен. От Тырново до Плевена шесть часов езды. За окном машины мелькают поля, бесчисленные холмы, села и небольшие местечки. На склонах гор чернеет вспаханная земля. Крестьяне работают, пахут тракторами, а также плугами. Здесь, как и в Западной Грузии, в упряжке плуга ходят или пара быков или пара буйволов.

Проезжаем город Ловеч, расположенный на берегах реки Осым. На мосту, который перекинут через реку, теснятся торговые лавки и магазины. Длина этого моста — 250 — 300 метров. В магазинах, в основном, продукция местной промышленности: паласы, ковры, дорожки.

В четыре часа дня мы были уже в Плевене. Весь город состоит, главным образом, из одной длинной улицы, которую окружают сады и парки. Когда вы въезжаете в город, то ваше внимание сразу привлекает большой, многокупольный собор, вокруг которого на стене стоят пушки. Собор сооружен на собранные народом деньги в 1903 — 1907 годах. Теперь он превращен в музей. На стене собора написано, что он построен для увековечения памяти о тех днях, когда русская армия освободила болгарский народ от турецкого рабства. Собор окаймлен вербным декоративным кругом, растения образуют слова: «Герои, на ваших костях основалась наша свобода». Значение этих слов стало яснее, когда мы осмотрели собор. В подвале его стоят три больших саркофага. В них покоятся останки воинов, погибших в 1877 году в боях за город. Саркофаги украшены серебряными венками. На на-

ружной стене собора написаны имена героев, которые прославились в боях против турецких завоевателей во время освобождения Плевена. Здесь начертаны фамилии русских, украинцев, румын, болгар. Их светлой памяти и посвятил болгарский народ этот собор.

При входе в собор на камне высечены строки стихотворения на русском языке, посвященного Советской Армии, армии-освободительнице, которая действительно и окончательно освободила болгарский народ. К собору примыкает большой парк, где стоит памятник маршалу Толбухину с надписью: «Слава сталинскому полководцу, командующему Третьим Украинским фронтом Маршалу Толбухину. 1944 — 1945 гг.». В парке воздвигнут также большой обелиск в честь болгарских партизан. Так был создан целый ансамбль, названный народом «Памятником бессмертия». Народ любит это место, относится к нему с глубоким уважением. Вот и сейчас, в декабре, мы видим перед памятниками живые цветы. Директор музея объяснил нам, что сюда каждое утро приходят дети, женщины, старики и приносят букеты цветов. Народ не забывает своих самоотверженных сынов, своих освободителей, героев, павших в борьбе с фашизмом.

На другой день утром мы выехали в Софию. По дороге проехали город Вратца.

Сопровождающий нас Тодор Харманджиев — уроженец этого города. Он рассказал много эпизодов из истории Вратцы, вспомнил связанные с ней легенды. «Посмотрите, — говорит он, — на эти крутые скалы. Одну из них, самую высокую, и сейчас закрывает туман. Он расходитя только один раз в день, открывая на вершине скалу, похожую на фигуру женщины с распущенными волосами. Эта женщина была дочерью городского головы. Когда турки напали на Вратцу, болгары до последней капли крови защищали свой город. Они бы отстояли его, если бы не измена дочери городского головы, которая полюбила турецкого командующего. Он поручил возлюбленной украсть у отца ключи от городской крепости, и она исполнила его волю.

Отец узнал об измене. Тогда красавица-дочь сбежала из дому и скрывалась в этих скалах. Но даже природа не пощадила изменницу и превратила ее в камень, застывший на крутой скале, а туман скрыл ее лицо от народа. Вот почему камень на скале напоминает женщину».

К вечеру мы вернулись в Софию.

* * *

Шесть дней путешествовали мы на машине по городам и селам Болгарии. Видели ее замечательных людей и сказочную природу. Во многих местах мы встречались с крестьянами и пастухами, вели с ними душевные беседы. Болгары — очень трудолюбивые люди. Их руками выращиваются табак, виноград, хлеб, розы — нежные болгарские розы. В стране сильно развито и скотоводство.

Поэтому теперь, вернувшись в Софию, мы решили побывать у хлеборобов. Выехали в село Петырч, все пятьсот дворов которого ныне объединены в кооператив имени Сталина, созданный еще осенью 1945 года.

— Впервые объединились, главным образом, бедняки, — рассказал нам заместитель председателя этого кооператива и секретарь партийной организации Агниан Христов. — Что же касается кулаков, то им земля была оставлена полностью, только отнято было право на наемный труд. И кулаки очень скоро вынуждены были ту часть земли, которую они своими силами не могли обработать, передать кооперативу. Потом из кулацких семей к нам пришла молодежь, мы ее приняли. Всего в нашей деревне было тринадцать кулаков, теперь все они — члены кооператива. Хотя в нынешнем году был средний урожай, — продолжал Христов, — члены кооператива на трудодень получили по два килограмма пшеницы, один килограмм кукурузы, другие продукты и по восемь левов деньгами. Но это лишь предварительное распределение, так как окончательного итога мы еще не подводили. Если раньше из 500 семей нашего села 440 ютилось в землянках и тес-

ных домишках, то теперь уже построено 340 новых двухэтажных кирпичных домов.

Мы, члены делегации, побывали в доме Агниана Христова. Семья его живет в красивом двухэтажном доме: две комнаты наверху и две — внизу. Когда вы входите в квартиру, — душа радуется: на всем печать опрятности и чистоты. Агниан Христов рассказал, что был он сыном бедняка, жил раньше в землянке, всего хозяйства — лишь коза да свинья, а всей земли — клочок. — Нынешнюю нашу жизнь, — заключил Христов, — вы сами видели, и все это нам дало кооперативное хозяйство.

Вообще, надо сказать, что жизненный уровень в Болгарии достаточно высок. В магазинах много продуктов, промышленных товаров.

Наше пребывание в Болгарии подходило к концу. 25 декабря состоялось общее собрание писателей Софии, на которое пригласили и нашу делегацию. Болгарские писатели попросили нас рассказать о жизни Советской страны. Первое слово было предоставлено украинскому писателю М. Стельмаху. Вторым пришлось выступить мне. Рассказал об истории грузинской литературы, о новых произведениях нашей прозы, поэзии, драматургии. Слушали с большим вниманием. Я напомнил о том факте, что философ Чимчимели в XI веке перевел церковные сочинения Феофилакта Болгарского. Назвал переведенные в XIX веке произведения болгарских классиков на грузинский язык, в частности, роман Ивана Вазова «Под игмом», который был переведен вскоре после опубликования его на болгарском языке.

Нашим болгарским друзьям очень понравилась книга М. Квеселава «Болгарская литература», о которой я рассказал им подробно. Болгарские писатели даже упрекали своих критиков: вот грузины написали историю болгарской литературы, а мы до сего дня не имеем такого труда.

Члены нашей делегации заканчивали свои выступления стихами, — пример подал выступавший до меня

М. Стельмах. И меня попросили прочесть на грузинском языке какое-нибудь стихотворение. Выполняя просьбу хозяев, я прочитал «Мерани» Н. Бараташвили и «Рассвет» Ак. Церетели. Когда я читал строки «Рассвета» Ак. Церетели:

«Бирюзовый, изумрудный
Край родимый, край живительный!
Я больной к тебе вернулся,
Будь отрадой мне целительной».

грянули аплодисменты. Удивительно, что слушателям больше всего понравилось именно это место, хотя они не знали ни грузинского языка, ни биографии Ак. Церетели.

В заключение вечера выступил болгарский драматург О. Василев. Он сказал: «Мы, болгарские писатели, — с вами, наши братья и друзья, советские писатели, и нет такой силы в мире, которая смогла бы разлучить нас с советским народом, с советской литературой, с лагерем социализма». Последние слова Василева зал встретил громкими аплодисментами.

26 декабря нас пригласили на большой банкет. Здесь были лучшие писатели Болгарии, выдающиеся представители болгарской интеллигенции. С речью к нам обратился первый секретарь Союза писателей Болгарии Х. Радевский. Он провозгласил тост за советских писателей. Затем выступил президент Академии наук Т. Павлов, произнесший полную большой искренности и любви речь о дружбе Советского Союза и Болгарии. Долго длился этот незабываемый вечер братства, эта исключительно теплая встреча.

Мы покидали Болгарию с чувством уважения к ее трудолюбивому, сердечному и гостеприимному народу, окружившему нас, посланцев советских писателей, во время нашего семнадцатидневного пребывания в их стране, таким большим вниманием и радушием. Мы увозили с собой букеты нежных болгарских цветов, преподнесенных нам на аэродроме, как свидетельство дружбы и любви, связывающих народы Советского Союза и Болгарии.

Кетевана Ломтатидзе,

депутат Верховного Совета СССР,
доктор филологических наук.

ПО ДОРОГАМ СИРИИ

Познакомиться с одной из стран Арабского Востока не по страницам почтенных томов истории, справочников, журналов и газет, а проехав сотни километров по ее дорогам, осмотрев ее города и селения, было моей самой заветной, еще юношеской мечтой.

Не трудно себе представить, сколько радостных волнений доставило мне сообщение о том, что я включена в состав делегации Верховного Совета СССР, которая выезжает в Сирию. Наша поездка была ответным визитом на посещение сирийскими парламентариями Советского Союза в 1955 году.

...И вот самолет делает последние круги над аэродромом Дамаска, одного из древнейших городов мира, прославленного историческими памятниками, чудесными ремеслами и мастерами.

Мы сразу попадаем в атмосферу сердечной теплоты и радушия. К нам обращены тысячи приветливых взглядов, тянется лес дружеских рук. Через плотное кольцо окруживших нас людей пробираются девушки в белоснежных платьях и вручают нам огромные букеты цветов.

Нас встречают официальные представители Сирии, депутаты парламента, сотрудники советского посольства.

Первый день в Дамаске был заполнен официальными визитами. Делегация посетила парламент.

Здание парламента — замечательный образец национальной арабской архитектуры.

В мае 1945 года это прекрасное здание было подвергнуто варварской бомбардировке французской авиацией. Сейчас в одном из залов заново восстановленного парламента хранится макет, который воспроизводит в миниатюре старое здание, изуродованное бомбами, с пробитыми стенами, кровлей.

— Мы держим здесь этот макет в назидание потомству, — сказал нам один из депутатов парламента. — Пусть не забывает молодое поколение о том, что несет арабам колониализм.

Ценою долгой борьбы и немалых жертв мужественный сирийский народ сбросил ярмо колониализма. Сирийцы не забыли времен оккупации, когда колонизаторы силой оружия пытались подавить стремление народа к независимости. Народ Сирии хорошо помнит поддержку, оказанную Советским Союзом в 1946 году, когда представитель СССР наложил в Совете безопасности «вето» на резолюцию, преследовавшую цель продлить оккупацию Сирии и Ливана. Это вызвало у сирийцев горячую

волну симпатий к советскому народу. Об этом говорили все, с кем нам довелось беседовать во время поездки по Сирии.

Мы часто слышим такие слова:

— Если бы на свете не существовало Советского Союза, Сирия в 1946 году не стала бы независимой. Мы всегда будем за это благодарны Советской державе.

Гостеприимные сирийцы, горячо любящие свою страну, хотели показать ее нам как можно шире и обстоятельнее. Наши сирийские друзья с большой гордостью познакомили нас со своими молодыми промышленными предприятиями. Мы осмотрели первенец сирийской промышленности — стекольный завод, сооруженный в 1946 году в Дамаске. Завод работает почти исключительно на отечественном сырье. Он не только полностью удовлетворяет потребности страны в оконном и промышленном стекле, бутылках, стаканах, но примерно сорок процентов его продукции идет на экспорт. На заводе мы познакомились с представителями национальной технической интеллигенции. Не легко было подготовить первые кадры квалифицированных специалистов. Для получения образования приходилось выезжать за границу. Сейчас рабочие и весь инженерно-технический персонал завода — сирийцы.

На протяжении короткой истории независимой Сирии были обновлены текстильные фабрики в Дамаске и Халебе, в работе которых замечательно сочетается традиционное мастерство дамасских ремесленников-ткачей с использованием самых передовых методов производства.

Мы наблюдали строительные работы по сооружению первого в Сирии крупного морского порта — Латакии. Его по праву называют морскими воротами Сирии. Пропускная способность этого порта должна достигнуть двух миллионов тонн грузооборота в год. Начало строительства порта в Латакии относится к 1952 году, а завершение его намечено на 1958 год.

Народ Сирии живет в нелегких природных условиях: большая часть

территории страны — пустынные равнины с редкими оазисами. С незапамятных времен крестьяне бьются над тем, чтобы подвести воду к плодородным каштановым почвам и иметь возможность их обрабатывать. Где вода — там жизнь! Эта с детства заученная истина по-настоящему понятна только тем, кто страдает от отсутствия воды. В Сирии каждая капля чистой прохладной влаги ценится на вес золота.

Нам показали большое водохранилище — озеро Каттина, созданное плотиной на реке Оронт. Оно содержит 100 миллионов кубических метров воды. От озера разветвляется сеть оросительных каналов, которые несут живительную влагу на засушливые поля.

Мы ознакомились с системой водоснабжения города Халеба. Главная насосная станция халебского водопровода, доставляющая воду в город Халеб, находится на реке Евфрат, на расстоянии 95 километров от города. Там установлены основные фильтры, очищающие воду, и мощные силовые установки, дающие электроэнергию. По железобетонным трубам вода доставляется в Халеб и его окрестности. Любовно, с гордостью знакомят хозяева нас с этим сооружением, показывают приборы, машины, аппаратуру. Этот водопровод разрешает одну из самых острых и самых насущных проблем Халеба.

Сейчас в Сирии проводится большая работа по ликвидации неграмотности населения. Работники просвещения многое сделали для того, чтобы перестроить систему народного образования. В стране действует закон об обязательном начальном образовании для всех детей. Начальное образование — бесплатное, школы содержатся государством. За десять лет существования республики число учащихся только в начальных и средних школах Сирии возросло больше чем в четыре раза. Но и сейчас закон об обязательном начальном образовании еще полностью не осуществляется. Ощущается нужда в школьных помещениях, в преподавателях. Но в Сирии быстро растут кадры национальной интеллигенции. Сирийский государственный университет, восемь педагогических училищ

республики готовят работников просвещения. Большое внимание уделяется подготовке специалистов сельского хозяйства. Очень хорошее впечатление произвела на нас сельскохозяйственная школа в Дамаске. Она готовит, главным образом, специалистов по садоводству и бахчеводству. У школы большой участок, на котором учащиеся проходят практику, производят различные эксперименты. Мы посетили дамаскую городскую больницу и из беседы с ее директором узнали об успехах здравоохранения страны. Сейчас проводится большая профилактическая работа среди населения по борьбе с туберкулезом, малярией, бруцеллезом.

Население Сирии обслуживают 26 государственных госпиталей и ряд диспансеров, 1.126 врачей. Это маленькие цифры, но большие достижения. Они красноречиво говорят о том, что народ, сбросивший иго колониализма, может за 10 лет своей независимости создать гораздо больше, чем за сотни лет бесправной жизни.

Сирия очень богата историческими памятниками. Средневековые разбросало свои следы по всей стране.

Мы осматриваем величественное сооружение — знаменитую халебскую цитадель, поднимаемся по опаленным знойным солнцем ступеням крепости, достигаем вершины башни, откуда открывается вид на город и крепость. Под нами глиняные куполы древних крытых рынков, вереницы минаретов и протянувшиеся на несколько километров широкие стены крепости, окруженные глубоким рвом.

После знакомства с Халебом, нам казалось, что мы совершили экскурсию в глубину веков, в прошлое, давно ставшее достоянием учебников истории.

Десять дней длилось наше путешествие по Сирии. Срок очень маленький для того, чтобы составить полное представление о многих внутренних особенностях страны, жизни народа и его быта. Но десяти дней оказалось вполне достаточно, чтобы убе-

диться в горячем стремлении сирийцев к национальной самостоятельности, к свободе, к миру.

Нашу делегацию повсюду встречали с большой радостью и теплотой. Часто мы с трудом прокладывали себе дорогу в пестрой толпе — нам навстречу выходили крестьяне, только оторвавшиеся от работы в поле, женщины с детьми на руках, выходили, чтобы пожать нам руки, сказать теплые слова приветия. Нередко нашу делегацию население выезжало встречать на машинах и мотоциклах, украшенных цветами и флагами СССР и Сирии.

Трудно забыть день нашего отъезда. На аэродроме собралась многолюдная толпа людей. Народ на руках нес членов делегации от машин к самолету. И мы верили, что покидаем настоящих, хороших друзей, которые в своем едином горячем желании мира и дружбы между народами с доверием протягивают свои руки к Советскому Союзу.

Мы испытывали глубокое уважение к народу, пережившему тяжелые времена, но сохранившему такие драгоценные качества, как национальное достоинство, гордость духа, страстную ненависть к поработителям.

...Сейчас, когда прошло уже больше года после нашей поездки в Сирию, я перебираю в памяти все встречи и впечатления и думаю о том, что ни заговор против Сирии, организованный Соединенными Штатами Америки, ни угроза открытой агрессии со стороны империалистов не сумеют сломить народ Сирии, вернуть его к бесправию, к хозяйничанью колонизаторов.

Я вспоминаю слова президента республики Шукри Куатли, которые он произнес, прощаясь с нами:

— Мне хочется вас уверить, что мы, арабы, никогда первыми не поднимем оружия, никогда не будем нападающей страной. Но если империалисты и их пособники осмелятся на нас напасть, мы будем защищаться на своей земле до последней капли крови!

Зарубежные гости о Советской Грузии

За последние годы в нашей республике побывало много зарубежных делегаций. В Грузию приезжают с разных концов земли ученые и писатели, государственные и общественные деятели, артисты и журналисты. Только в 1956 году Грузию посетило 128 делегаций из 53 стран.

Наших гостей искренне радуют грандиозные успехи Советской страны, встречающей 40-ю годовщину Великой Октябрьской социалистической революции в полном расцвете своих могучих творческих сил.

Выдающийся китайский общественный деятель, писатель и историк Го Мо-жо, совершая поездку по Советскому Союзу, посетил и Грузию.

Восторженно отзываясь об успехах трудящихся Грузии, Го Мо-жо в четкой и лаконичной форме выразил свои мысли:

— На примере Грузии можно видеть, как Великий Октябрь, разорвавший вековые цепи классового и национального угнетения, открыл народам Советской страны безграничные возможности для экономического и культурного развития.

Другой китайский писатель Хан Шан-и, приезжавший в Грузию, заявил:

— Под солнцем Великой Октябрьской социалистической революции ярко расцвела жизнь грузинского народа. Он может гордиться своими победами, достигнутыми в братской семье советских народов, под руководством Коммунистической партии.

Многие иностранные гости, приезжавшие в Грузию, поделились своими впечатлениями на страницах печати. Интересны появившиеся в газетах статьи и очерки группы австрийских журналистов. Один из них в

статье «Грузия: гордое прошлое, богатое настоящее», опубликованной в газете «Эстеррейхише фолькштимме» и подписанной Е. Ц. Щ., пишет: «Мы пролетаем над замечательными землями, овеянными легендой, — Колхидой, о которой рассказал еще Гомер, куда по древнегреческому мифу отправились в поход за золотым руном аргонавты. Еще недавно здесь был рай для малярии, для комаров, которыми кишели эти заболоченные места. По инициативе Советского правительства на протяжении нескольких лет создавалась сложная система каналов, велась работа по превращению заболоченных земель в плодородные. На них расцвели сейчас чайные плантации, лимоны и мандарины. Таким образом люди нашли в наши дни золото, которое так тщетно искали древние греки».

Мне запомнилась встреча с членом делегации Общества англо-советской дружбы, побывавшей в Грузии в июне нынешнего года, инженером Томом Кейси. Он является секретарем отделения этого Общества в молодой городке Англии Харлоу. Том Кейси сообщил, что он очень интересовался ведущимся в Советском Союзе строительством и поэтому мечтал посмотреть в Советской стране новые города, подобные его родному Харлоу.

Наблюдательный человек, умеющий быстро разбираться во всем виденном, Том Кейси с воодушевлением говорил о социалистическом Рустави.

— Когда я возвращусь домой, — сказал он нам на прощание, — я обязательно расскажу о своей поездке в Грузию, о посещении Рустави.

Недавно в газете «Харлоу Сити-зен» были напечатаны путевые заметки Тома Кейси. «Небольшая книжка, путеводитель по г. Харлоу, — пишет он, — находится сейчас очень далеко от нашего маленького города. Она в Рустави — в новом городе солнечной Грузии. А передо мной лежит альбом с видами этого нового замечательного города — мне его подарили, когда я посетил Рустави».

Том Кейси отмечает, что Рустави произвел на него громадное впечатление. «Я разговаривал со многими жителями Рустави, которые рассказали мне, как на их глазах вырос громадный город, как строили больницу — сразу же после окончания строительства завода. Это меня очень удивило, так как в нашем городе — ровеснике Рустави — до сих пор нет больницы. Кроме больницы, в Рустави есть поликлиника, детские ясли. Да и не только это, — у них есть искусственное озеро, спортивный стадион, Дворец культуры, чудесный парк.

Здания и улицы города — красивы, в архитектуре вы не встретите вычурности. Все просто, удобно и радует глаз. Повсюду мы встречали людей, которые очень дружелюбно настроены к нашему народу, и мы уверены, что они действительно стремятся к дружбе с нашим народом, к миру».

Юрист из Индии Данил Латифи и его коллеги во время пребывания в Грузии заинтересовались колхозами. Они побывали в сельскохозяйственной артели села Меджврисхеви Горийского района, где подробно ознакомились с организацией колхозного производства, доходами колхозников. Суммируя свои впечатления, Данил Латифи сказал: «Услышав эти цифры и увидев богатство колхоза и благосостояние его членов, некоторые из нас были склонны пожалеть, что являются юристами, а не грузинскими колхозниками».

Зарубежные друзья высказывают свое восхищение успехами грузинского народа в развитии культуры, и науки.

Профессор Лейпцигского университета, заведующий кафедрой новой немецкой литературы, лауреат Национальной премии Ганс Мейер рассказал:

— Я испытывал безмерную радость от того, что в Тбилиси можно говорить перед многочисленной аудиторией студентов, аспирантов и доцентов о сложнейших вопросах немецкой классической литературы и романтизма. Я был счастлив отметить что меня с величайшим вниманием слушали, — следовательно, свободно понимали немецкий язык и воспринимали материал. Научная дискуссия, развернувшаяся по моему докладу, стояла на таком высоком уровне, к которому я привык при дискуссиях с участием хороших немецких специалистов.

Неизгладимое впечатление оставило у румынского поэта Виктора Кернбаха, переводчика на румынский язык поэмы Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре», ознакомление с памятниками материальной культуры грузинского народа.

— Памятники древнегрузинского зодчества, — сказал он, — по праву занимают одно из почетных мест в наследии мировой архитектуры. Осматривая их, еще раз убеждаешься в том, что советский народ является самым заботливым, самым верным хранителем величественных культурных ценностей, созданных человеком.

Яркие воспоминания о посещении Грузии сохранила известная немецкая артистка Эрика Дункельман. Она рассказывает:

— Я пережила приятный, волнующий вечер в Тбилисском университете. Грузинские студенты и студентки сыграли сцену из «Коварства и любви» Шиллера, декламировали стихи Гейне. Это было поистине великолепно. Мне никогда не забыть постановку «Марии Стюарт», которую я смотрела на следующий день. Этот спектакль произвел на меня большое впечатление, о нем можно сказать: так нужно ставить и играть Шиллера.

Выдающийся японский кинорежиссер Киехико Усихара, приехавший в Тбилиси после окончания VI Всемирного фестиваля молодежи и студентов, в котором он участвовал в качестве почетного гостя, поделился своими впечатлениями о ряде грузинских фильмов, показанных на фестивале. Он подчеркнул, что среди кинокартин различных стран ему больше всего понравился фильм

«Наш двор» Тбилисской студии «Грузия-фильм».

Многие из наших зарубежных гостей, — среди которых люди разных профессий, национальностей, политических и религиозных убеждений, — высказывают общую мысль о том, что расширение культурных связей, широкий обмен духовными и материальными ценностями между различными странами должно способствовать дальнейшему укреплению дружбы и сотрудничества между народами, делу сохранения мира во всем мире.

— Мы были до глубины души взволнованы встречей, состоявшейся в Тбилиси с нашим другом Георгием Церетели, с которым рады были познакомиться, установить контакт еще у себя на родине, — говорил нам профессор новой истории Сирийского университета Нуреджан Хатум, приехавший месяц назад в Грузию во главе делегации Общества развития культурного обмена между Сирией и Советским Союзом.

Побывавший летом этого года в Тбилиси видный иракский писатель Казым также выразил удовлетворение по поводу установления связей с писателями Грузии.

— В наши дни, — сказал он, — роль литературы и писателей особенно велика и ответственна. Наш долг, долг писателей, еще громче поднять свой голос протеста против гонки вооружений. В своих произведениях мы должны полнее и ярче отразить темы борьбы за мир, идеи гуманизма. В этом, — добавил Казым, — есть чему поучиться у советских писателей, книги которых призывают к борьбе за мир, воспевают дружбу между народами, вселяют веру в радостное, счастлирое будущее.

Радужно встретила грузинская общественность Джеймса Олдриджа, известного английского писателя, автора книг «Морской орел», «Охотник», «Дело чести», «Дипломат», вице-президента Общества англо-советской дружбы.

— Я посетил впервые Советский Союз, — рассказал Олдридж, — примерно 25 лет тому назад. Меня поразили огромные преобразования, происшедшие за это время в Советской стране, преобразования, которые порою незаметны советским людям. На примере Грузии я узнал о замечательных достижениях одной из национальных республик СССР.

Я увидел в Грузии настоящую картину советской жизни, кипучей, полнокровной. Можно позавидовать вашим писателям, перед которыми развернута эта величественная картина творческого, созидательного труда народа.

По возвращении из Советского Союза, заявил Олдридж в заключение, я расскажу обо всем увиденном. Я навсегда сохраню память о пребывании в Грузии, о прекрасном Тбилиси, о теплых встречах с грузинскими писателями.

Можно вспомнить еще немало встреч, теплых сердечных слов, высказанных на разных языках друзьями из-за рубежа о нашей республике, о наших успехах и достижениях. Главное, что объединяет все высказывания наших зарубежных друзей, — это радость при виде тех колоссальных преобразований, которые произошли в нашей стране за 40 лет Советской власти, уважение к советскому народу — народу-созидателю.

М. ШАВИШВИЛИ.

Технический редактор К. Коринтели.

Подписано к печати 4/XI—57 г.

Формат бумаги 70 × 108¹/₁₆. 9 печ. натур. л. + 3 вкл.

Заказ № 1193

Тираж 5.000.

УЭ03073

Цена 5 руб.

Типография «Заря Востока» имени А. Ф. Мясникова
Издательства ЦК КП Грузии, Тбилиси, пр. Руставели, 42.

~~6-24/211~~

3-53/199

5 руб.